

ГБУ РК «Центр «Наследие»
имени Питирима Сорокина»

Научный журнал НАСЛЕДИЕ

№ 2 (5) (2014)

Редакционный совет:

Марков В.П. – первый заместитель Председателя Государственного Совета Республики Коми, председатель Консультативного комитета финно-угорских народов, председатель

Роцевский М.П. – академик, советник РАН, заместитель председателя

Члены совета:

Бороноев А.О. – доктор философских наук, академик РАЕН, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского университета

Габушева Г.И. – министр национальной политики Республики Коми

Чернов А.Л. – заместитель Главы Республики Коми

Шарков В.В. – министр образования и высшей школы Республики Коми

Яковец Ю.В. – доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, президент Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева

Редакционная коллегия:

Кузванова О.Ю. – кандидат исторических наук, директор ГБУ РК «Центр «Наследие» им. Питирима Сорокина», главный редактор

Учредитель:

ГБУ РК «Центр «Наследие» имени
Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар)

Адрес редакции:

167000, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Советская, 30

Телефакс: +7-8212-201612

тел. +7-8212-201574

www: <http://rksorokinctr.org/>

e-mail: rksorokinctr@mail.ru

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов статей.

Перепечатка материалов,
размещенных в журнале, допускается только
с разрешения редакции.

Конюхов А.К. – кандидат социологических наук, заместитель директора ГБУ РК «Центр «Наследие» им. Питирима Сорокина», заместитель главного редактора

Кузнецова Т.Л. – кандидат филологических наук, зав. сектором литературоведения ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, ответственный секретарь

Члены редколлегии:

Гончаров И.А. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политологии и международных отношений Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета

Жеребцов И.Л. – доктор исторических наук, директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Савельева Э.А. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Сулимов В.А. – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета

Теребихин В.М. – кандидат философских наук, эксперт Общественной палаты Республики Коми

Фадеева И.Е. – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета

На обложке: П.А. Сорокин – глава Департамента социологии в Гарвардском Университете – в своем кабинете в Эмерсон Холле;

Краеведческий музей им. П. Сорокина в с. Турья.

Оригинал-макет подготовлен в ООО «Анбур»

Отв. за выпуск В.И. Трошева

Верстка – С.И. Оверин. Корректор Г.Г. Оверина

Подписано в печать 22.12.2014. Формат 70x100^{1/16}.

Усл. печ. л. 14,83. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Коми республиканская типография» 167982, г. Сыктывкар, ул. В. Савина, 81

© ГБУ РК «Центр «Наследие»
имени Питирима Сорокина», 2014
© ООО «Анбур», 2014

ISBN 978-5-91669-143-6

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 3

Методологические аспекты социологии П. Сорокина

Хренов Н.А. Культурологическая парадигма П.А. Сорокина
и гуманитарные науки 8

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Общество и культура в социологии
П.А. Сорокина (у истоков концептуализации социокультурного
подхода) 37

Лазебная К.П. Эволюция теории символического в творчестве
П.А. Сорокина 49

Сорокин и актуальные проблемы современности

Василенко В.В. «Война как стихия и тяжелая болезнь общества»
в трудах П.А. Сорокина 63

Попкова Т.В. Альтруизм и любовь как этическая основа
солидарности в социологии П.А. Сорокина 71

Сулимов В.А. Феномен преодоления: от индивида к личности 79

Теребихин В.М. Человек в интегральной homo-социологии
П.А. Сорокина: реконструкция и экспликация концепции 87

Тульчинский Г.Л. Проблема консолидации современного
российского социума: социально-культурные технологии 98

Оксузьян Д.В. Современная реклама с позиции социологических
представлений П.А. Сорокина 106

Имя в контексте эпохи

Бочкарёва В.И. Отечественные социологи-современники
(Н.И. Кареев – П.А. Сорокин) 111

Золотарёв В.П. М.М. Ковалевский и П.А. Сорокин 129

Сохранить наследие

Круглый стол на тему «Интеллектуальное и культурное
наследие в контексте общественного развития» 140

Из истории социологической мысли

Ломоносова М.В. Российские истоки развития сельской
социологии в американской академической социологии 157

Сорокин П.А. Идеология аграризма 169

Сведения об авторах 182

ОТ РЕДКОЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

В этом году в Республике Коми широко отмечается 125-летие со дня рождения нашего знаменитого земляка, выдающегося российско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина. Крупным событием для республики стало проведение 21–22 августа в Сыктывкаре Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века».

Для участия в работе конференции приехали ученые из различных городов России, а также из зарубежья. Открытие конференции состоялось в большом зале Государственного Совета Республики Коми. На пленарном заседании выступили врио* Главы Республики Коми В.М. Гайзер, Председатель Государственного Совета И.В. Ковзель, ректор Сыктывкарского государственного университета М.Д. Истиховская. В своем выступлении врио Главы Республики обозначил ключевые события (общественные и научные), которые и создали тренд, в обобщенном виде понимаемый как «возвращение наследия Питирима Сорокина на родину». В.М. Гайзер подчеркнул важность проходящей конференции для дальнейшего продвижения научного исследования творчества П. Сорокина.

На пленарном заседании прозвучали доклады Н.А. Хренова – доктора философских наук, профессора, заместителя директора по науке Государственного института искусствознания, Н.Ф. Зюзева – доктора философских наук, сотрудника Масси Колледжа (Торонто, Канада), О.Н. Астафьевой – доктора философских наук, профессора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ю.В. Яковца – доктора экономических наук, профессора, академика РАЕН, президента Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, В.В. Сапова – старшего научного сотрудника Института социологии РАН, Д.А. Несанелиса – кандидата исторических наук, заместителя главного редактора международного научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий».

На мероприятия по случаю 125-летия со дня рождения П. Сорокина приехал его сын – Сергей Питиримович Сорокин. Это уже третий его приезд в республику, впервые Сергей Сорокин посетил родину своего отца в 1999 году. Выступая

Участники конференции (слева направо):
Н.А. Хренов, О.Н. Астафьева, Г.Л. Тульчинский

* 14 сентября 2014 г. В.М. Гайзер был избран Главой Республики Коми.

на пленарном заседании, он рассказал о работе фонда Сорокина в Винчестере (США), который собирает, сохраняет и популяризирует наследие великого социолога, и призвал российских ученых делиться своими исследованиями, архивными материалами, делать их доступными для публикации на открытых интернет-порталах. Сергей Сорокин высоко оценил вклад Республики Коми в сохранение памяти и популяризацию научного наследия своего отца.

Выступает Г.Л. Тульчинский

Научное наследие Питирима Сорокина охватывает различные стороны жизни общества. В связи с этим организаторы конференции постарались выстроить работу секций таким образом, чтобы доклады, подготовленные участниками, отражали актуальность и многогранность идей Питирима Сорокина. Работа секций была организована по следующим направлениям:

- Научное наследие П. Сорокина и современная социологическая мысль США и России;
- Взгляды П. Сорокина на социальную мобильность и специфика социальных перемещений в современных обществах;
- Социальные конфликты в современном мире и гуманитарные практики по их предотвращению в контексте взглядов П. Сорокина;
- Культурологическое значение наследия П. Сорокина и социально-культурный портрет современности;

- Современное социокультурное пространство в свете научного и философского наследия П. Сорокина.

На открытии памятника П.А. Сорокину (слева направо): Первый заместитель Председателя Госсовета Республики Коми В.П. Марков, ректор Сыктывкарского госуниверситета М.Д. Истиховская, скульптор А.Н. Ковальчук, врио Главы Республики Коми В.М. Гайзер, сын П. Сорокина С.П. Сорокин (выступает)

Кульминационным моментом работы конференции стало открытие памятника Питириму Сорокину перед главным корпусом Сыктывкарского государственного университета. Символичным является место установки памятника, так как Сорокин помимо научной известности пользовался за-

служенным признанием как выдающийся организатор науки, впервые создавший в Гарвардском университете факультет социологии. Открытие памятника выпало на еще одну символическую дату – 22 августа, когда в Коми отмечают День Республики.

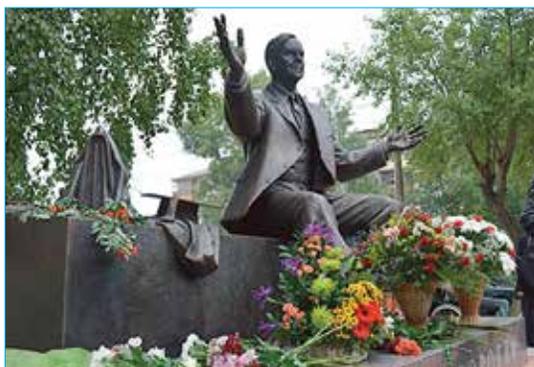
На открытии памятника врио Главы Республики Коми В.М. Гайзер отметил, что жизненный путь Питирима Сорокина – лучший пример того, чего может достигнуть человек, родившийся и выросший в глубинке, если он ставит перед собой цель, упорно ее добивается, несмотря на сложности и преграды, которые ставит перед ним жизнь. Это пример для современной молодежи. Важно, что в сборе денег на создание памятника принимало участие много людей: представители научных кругов, творческой интеллигенции, движения «Коми войтыр», бизнес-сообществ, а также рядовые граждане республики. Участие представителей самых разных социальных групп в установке памятника П. Сорокину лишний раз свидетельствует о символической роли фигуры П. Сорокина для республики.

В своем выступлении Сергей Сорокин обратил внимание на то, что скульптура имеет философский смысл – изображает человека, родившегося в маленькой деревушке, который смог добиться выдающихся результатов благодаря своему усердию и трудолюбию, а выбранное место установки памятника – у входа в университет – подчеркивает роль образования в жизни его отца.

Автор проекта памятника скульптор Андрей Ковальчук напомнил, что эскиз памятника был утвержден еще 15 лет назад, и теперь наконец воплощен в реальность, что для него как для автора является особенно радостным событием.

Сергей Сорокин с сотрудниками «Центра «Наследие» имени Питирима Сорокина». Слева направо: О.Ю. Кузванова, С.П. Сорокин, Е.А. Чипсанова, А.М. Канев, А.К. Конюхов

Памятник П.А. Сорокину

Настоящий номер журнала «Наследие» сформирован в основном из выступлений участников конференции. Первый раздел посвящен методологическим аспектам социологии П.А. Сорокина. Раздел открывается статьей Н.А. Хренова «Культурологическая парадигма П.А. Сорокина и гуманитарные науки», доклад которого прозвучал на откры-

тии конференции. Автор статьи на примере истории мирового искусства показывает важность и значение парадигмы циклизма, которую П. Сорокин вывел на основании собственных исследований и трудов предшественников, а затем применил в качестве инструмента «вскрытия» законов мировых культурных процессов. Собственно с момента применения концепта культуры в качестве предмета исследования Сорокин, по мысли автора статьи, становится не только социологом, но и культурологом. Методологический переход Сорокина от линейности к цикличности помог ему увидеть закономерность смены трех культурных суперсистем, обосновать кризис современной западной культуры, но не провозгласить ее «смерть», а показать пути ее возрождения в системе ценностей новой культуры.

Участники конференции
В.В. Василенко (слева), М.В. Ломоносова

Совместная статья Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева «Общество и культура в социологии П.А. Сорокина (у истоков концептуализации социокультурного подхода)» посвящена раскрытию понимания Сорокиным термина «социокультурный». Ввиду неконкретизации термина со стороны самого Сорокина социокультурный подход, по мнению авторов, становится «зонтичным термином для целой линейки экспликаций». В свою очередь авторы предлагают свои варианты трактовки данного понятия.

К.П. Лазебная своей статьей «Эволюция теории символического в творчестве П.А. Сорокина» продолжает исследование теории символического в трудах П. Сорокина, делая акцент в данном случае на объяснение символического проводника через призму единства социального, культурного и материального.

Второй – традиционный – раздел журнала связан с применением идей П. Сорокина к изучению современных актуальных проблем общественного развития. В.В. Василенко рассматривает эволюцию взглядов П. Сорокина на войну и революцию, показывая практическую значимость работ ученого для анализа современности. Альтруизм и любовь как этическая основа солидарности в трудах П. Сорокина рассматриваются в статье Т.В. Попковой, которая подчеркивает альтернативность сорокинскому пониманию солидарности той широко распространенной конфронтации, которую мы видим сегодня в мире.

Следующие две работы объединены единой темой «личность и общество». Это статья В.А. Сулимова, рассматривающего феномен преодоления как универсальный двигатель на эволюционном континууме от индивида к личности. И статья В.М. Терехина, где автор уделяет первостепенное внимание homo-социологии П. Сорокина, в которой человек предстает как сложная система, способная быть понятой только в своей целостности.

Прикладному аспекту концептуальной модели солидарности (консолидации) посвящена статья Г.Л. Тульчинского. Автор останавливается на региональном

С.П. Сорокин (слева) и автор памятника
П. Сорокину скульптор А.Н. Ковальчук (справа)

В рубрике «Сохранить наследие» представлены материалы Круглого стола, который состоялся в декабре 2013 года по инициативе Центра «Наследие». Выступления его участников не потеряли своей актуальности, так как затрагивались глубинные, содержательные пласты деятельности Центра и намечались новые векторы развития.

Завершается номер журнала статьей М.В. Ломоносовой, в которой прослеживаются истоки и этапы развития аграрной тематики в социологии П. Сорокина. Для полноты понимания вклада ученого в тематику аграризма редакция публикует статью П. Сорокина, изданную в Праге в 1924 году, – «Идеология аграризма».

срезе проблемы консолидации общества через обзор инструментального ряда наиболее востребованной социально-культурной технологии регионального брендинга.

Завершается раздел публикацией молодого исследователя Д.В. Оксюзьяна, который попытался применить некоторые теоретические подходы П. Сорокина к изучению современной рекламы.

В разделе «Имя в контексте эпохи» представлены статьи В.И. Бочкарёвой и В.П. Золотарёва. Работа В.И. Бочкарёвой – исследование двух методологических направлений в русской социологии конца XIX – начала XX века – этико-социологического (Н.И. Кареев) и бихевиористского (П.А. Сорокин).

Статья В.П. Золотарёва проливает свет на личные отношения М.М. Ковалевского и тогда еще молодого исследователя П.А. Сорокина.

Редколлегия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИИ П. СОРОКИНА

УДК: 316.73+930.85

Н.А. Хренов
Москва

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА П.А. СОРОКИНА И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Предлагаемая статья касается одного из актуальнейших вопросов методологии изучения культуры. Абсолютизация линейного принципа в исторических исследованиях, генезис которого уходит в эпоху Просвещения, привела к тому, что историки культуры стали уделять внимание одним периодам, в то время как другие адекватного осмысления не получали. Подобная ситуация сохранялась до тех пор, пока историк не открыл существование альтернативного принципа в историческом процессе, а именно циклического принципа. Его наиболее удачное использование в XX веке продемонстрировал П. Сорокин. В статье показано, как ученый постепенно двигался к открытию этого принципа, как он его применил в историческом исследовании культуры в фундаментальной работе, посвященной социальной и культурной динамике, а главное – как с помощью этого принципа можно избавиться от белых пятен в исследовании культуры, в том числе и современной.

Ключевые слова: социальная и культурная динамика, история культуры, история искусства, кризис культуры, линейный принцип, циклический принцип, краткие длительности времени, большие длительности времени, ментальность, средневековое искусство, Ренессанс, византийское искусство, искусство Древней Руси, мистика, сверхчувственное, символические формы выражения, геометрический стиль, миф, культура идеационального типа, культура чувственного типа, культура идеалистического типа.

N.A. Hrenov. P.A. Sorokin's culturological paradigm and humanitarian sciences
The article concerns on one of the most urgent problem of the methodology in studying culture. Absolutization of the linear principle in historical research led to the fact that historians of culture have been concentrated on some periods, while others have not received adequate comprehension. Similar situation stayed so long while cyclical principle of history has been opened. P. Sorokin demonstrated the most successful use of this principle in the 20th century. The article shows, how the scientist gradually moved to the discovery of this principle; how was this principle was used in historical research of culture in P.A. Sorokin's works and how it can help to get rid of "white spots" in the studies of culture.

Key words: social and cultural dynamics, history of culture, history of arts, culture crisis, linear principle, cyclical principle, short duration of time, long duration of time, mentality, Medieval arts, Renaissance, Byzantine arts, arts of the Ancient Russia, mysticism, extrasensory, symbolic expression, geometric style, myth, ideational type of culture, sensual type of culture, idealistic type of a culture.

На протяжении длительного времени автор этой статьи в своих научных исследованиях, касающихся искусства, следовал той концепции социодинамики культуры, которая разработана П. Сорокиным. Идеи П. Сорокина, касающиеся социальной и культурной динамики, могут способствовать совершенствованию методологии и наук об обществе, и наук о культуре, и наук об искусстве, как и вообще всех гуманитарных наук. Может быть, его идеи еще не стали достаточно распространенными. Однако интенсивное развитие в последние десятилетия в России науки о культуре делают его работы все более востребованными. В Государственном институте искусствознания автором статьи было организовано несколько международных конференций и опубликовано несколько изданий, которые помогли пропагандировать наследие П. Сорокина и использовать его идеи для понимания логики развития и функционирования искусства, особенно в ситуации переходности [Искусство в ситуации..., 2002; Переходные процессы..., 2003; Циклические ритмы..., 2004].

Научное наследие П. Сорокина требует обстоятельного анализа, причем с разных точек зрения. Например, с точки зрения эволюции социологических идей. Известно, что свою научную карьеру П. Сорокин начал как социолог и еще до эмиграции успел заявить о себе и тем, что организовал первую в России кафедру социологии в Петроградском университете, и тем, что предпринял непревзойденное для начала XX века изложение системы социологии в вышедшем в 1920 году двухтомном издании [Сорокин, 1993].

Его научное наследие в еще большей степени заслуживает анализа с точки зрения возникновения и становления науки о культуре. Известно, что когда в России началось становление науки о культуре, то часть проблематики, считавшейся до этого проблематикой уже существующих дисциплин, перешла в ведение новой науки. То же в свое время случилось и с социологией. Не переставая быть социологом, П. Сорокин, несомненно, внес в становление науки о культуре существенный вклад.

Однако П. Сорокин известен также и как активный политический деятель. Об этом свидетельствует его непростая биография, в частности, причастность к деятельности как партии эсеров, членом которой он состоял, так и Временно-

го правительства в 1917 году (он был секретарем А. Керенского), за что после прихода к власти большевиков ему пришлось отбывать срок в Петропавловской крепости. Оказавшись в эмиграции, он сосредоточился исключительно на научной и преподавательской деятельности, о чем свидетельствует не только появление его многочисленных трудов по самым разным проблемам, но и имена его учеников и последователей, в том числе и самых известных американских социологов, например, Р. Мертон, работы которого в России издаются.

Однако нельзя утверждать, что его активная политическая деятельность была нейтральной по отношению к его научным интересам. Это, в частности, проявилось и в выборе тем для научного исследования. Совсем недавно в России вышла книга «Социология революции», написанная им еще в 1923 году. Конечно, сегодня имя П. Сорокина ассоциируется в первую очередь с созданной им и появившейся незадолго до Второй мировой войны фундаментальной концепцией социальной и культурной динамики. Но ведь и сама эта концепция, замечательное достижение науки XX века, появилась в результате размышлений П. Сорокина как ученого и в еще большей степени как политического мыслителя над теми процессами, очевидцем которых он был. Причем не только очевидцем, но и активным действующим лицом. Эти процессы часто обозначаются как кризис общества, кризис человека, кризис государства. Ощущение распадающегося мира в начале XX века, что получило выражение, прежде всего, в Первой мировой войне, а затем и в русской революции, способствовало появлению таких сочинений, как «Закат Европы» О. Шпенглера и «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина. Эти сочинения, действительно, следует поставить рядом. Между ними, несомненно, существует связь, и об этом будет сказано далее.

Знакомый по западной философской и общественной мысли XX века мотив кризиса культуры у П. Сорокина имеет особый смысл. Обвиняемый в попытке покушения на Ленина, в революционной ситуации он мог быть расстрелян. Опасность расстрела оставалась реальной на протяжении всей его жизни. Так, в 60-е годы, когда в СССР к социологии вновь начали проявлять интерес, отечественные коллеги-социологи хотели пригласить П. Сорокина в Советский Союз. Это решение должен был принять сам Л.И. Брежнев. Изучая дело П. Сорокина, Л.И. Брежнев на одном из касающихся его документов обнаружил резолюцию В.И. Ленина, в которой было сказано, что в случае возвращения П. Сорокина в СССР он должен быть расстрелян. Отменить решение вождя генсек не решился. П. Сорокин, умерший в Винчестере (США) в 1968 году, так и не смог побывать на родине, хотя очень к этому стремился. Зато с некоторого времени издания его сочинений в нашей стране выходят систематически [Осипов, 2009, с.18].

Собственно, фундаментальная научная концепция П. Сорокина явилась реакцией мыслителя на кризис, который ученый поставил в контекст когда-либо имевших место в истории кризисов. В соответствии с основополагающей идеей, изложенной в его книге о социальной и культурной динамике, современную культуру Запада он воспринимал как разлагающуюся культуру. Это разложение, как утверждал Сорокин, поразило в том числе и американскую культуру,

которая обычно воспринимается молодой и устремленной в будущее. Некоторые его американские коллеги-социологи такой взгляд не разделяли, полагая, что в данном случае выдающийся ученый покидает сферу науки, становясь проповедником и пророком [Козер, 2009, с.66]. За такие пророчества некоторые называли его Кассандрой. Тем не менее на протяжении всей последующей жизни он продолжал придерживаться этой точки зрения. Не соглашаясь со своими оппонентами, он доказывал, что речь идет о неосознаваемых и объективно разворачивающихся процессах. Во всяком случае, в ситуации «цветущей сложности» американской культуры он писал о ее закате. И сегодня невозможно утверждать, что он был в этом смысле фантазером.

Сопоставление кризиса, охватившего в XX веке весь западный мир, с имевшими место в истории кризисами, что сближает его со Шпенглером, привело ученого к новому открытию специфического видения истории. Но это углубление в историю не было самоцелью. Он прежде всего пытался, как в свое время и Шпенглер, уловить смысл той ситуации, в которой в первой половине XX века оказалось все человечество. Это уже некогда в общественной мысли существовавшее, но вновь воскрешаемое ученым видение позволяет утверждать, что концепция социальной и культурной динамики П. Сорокина оказывается в основе новой научной парадигмы, требующей сегодня и продолжения, и развития. Сам же П. Сорокин продолжил возникшую еще до О. Шпенглера в России научную парадигму, связанную с именем Н. Данилевского, и придал некоторым ранее высказанным идеям системность.

О кризисе, ставшем для мысли П. Сорокина исходной точкой, с рубежа XIX–XX веков размышляли многие, и не только представители отечественной гуманитарной мысли. Аналогичной точки зрения по поводу кризиса придерживался, например, нидерландский историк Й. Хейзинга. В одно и то же время независимо друг от друга, и возможно, даже не зная друг друга, П. Сорокин и Й. Хейзинга зафиксировали один и тот же универсальный процесс, пытаясь его осмыслить. Под кризисом они понимали кризис социума, политики, философии, демократии, либеральных ценностей, науки, нравственности, права, государства, искусства. Поскольку такой процесс распространился на все сферы, причем во всех странах, то можно утверждать, что предметом своего внимания они сделали кризис в его универсальной или тотальной форме. Каким же из концептов П. Сорокин и Й. Хейзинга воспользовались для выражения этого тотального кризиса? Этим концептом явился концепт культуры. Несомненно, обоих мыслителей можно назвать культурологами. Как Й. Хейзинга, так и П. Сорокин в культуре усматривали то, что объединяет самые разнородные явления, кажущиеся по сравнению с ней лишь частными ее проявлениями. Сразу же обратим внимание на то, что это новый, специфический взгляд на мир, который позднее, уже в наше время, утверждает себя как взгляд культуролога. Так, сам П. Сорокин констатировал возникновение культурологии как науки с момента появления в 1918 году известного философского бестселлера Шпенглера, правда, не связывая эту науку исключительно с его именем. Он писал: «Отчасти независимо от Шпенглера, отчасти под влиянием его теории великих культур ряд исследований, особенно в Австрии и Германии, привел к возникновению

культурной морфологии или культурологии как науки, занимающейся изучением обширных социокультурных систем» [Сорокин, 1992а, с.84].

О чем бы Й. Хейзинга и П. Сорокин ни писали, каких бы явлений ни касались, они все рассматривают под углом зрения культуры. Для познания мира, для истории науки это новое, характерное для XX века явление. Да, у них были предшественники, в частности, философы или художники, такие, например, как Гердер. Но предшественники, двигаясь в этом направлении, еще в эпоху раннего модерна были одинокими мыслителями, они были лишены контекста, а именно становления особой научной парадигмы, которую вызвать к жизни должны были именно они. Й. Хейзинга и П. Сорокин размышляли уже в некоторой складывающейся матрице, системе представлений, призванной осмыслить переходные процессы, развертывающиеся в XIX и XX веках. Беспрецедентная ситуация XX века должна была быть осмыслена, в том числе и на уровне культуры. Но такая необходимость потребовала и углубленного уточнения сущности самой культуры. Предшествующая наука этого не успела сделать. Они учитывали это обстоятельство и делали эту матрицу более определенной. Эти мыслители пришли из разных научных сфер: Й. Хейзинга – из исторической науки, П. Сорокин – из социологии.

Конечно, П. Сорокина можно сближать не только с Й. Хейзингой, но и с другими мыслителями, а парадигму, в соответствии с которой он мыслил и делал открытия, с другими парадигмами. Но этих двух мыслителей мы сблизили потому, что при анализе всего происходящего в истории они исходили не просто из культуры. В динамично обновляющемся мире они разглядели опасность. Внимание они сосредоточили на кризисе культуры, прибегнув к одной и той же метафоре ночи и тьмы. Так, в предисловии к своей «Социальной и культурной динамике» П. Сорокин писал: «Мы живем, думаем и действуем в сгущающихся сумерках ночи переходного периода с ее кошмарами, гигантскими разрушениями и душераздирающими ужасами» [Сорокин, 2000]. В этом высказывании ощущаются размышления ученого о том, что произошло во время революций и двух мировых войн. Что же касается Й. Хейзинги, то в своем опубликованном в 1935 году эссе «Тени завтрашнего дня», имевшем подзаголовок «Диагноз духовного недуга нашего времени», смысл этого недуга он расшифровывал так: «Повсюду – сомнения в прочности общественного устройства, в котором мы существуем, смутный страх перед ближайшим будущим, чувство упадка и заката нашей цивилизации. Это не просто кошмары, мучающие нас в праздные ночные часы, когда пламя жизни горит слабее всего. Это трезво взвешенные ожидания, основанные на наблюдениях и выводах. Мы завалены фактами. Мы видим, как на наших глазах расплывается почти все то, что некогда казалось прочным, священным: истина и человечность, разум и право» [Хейзинга, 2010, с.19].

Невзирая на критику и неприятие идей П. Сорокина, касающихся кризиса, коллегами-социологами, отождествлявшими их с пророчествами, он продолжал настаивать на своем. Хотя свой прогноз П. Сорокин сделал, основываясь на опыте Первой мировой войны, до начала Второй мировой войны этот прогноз, кажется, всерьез и в самом деле не воспринимали. Сам П. Сорокин признавал, что его предупреждение было гласом вопиющего в пустыне. Тем

не менее Вторая мировая война давала уже больше оснований утверждать, что его идеи – не пророчество, а реальность. Когда она разразилась, П. Сорокин констатировал, что его прогноз подтверждается. Эта война оказалась следующим прыжком в варварство. «Прошло около десяти лет, – пишет он, – и то, что казалось невозможным, теперь стало фактом. А факты, как известно, вещь упрямая. “Слащавые” теории моих якобы компетентных критиков безжалостно отторгнуты историей» [Сорокин, 2009, с.99].

В том, что эти две темы – культура и кризис общества – совпали, имеется глубокая связь. Именно кризис культуры, осмысляемый разными исследователями по-разному и чаще всего весьма приблизительно, как раз и приближал к пониманию того, что такое культура или, иначе говоря, к открытию культуры и ее значимости. Именно уровень культуры оказывается способен приблизить к пониманию кризиса не только частных сфер, но кризиса универсального. Определенность в понимании предмета научного изучения возникает, когда этот предмет рискует исчезнуть. Дело здесь, конечно, не сводится лишь к разрушению памятников культуры. (Так, например, разрушение Реймского готического собора в годы Первой мировой войны воспринималось началом нового варварства.) Речь должна идти уже о многих негативных последствиях становления того, что Э. Тоффлер назовет индустриальной цивилизацией с ее беспрецедентными экономическим и политическим факторами и с ее технологиями. А эту тему в истории гуманитарных наук начал еще Ж.-Ж. Руссо.

Именно мысли об опасности исчезновения культуры посвятил свой труд «Затемненный мир» Й. Хейзинга. Констатируя неудовлетворительное состояние культуры, он пишет: «Мы все так хотели бы видеть ее (культуру. – Н.Х.) излечившейся – от ущерба, нанесенного механизацией и технизацией жизни, от охватывающего ее со всех сторон страшного одичания. И мы знаем: если культуре суждено выздороветь, то принести ей выздоровление должны мы сами, люди. И чтобы суметь сделать это, мы должны, прежде всего, излечиться сами» [Хейзинга, 2010, с.338].

На Западе о кризисе начали писать еще в XIX веке. В связи с этим можно говорить о данном некогда А. Шопенгауэром и Ф. Ницше диагнозе состояния западной культуры. То, что произойдет в XX веке, а именно угроза исчезновения культуры, прогнозировал уже Ф. Ницше. «Интерес к истине... – писал он, – будет падать: иллюзия, заблуждение, фантастика шаг за шагом завоюют свою прежнюю почву... ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружению в варварство; опять человечество должно будет сызнова начать ткать свою ткань... Но кто поручится, что оно всегда будет находить силы для этого» [Ясперс, 2004, с.378].

В начале XX века прогноз Ф. Ницше был подхвачен О. Шпенглером и представлен в его знаменитой морфологии мировой истории, опубликованной в 1918 году под названием «Закат Европы». Аргументации охватившего Европу тотального кризиса, о чем свидетельствовала Первая мировая война, способствовала проведенная О. Шпенглером параллель между историей западной и античной культуры. (Правда, впервые эту параллель позволил себе провести еще Ф. Ницше.) Шпенглер продолжил рассуждать о созвучности заката греко-

римского мира тому, что в начале XX века имело место на Западе. Он пишет: «Умирала и античность, но она ничего не знала об этом. Она верила в вечное бытие. Она доживала свои последние дни все с тем же несдержанным счастьем, смакуя каждый день сам по себе, как дар богов. Мы знаем нашу историю. Нам предстоит еще пережить последний духовный кризис, который охватывает весь европейско-американский мир. О его протекании рассказывает поздний эллинизм» [Шпенглер, 1993, с.624].

Уже не грядущему, а реальному настоящему и распространяющемуся кризису культуры П. Сорокин посвятил специальную работу «Кризис нашего времени». Она вышла в 1941 году, т.е. в период, когда Вторая мировая война уже развертывалась. Таким образом, в обсуждении проблематики тотального кризиса П. Сорокин не был первым. Но он внес в него то, чего у Шпенглера не было. Со Шпенглером П. Сорокина многое разъединяет, но многое и объединяет. Объединяет этих двух выдающихся ученых то, что для них культура становится предметом исследования, причем предметом, позволяющим обнаружить все те многочисленные связи, которые существуют между разными сферами. Для П. Сорокина, как и для Шпенглера, история предстает историей культуры. История – это история возникновения, становления, достижения высшей точки развития, затем надлома и заката, угасания существующих в мире культур. Однако Шпенглер свое внимание сосредоточил исключительно на последних столетиях истории Запада, обнаружив в них эпоху надвигающегося исчезновения этой некогда цветущей цивилизации. Его понимание исторического момента приобрело апокалиптический смысл. Кризис ценностей одной культурной системы он отождествлял не только с кризисом культуры Запада, но с закатом, т.е. смертью Запада. Уделяя внимание тому же моменту в истории Запада, на котором сосредоточил свое внимание Шпенглер, П. Сорокин усматривает в нем вовсе не закат и не смерть цивилизации. Кризис для него предстает, прежде всего, сменой культурных ориентаций в границах культуры, в данном случае западной. Однако, как и Шпенглеру, П. Сорокину тоже потребовались параллели со всеми имеющими место в истории кризисами. Но это уже совершенно иная логика. Угасание одного типа культуры совсем не означает, что какой-то народ исчезает с арены истории вообще. Если в начале XX века Шпенглера прочитывали под углом зрения смерти Запада, то П. Сорокин, подхватывая у него идею кризиса Запада, очищал ее от апокалиптического смысла. Кризис Запада для него не означал его смерть. Под ним подразумевался кризис одного типа культуры, который должен быть преодолен приходящим на смену угасающему типу культуры другим типом культуры, который в истории некогда уже имел место и, возможно, не один раз. Следовательно, П. Сорокин открывал новую логику истории, а именно циклическую логику.

Так, продолжая начатую Шпенглером циклическую парадигму, П. Сорокин упрекал своего предшественника в том, что, несмотря на манифестируемый им применительно к истории принцип циклизма, что вытекает из повторения одной культурой (западной) логики развития другой культуры (античной), его концепция удивительно похожа на линейный принцип в истории, поскольку в соответствии со Шпенглером каждая культура проходит все возрастные ста-

дии – детство, юность, возмужалость и старость [Сорокин, 2000, с.105]. Отвергая понимание кризиса как предсмертной агонии западного общества, что и доказывал Шпенглер, П. Сорокин писал: «Его (пессимистического диагноза состояния западного мира. – Н.Х.) адепты, которых не так давно возглавил Освальд Шпенглер, уверяют нас в том, что любая культура смертна. Достигнув зрелости, она начинает приходить в упадок. Концом этого упадка является неизбежное крушение культуры и общества, которому она принадлежит. Западные общества и их культура уже пережили точку своего наивысшего расцвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка. В связи с этим настоящий кризис – всего лишь начало конца их исторического существования. Не существует средства, которое могло бы отвратить предначертанное, как и не существует панацеи, способной помешать смерти западной культуры» [Сорокин, 1992б, с.428].

Однако несогласие П. Сорокина со Шпенглером по поводу вкладываемого в понятие «кризис» смысла вовсе не исключает некоторого сходства в методологическом подходе. В связи с этим возникает необходимость сопоставить П. Сорокина не столько со Шпенглером, сколько с целым рядом других мыслителей, идеи которых можно объединить и представить единой парадигмой. В эту парадигму, естественно, входит и Шпенглер. Но в еще большей степени она в XX веке была разработана А. Тойнби. Собственно, П. Сорокин процедуру сопоставления проделал сам, опубликовав в 1927 году в американском журнале «Social Forest» статью «Циклические концепции социально-исторического процесса». Ее можно считать ранним наброском той методологии, что обратит на себя внимание в его фундаментальной монографии «Социальная и культурная динамика».

В этой опубликованной П. Сорокиным как социологом статье еще не ощущалось, что проявление интереса к циклической парадигме в истории является составляющей его фундаментальной методологии, выходящей за границы социологии. Статья была написана в форме обзора, и из нее нельзя заключить, что П. Сорокин в своих последующих работах будет придерживаться именно этой парадигмы. Но случилось именно так. В конце 20-х годов П. Сорокин повернет в сторону от методологии, что возникает на основе представления об историческом времени как линейном процессе. Конечно, логику П. Сорокина можно было бы сопоставить с той логикой, что возникла и утвердила себя в эпоху раннего модерна, т.е. в эпоху появления классических форм философствования. Но не по своей сути, а по универсализму. В данном случае его логика сопоставима с тем видением исторического процесса, которое известно по Гегелю – в истории как истории становления Духа Гегель находил три основные ее фазы: символическую, классическую и романтическую. Смена этих фаз разворачивалась в соответствии с линейным принципом и не предполагала возвращения к предшествующей фазе, как к исходной точке. По Гегелю, каждая из фаз, угасая, уступала место другой и более в истории не повторялась. Это два альтернативных варианта универсального видения истории. Однако у Гегеля эта логика линейна, а у П. Сорокина – циклична. Кроме того, этих мыслителей разъединяет и то, что идет от духа времени. Гегель, как представитель

эпохи модерна, привлекал необычайным оптимизмом в выводах. Он выразил дух восходящего третьего сословия. Его время воспринималось им пиком исторического развития человечества. П. Сорокин выражает дух более позднего и катастрофического времени, когда западная цивилизация все более начинает ощущать кризис.

П. Сорокин радикально переосмысливает линейную парадигму, точнее, противопоставляет ей альтернативную парадигму, а именно циклическую. Здесь-то и произойдет переход мыслителя из одной науки, что возникла в XIX веке как реакция на необходимость выявить закономерности становящегося индустриального общества, т.е. социологии, к другой, предмет которой функционирует уже в иных ритмах и в ином времени. Этой наукой и будет наука о культуре. Для П. Сорокина переход от линейной парадигмы к циклической явился одновременно и переходом к рассмотрению любого явления и процесса в истории с точки зрения уже не социолога, а культуролога. Находясь под воздействием просветительской философской традиции, социология не прибегала к циклической парадигме, хотя в истории эта парадигма предшествует линейной и является древнейшей системой представлений.

Вообще, социальные процессы социология рассматривает в кратких, а не в больших протяженностях исторического времени. С помощью таких протяженностей проследить циклическую логику какого-либо процесса невозможно. Социолог обычно избегает не только истории с ее циклическими ритмами, но и истории вообще. Ф. Бродель справедливо отмечал, что социология пренебрегает историческим объяснением, а социолог избегает осмысления исторического времени [Бродель, 1977, с.134]. Социолог предрасположен ставить акцент на моментальном срезе состояния общества, тем самым выключая его из исторической длительности. Для того чтобы социологические исследования носили исторический характер, такие срезы социолог должен фиксировать систематически, т.е. проводить исследования в течение длительного времени и сопоставлять их. Однако такие исследования хотя и имеют место, но весьма редки. Что касается позиции П. Сорокина по этому вопросу, то, как свидетельствует Л. Козер, он «настойчиво повторял всю свою жизнь, что социология должна изучать исторические факты и что историки и социологи должны выступать как союзники, а не как соперники в их стремлении разгадать тайны человеческих проблем, возникающих в ходе истории» [Козер, 2009, с.80].

Дело, однако, и в разном понимании историчности, а также в ментальности. Например, европейское понимание историчности резко расходится с американским, которое связано с невниманием к историческому прошлому. Американский социолог ориентирован на факты в краткосрочном времени. Не поэтому ли в этом регионе так бурно развивалась особая разновидность социологии – конкретно-эмпирическая, оказавшая воздействие на социологические методы вообще? Но, может быть, несмотря на авторитет П. Сорокина в Америке, где он в 1931 году в Гарвардском университете организовал социологический факультет, разрабатываемая им парадигма, предусматривающая сопоставление разных исторических эпох, не во всем соответствовала ментальным установкам американцев, как и установкам социологической науки в ее американском

варианте. Видимо, совсем не случайно американскую социологию П. Сорокин критиковал за ее квантификацию, т.е. гипертрофию количественных методов. Как пишет Л. Козер, вышедшая в 1956 году его работа «Причуды и недостатки современной социологии и связанных с ней наук» содержала обвинение практически всей современной социологии и большинству ее эмпирических и статистических исследований [Козер, 2009, с.66]. Этому удивляться не приходится. Утверждаемая П. Сорокиным циклическая парадигма социологам казалась чуждой. Социолог П. Сорокин социологию перерос.

Комментируя подобное расхождение в понимании историчности ученик П. Сорокина Р. Мертон пишет: «Фактическое пренебрежение историческим материалом возникает не из-за отсутствия интереса или из-за непонимания важности долгосрочных следствий, но исключительно из-за убежденности в том, что исторические исследования требуют данных, которые невозможно получить» [Мертон, 2006, с.634]. В такой установке проявляется также ориентация на методологию естественных наук, что свидетельствует о живучести позитивизма. Вот еще более точное высказывание Р. Мертона, касающееся несовпадения в понимании историзма. «Если европейский вариант предпочитает исследовать долгосрочные процессы с помощью исторических данных, причем некоторые из этих данных, относящиеся к групповым и массовым мнениям, могут быть оспорены, а выводы тем самым опровергнуты, – пишет Р. Мертон, – то американский вариант предпочитает тщательно изучать краткосрочные ситуации, используя при этом данные, которые полностью соответствуют требованиям решения научной проблемы, и ограничиваясь непосредственными реакциями индивидов на конкретную ситуацию, вырванную из длительных временных интервалов истории» [Мертон, 2006, с.635].

Суждения Р. Мертона основаны не только на несходстве двух ментальностей – французской и американской, но и на несходстве в деятельности историка двух подходов. Все дело в том, что современный историк находится под воздействием функционирования тех структур, что действуют в политической истории или в истории политической системы. Но политические структуры – это не столько структуры, сколько, по мнению Ф. Броделя, развертывающиеся в кратких длительностях истории события. Пресса и вообще средства массовой коммуникации, столь сильно воздействующие не только на массовое, но и научное сознание, приучили к восприятию истории, развертывающейся в форме событий. Что касается альтернативного подхода, т.е. развертывания истории в больших длительностях, то этот подход современными социологами практически не используется, что не удивительно. Ведь время больших длительностей – это время тех структур, которыми являются культура и цивилизация. Однако не только социологи, но даже и историки предметом своего исследования по-прежнему делают не культуру и цивилизацию, а общество и государство.

Пытаясь реабилитировать циклическую парадигму, в числе своих предшественников П. Сорокин называет не только Шпенглера, концепцию исторического процесса которого он оценивает как радикальный поворот в социальной мысли, но в том числе Макиавелли, Кампанеллу и Джамбаттиста Вико. Более того, для него исходной точкой является Экклезиаст. Ведь именно у Экклезиаста

ста большое значение придается повторению. Так, П. Сорокин находит у него следующую мысль: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает и нечто, о чем говорят: “Смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас» [Сорокин, 1998, с.4].

Обращая внимание на распространенность этой древней циклической парадигмы, он говорит и об астрологии, и о кабалистических верованиях. Признаки ее он находит в древней мысли Индии, но в том числе и на Востоке, примером чего может служить конфуцианство. Разумеется, он находит ее и у древнегреческих мыслителей, в том числе у философов (например, у Платона) и историков (например, у Полибия). Кстати, циклическая логика одновременно улавливается как у историков античности, так и у историков Востока. Это сопоставление было проделано Н. Конрадом [Конрад, 1972, с.47]. Список предшественников можно было бы продолжать, обращаясь к наследию отечественных мыслителей. Совершенно очевидно, что новое открытие циклической парадигмы произошло в России. Так, в числе своих предшественников сам П. Сорокин называл Н. Данилевского хотя бы уже потому, что концепция Шпенглера, близость которого П. Сорокину нами уже отмечалась, возникла под влиянием именно этого русского ученого, в чем признавался и сам Шпенглер.

Затрагивая вопрос о предшественниках П. Сорокина в российской науке, Л. Козер пишет не только о влиянии на него отечественных социологов, в частности М. Ковалевского и Л. Петражицкого [Козер, 2009, с.74]. Сам П. Сорокин признавал, что сочинение Н. Данилевского «Россия и Европа» явилось выдающимся трудом по философии истории и социологии культуры. П. Сорокин не мог не разделять неприятие Н. Данилевским линейной логики в историческом времени, а также отрицание им той точки зрения, что германо-романская цивилизация тождественна всеобщей человеческой цивилизации.

Можно также фиксировать созвучность некоторых идей П. Сорокина представлениям об историческом процессе других русских философов XX века, в частности Н. Бердяева и П. Флоренского. Так, сам П. Сорокин справедливо констатировал, что Н. Бердяев отрицает формы линейной интерпретации исторического процесса и линейные теории прогресса. Он обращает внимание на то, что весьма ценные идеи этого плана у Н. Бердяева остались незамеченными. Более того, П. Сорокин положительно оценивает идеи этого рода Н. Бердяева и солидаризируется с ним [Сорокин, 1992а, с.170]. Можно также фиксировать созвучность некоторых идей П. Сорокина суждениям П. Флоренского о смене в истории разных культурных ценностей [Хренов, 2014, с.137]. Так, П. Флоренский доказывал, что в истории культуры постоянно чередуются две культуры, когда одна культура утрачивает творческий дух и происходит возвращение к исходной точке, т.е. к той культуре, которая, казалось бы, уже ушла в прошлое. В соответствии с П. Флоренским одна из этих культур представлена средневековой, другая – ренессансной культурой. В подготовленном философом для русского библиографического института «Гранат» «Автопортрете» он писал о своей концепции истории культуры так: «Руководящая тема культурно-исторических воззрений Флоренского – отрицание культуры как единого во време-

ни и в пространстве процесса с вытекающими отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры. Что же касается до жизни отдельных культур, то П. Флоренский развивает мысль о подчиненности их ритмически сменяющимся типам культуры средневековой и культуры возрожденческой. Первый тип характеризуется органичностью, объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй – раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностностью. Ренессансная культура Европы, по убеждению П. Флоренского, заключала свое существование к началу XX века, и с первых же годов нового столетия можно наблюдать по всем линиям культуры первые ростки культуры иного типа» [Флоренский, 1994, с.38].

Симпатии П. Флоренского оказывались на стороне восходящей, т.е., как получается, средневековой культуры, о чем свидетельствует его работа, в которой он дает позитивную для нового искусства интерпретацию обратной перспективы. Поскольку на рубеже XIX–XX веков культура ренессансного типа оказывается в кризисе, то сменяющая ее культура обращает на себя внимание сходством со средневековой. Именно возврат к Средневековью в начале XX века и имеет в виду П. Флоренский. Так, в читаемом им с 1908 по 1918 год курсе лекций «Первые шаги философии» он формулирует: «Мы пережили век утонченности, а затем – и переутонченности; теперь же начинаются искания архаизма и отвращение от рациональности. Самый порочный из оплотов рационализма – научное мировоззрение – падает на наших глазах под прибоем растущего прилива. Близко новое Средневековье; и народные массы с Востока, кажется, уже идут исполнять, устремившись на западную Европу с Севера, – идут исполнять обычное историческое назначение – рушить» [Флоренский, 1995, с.74].

Знакомясь с суждениями Н. Бердяева и П. Флоренского, можно убедиться в том, что идея циклизма витала в воздухе, и отечественная гуманитарная мысль успела проявить к ней интерес. Поэтому можно утверждать, что в проекте социальной и культурной динамики П. Сорокина улавливаются следы начавшегося осознания развертывающихся исторических процессов в специфическом историческом времени. Он улавливает эти настроения, пытаясь осмыслить их в соответствии с тем типом ментальности, что для русской культуры характерен.

Пройдет не так уж много времени, отделяющего создание фундаментальной монографии о социальной и культурной динамике в 4-х томах (1937–1941) от публикации его статьи 1927 года «Циклические концепции социально-исторического процесса», и мы обнаружим, что прием, ставший предметом его ранней статьи, предстает уже определяющим его последующие сочинения методологическим подходом. Позднее, уже после окончания работы над своим главным фундаментальным сочинением, П. Сорокин вернется к своим предшественникам, подтолкнувшим его к циклическому подходу. Но на этот раз его изложение будет уже не столь обзорным и приблизительным, как это имело место в его ранней статье «Циклические концепции социально-исторического процесса». Речь уже пойдет не о предшественниках, а о сдвиге в научных парадигмах. В статье 1945 года «Социальная динамика и эволюционизм» он проведет границу между обожествленным в XIX веке принципом линейности, или, как он выражается, «линейным наваждением» XIX века, и принципом нелинейности,

к которому наука XX века проявляет все больший интерес. Как доказывается в этой работе, линейный тип изменения, который утверждался в XIX веке как в естественных, так и в социальных и гуманитарных науках, является лишь одним из многих [Сорокин, 1994, с.365]. По мнению П. Сорокина, социальная наука XX века преодолевает «линейное наваждение», проявляя интерес к устойчивым и повторяющимся аспектам социокультурных изменений, к постоянно повторяющимся ритмам, флуктуациям, циклам и периодичностям в ходе социокультурного процесса.

Не отрицая уникальности исторических процессов, П. Сорокин, однако, утверждает, что в истории существует немало повторений («Ни об одном уникальном историческом событии нельзя рассказать, не предположив, явно или неявно, что многие его существенные черты повторяемы» [Сорокин, 2000, с.85]). Доказывая реальность циклической парадигмы, он различает абсолютно циклический и относительно циклический типы исторического процесса. В абсолютно циклическом процессе последующая фаза имеющего место повторения может возвращаться к своей первой фазе. В этом случае цикл начинается снова, проходя тот же самый путь, который он проделал до этого. В относительно циклическом процессе траектория следующего цикла может не совпадать полностью с траекториями предыдущих циклов [Сорокин, 2000, с.90].

Конечно, в многотомном исследовании о социальной и культурной динамике в поле внимания ученого попадают не только наука, этика, право, но и религия, социум, политика и эстетика, в том числе и искусство. В общем, все то, что, собственно, и составляет культуру. Но мы в данной статье остановимся лишь на том, что дает фундаментальная концепция социодинамики П. Сорокина для понимания логики истории искусства. Попытаемся уделить искусству больше внимания. Тем более, что, как отмечает П. Сорокин, самые первые в общественных и гуманитарных науках XX века и наиболее глубокие исследования циклов, ритмов, флуктуаций и периодичностей появились именно в теории и истории изобразительного искусства и только затем в экономике и других социальных сферах [Сорокин, 1994, с.370]. Не случайно, перечисляя исследователей искусства, которые этот его тезис предвосхитили, ученый называет Г. Вельфлина.

Именно в сфере искусства проблема кризиса как одна из интересующих П. Сорокина первостепенных проблем начала обсуждаться еще с XIX века. Как известно, еще Гегель прогнозировал «смерть» искусства. В XX веке число суждений на эту тему необычайно возросло. Об этом писали Н. Бердяев, В. Вейдле, Й. Хейзинга, К. Ясперс, Х. Зедльмайр и другие. Но вот что интересно: причину этого кризиса в искусстве многие искали во внутренних закономерностях самого искусства. Вообще, в том, что было написано об искусстве, в том числе об искусстве разных эпох, накопилось много поставленных, но не разрешенных в границах истории искусства проблем. Правда, по поводу некоторых из них ответы предлагались, но они не всегда были верными и тем более исчерпывающими.

Назовем некоторые вопросы, на которые историки, теоретики и критики искусства пытались найти ответы. Например, обращало на себя внимание то, что

искусство Средневековья длительное время адекватного осмысления не получало. По сравнению с древнегреческим искусством, с одной стороны, и не менее блестящим искусством Ренессанса, с другой, оно казалось примитивным, не развившимся до совершенных форм, и его, как представлялось, нельзя было поставить рядом с ними. С одной стороны, в нем усматривали упадок некогда совершенных художественных образцов, а с другой – слабое предвестие будущего расцвета искусства в эпоху Ренессанса. С той и другой точки зрения получалось, что это искусство не обрело завершенности, целостности и системности, не имело самостоятельного значения. В истории искусства получалась какая-то «черная дыра». По сравнению с этими несовершенными, якобы недоразвившимися художественными формами Ренессанс казался вершиной, тем этапом, с которого начиналась совершенно новая и более соответствующая идеалу история. «Следует, конечно, добавить, что для тогдашней Италии, – пишет Я. Буркхардт, – Средние века миновали безвозвратно, и дух смог осознать их именно потому, что они стали по отношению к нему чем-то внешним. Нельзя сказать, чтобы о них судили справедливо и тем более с почтением; в искусствах прочно утвердилось предубеждение против произведений Средневековья, а гуманисты отсчитывали начало Нового времени с собственного появления на свет» [Буркхардт, 1996, с.215].

Так, фрески в катакомбах свидетельствовали о том, что искусство средних веков, преодолевая совершенные классические образцы, возвращается к истокам, более того, к отвергнутым греками восточным формам, кажущимся архаическими и ушедшими в прошлое. Возвращение к ним казалось непонятным. В катакомбной живописи образы исключены из земной жизни, лишены переживаний, воспринимаются застывшими и безжизненными. Констатируя сложившуюся в истории искусства ситуацию с идентификацией средневекового искусства, М. Дворжак писал: «За немногими исключениями сознательно или бессознательно их (средневековые скульптуры и картины. – Н.Х.) воспринимают в большей или меньшей степени как “только исторические документы” и “свидетельства примитивных степеней развития”, как относительные ценности переходного времени и только в самых редких случаях их исследуют с точки зрения их особого средневекового художественного содержания. Когда же стараются отдать должное художественным достоинствам средневековых статуй или живописи, то слова часто звучат пусто, как условные формулы вежливости. С ними связывают оценочные представления, которые произвольно перенесены на средние века. Это, естественно, влияет и на общую картину средневекового искусства, которая делается оттого неопределенной и поразительно безжизненной, делается царством туманных, хаотических сумерек, из которых выделяются – в сильной, но, скорее, неопределенно воспринятой, чем ясно очерченной действительности и значительности – отдельные вершины художественного творчества, великие соборы, статуи Реймса, Наумбурга, витражи Шартра» [Дворжак, 2001, с.55].

В силу этой невозможности понять смысл средневекового искусства как целостности оно вплоть до XX века оставалось непонятым, воспринималось как

то, что нарушало логику прогресса, определяющую с начала Нового времени все происходившее в истории. «В то время как античность, – пишет М. Дворжак, – благодаря давней и целенаправленной духовной работе сделалась неотторжимой частью нашей культуры и оформила большую часть того, что выработалось после победы возрождения в области общих духовных точек зрения, в то время как она, в существенном, продолжает жить в нашем интеллектуальном и художественном сознании, духовная культура средних веков остается для нас, при всем воодушевлении романтиков, в полном смысле слова чужим миром, к наглядному образу которого мы должны еще с трудом пробиваться» [Дворжак, 2001, с.60].

Конечно, непризнанию самостоятельности и значимости средневекового искусства способствовали новые, возникшие в эпоху Ренессанса эстетические принципы, которые стали господствующими, определяя развитие искусства на протяжении последующих столетий. Когда эстетика превратилась в эксплицитную (т.е. научную) дисциплину, а это произошло в XVIII веке, в эпоху Просвещения, эстетические принципы, истоком которых был Ренессанс, оформились в еще более жесткую систему. С точки зрения этой эстетики эпоха Средневековья воспринималась как сумеречная, как эпоха упадка [Базен, 1995, с.108]. Такое отношение к Средневековью продолжалось до появления романтиков, которые, реабилитируя Средневековье, оказались в оппозиции по отношению к просветителям. Впрочем, считается, что реабилитация средневекового искусства началась с восторга, который пережил Гете в 1772 году, созерцая готический собор в Страсбурге. Испытав это чувство, он описал это в сочинении, посвященном готической архитектуре [Базен, 1995, с.207]. Чтобы вынести адекватные оценки средневековому искусству, необходимо было отказаться от оценок, возникших в связи с теми ценностями, что формировались в культуре Нового времени, т.е. с ценностями, которые культивировались в возникшей в это время эстетике. Поскольку эта эстетическая система оказывалась длительное время весьма авторитетной, этого сделать было невозможно. Такая возможность представилась, когда тип культуры, развитие которого началось с Ренессанса, начал уходить в прошлое. Это произошло в XX веке, когда культура, формировавшаяся с Ренессанса, оказалась в кризисе.

Может быть, еще более поразительным фактом в истории искусства является отсутствие интереса к византийскому искусству, которое сравнивалось с художественными формами Ренессанса и в результате тоже, как и вообще все средневековое искусство, казалось несовершенным и не выдерживающим никакого сравнения. Эта эпоха недооценки византийского искусства была еще более длительной, чем период недооценки западного средневекового искусства. Трудности реконструкции художественных процессов в Византии связаны с отсутствием исследований по ее истории. Еще К. Леонтьев констатировал: «Византийское общество... пострадало от равнодушия, или недоброжелательства, писателей западных, от неподготовленности и долгой незрелости нашей русской науки. Византия представляется чем-то (скажем просто, как говорится иногда в словесных беседах) сухим, скучным, поповским, и не только скучным, но даже чем-то жалким и подлым. Между падшим языческим Римом и эпохой

Европейского Возрождения обыкновенно представляется какая-то зияющая темная пропасть варварства» [Леонтьев, 1885, с.89].

Но эпоха переоценки византийского искусства все же наступила. Это произошло тоже в начале XX века. Кстати, не без активного участия в этой переоценке отечественной науки. Становилось все более очевидным, что изменяющие классическому древнегреческому идеалу византийские формы, в которых усматривались лишь признаки упадка и вырождения, «на самом деле проистекали из стремления возвысить дух, отринуть все внешнее и вообще все материальное, дабы позволить духу устремиться к единственно подлинной реальности – к созерцанию сверхчувственного» [Базен, 1995, с.158]. Пожалуй, здесь французский историк истории искусства уже употребляет понятие, которое в концепции П. Сорокина окажется ключевым, а именно сверхчувственное. До XX века византийское искусство предпочитали рассматривать как результат деградации искусства Древнего Рима. Однако в некоторых других исследованиях по истории искусства, таких, например, как книга Й. Стшиговского «Восток или Рим?», утверждалось, что византийское искусство имеет абсолютно оригинальный характер. Оно вызвано к жизни особым восточным мироощущением и принадлежит к наиболее возвышенным достижениям человечества [Базен, 1995, с.129].

Эхом этой переоценки византийского искусства явилось открытие в России начала XX века иконописи Древней Руси, образцы которой были сохранены исключительно в старообрядческой среде. Эти образцы древнерусской живописи, к этому времени совершенно забытые и оказавшиеся неизвестными, тесно связаны с византийской традицией. Поскольку же эстетика Ренессанса и Просвещения исключала Средневековье из непрерывной прогрессивной логики развития искусства, то мир не знал ни византийской, ни древнерусской иконописи. Критерии эстетики Нового времени оказались для интерпретации этих явлений Средневековья барьером. На протяжении столетий критерием всех художественных форм оказывался лишь стиль Ренессанса. Такова логика европоцентризма. Ни византийская, ни древнерусская иконопись не соответствовали этому критерию, а значит, делался вывод, они не обладают художественным совершенством и внимания не заслуживают. Как только Ренессанс начал утрачивать свою художественную силу, а это произошло в начале XX века, когда на выставке 1913 года, посвященной трехсотлетию юбилею дома Романовых, были показаны древние иконы, средневековая иконопись начала привлекать к себе внимание, в том числе представителей художественного авангарда, например, таких художников, как Кандинский, Шагал, Татлин, Малевич, Гончарова [Бельтинг, 2002, с.35].

Собственно, в византийской, а затем и в древнерусской иконописи имела место альтернативная по отношению к Ренессансу традиция. «Благодаря уединенности от Европы, Древняя Русь, – пишет П. Муратов, – удержала тайну искусства, о котором Запад уже давно успел забыть, – тайну живописи, в основу которой легли воззрения и стилистические приемы, не встречающиеся в живописи европейского Возрождения» [Муратов, 2005, с.126]. Но смысл этой возрождающейся традиции следовало еще разгадать. Наука к этой разгадке еще не была готова.

Наконец, относясь к античному искусству как к самому совершенному, непревзойденному образцу, что вытекало из позиции повсеместно усвоенного И. Винкельмана, историки искусства XVIII, XIX, да, пожалуй, еще и XX веков подразумевали под ним исключительно классический период в античности. Между тем кроме классического периода в истории античного мира, как известно, было еще два периода: архаический и поздний-эллинистический. С этими периодами было сложнее. Скажем, архаический период не достиг, да и не мог достичь той чистоты стиля, что имел место в классический период. В нем было много от крито-микенских памятников и восточных форм и влияний, способных затормозить появление новых и самостоятельных форм, имевших место в классический период. Поэтому до Ф. Ницше, открывшего архаический период Греции заново, в связи с чем формула И. Винкельмана перестала восприниматься бесспорной истиной, архаический период в Греции был неизвестен. Таковую же трудность представлял и эллинистический период, который некоторыми исследователями оценивался как период вырождения и упадка.

Трудности возникали и с осмыслением опыта искусства, которое начало появляться уже в XX веке и в котором начали улавливаться связи не столько с непосредственно предшествующим периодом в истории искусства, сколько с ранними ее эпохами. Это, например, проявилось в отрицании с эпохи импрессионизма центральной перспективы как величайшего завоевания эпохи Ренессанса и в реабилитации обратной перспективы, что как раз и характерно для искусства Средневековья. Некоторые такие проявления нового искусства получали осмысление, но его до сих пор нельзя назвать адекватным. Частично их осмысляли как выражение кризиса искусства. Это открытый вопрос вплоть до сегодняшнего дня. Здесь трудности по сравнению с ранними и уже названными эпохами в истории искусства возрастают, ведь в данном случае отсутствует историческая дистанция, а следовательно, адекватная оценка современных художественных процессов вряд ли вообще становится возможной.

Назовем также проявления искусства XX века, которые не перестают вызывать интерес, но и не получают адекватной интерпретации. Так, еще в середине XIX–XX веков искусство стало заметно проявлять интерес к мистике, которая, кажется, в искусстве предшествующего периода отсутствовала. Во всяком случае, до этого она не имела такой значимости. Констатируя возрождение мистики, Н. Бердяев писал: «Ныне в мистике хотят увидеть возрожденный источник творчества» [Бердяев, 1989, с.501]. Философ отмечал также, что его современников привлекает мистика нехристианского Востока, в частности Индии, и предупреждал, что она содержит в себе опасность, ибо возвращает в безличную стихию и отрицает тот пласт европейской культуры, что был сформирован христианством и стимулировал развитие личного начала. Философ, несомненно, имел в виду увлечение интеллигенции теософией, в чем проявилось неприятие столь определяющих для существующей культуры позитивизма и рационализма. Как бы то ни было, но возрождение мистицизма на рубеже XIX–XX веков как в его европейских, так и в восточных формах свидетельствовало о возвращении в искусство сверхчувственного.

Начиная с этого же периода художники пытались возродить такие художественные формы, которые по сравнению с уже существующим искусством кажутся примитивными, давно преодоленными, недоразвившимися. Между тем эти образцы примитивного, архаического искусства были свободны от гипертрофии значимости чувственно-предметного мира, столь абсолютизированного в эстетике Просвещения, позволяя опутить присутствие в чувственном сверхчувственного, а это обстоятельство, как известно, стало представительным для эстетики символизма, из которой вышли многие авангардные течения XX века с соответствующими установками. Такие архаические формы оказывались созвучными поискам новых художественных форм. Характеризуя искусство конца XIX – начала XX века, Х. Зедльмайр пишет: «Теперь для современности открывается искусство негров, вообще “примитивов”, среди искусств развитых культур – те, которые являют архаический, варварский характер, как, например, древнемексиканское, доисторическое искусство вплоть до искусства раннего каменного века, внутри же западного искусства – варварские и демонические элементы искусства романского, а также определенные формы поздней готики» [Зедльмайр, 2008, с.160]. Все эти ранние формы искусства оказываются чрезвычайно притягательными для искусства XX века. Но ведь что этот интерес означает, как не регресс? С точки зрения линейного принципа, которого придерживались историки искусства, этот феномен объяснить было невозможно. Нужно было искать каких-то других объяснений.

Этот сдвиг характерен не только для искусства. Вот как эту тенденцию представляет Х. Зедльмайр. По его мнению, для XX века характерна мощная тяга к бессознательному, к древнему и изначальному, к темному и глухому, к «низу». Эта тенденция распространяется за пределы гуманитарных наук, захватывая естественнонаучные сферы. «Склонность к неорганическому, – пишет он, – приводит в течение этих двух последних веков к могучему расцвету наук о неживом: физика, химия, астрономия, равнять шаг с которыми биология и науки о духе не могут (часто они незаметно перенимают из области неорганического способы представления). И точно так же порыв к бессознательному, к доисторическому дает расцвет глубинной психологии, исследованиям первобытных народов, предыстории и ранней истории человека, истории жизни и земли, что сопровождается односторонними, но великими открытиями» [Зедльмайр, 2008, с.157].

В 1917 году В. Брюсов восторгался археологическими открытиями последнего времени, когда время истории культуры было раздвинуто за пределы традиционного представления об античности, того, что считалось конечным пределом истории. Что в этом восторге поэта-символиста особенно обращает на себя внимание, так это то, что в предшествующих античности культурах – культуре Крита и Микен – он улавливает сходство с некоторыми явлениями современного ему искусства. Он, в частности, передает ощущение исчезновения различия между современным человеком с его телефонами, аэропланами и кинематографом, с одной стороны, и обитателями Критского дворца – с другой. В эгейской женщине он видит современную парижанку. Мужчины Эгейского мира напоминают ему «петиметров» старого французского двора. Более того, в Эгейском

«Наследие» № 2 (5) (2014)

мире поэт обнаруживает даже декадентов, орнамент, геометрический стиль, т.е. все то, что характерно для современного ему стиля модерн. В Микенах – то, что характерно для моды и новых идей Парижа XVIII века [Брюсов, 1975, с.316].

Опять же с рубежа XIX–XX веков наметился интерес к тому, что можно было бы назвать символическими формами выражения. Казалось бы, они были характерны скорее для средневекового искусства, а с эпохи Ренессанса все более уходили в прошлое. Более того, такие формы Гегель соотносил исключительно с восточными, доантичными культурами. Концепция Гегеля, в соответствии с которой символические формы выражения как первичные формы навсегда ушли в прошлое, не срабатывала. Линейная логика истории, которую утверждал Гегель, исключала возвращение к этим формам. Но, скажем, такой художественный стиль рубежа XIX–XX веков, как символизм, возрождал символические формы выражения, отождествлял искусство вообще именно с такими формами. Теоретики символизма пытались переписать всю историю искусства именно под таким углом зрения. В частности, в XX веке возникла и получила распространение такая художественная форма, как беспредметное, или абстрактное, искусство. Как пишет Х. Зедльмайр в связи с живописью П. Мондриана, живопись подчинилась элементарной геометрии, а «геометрия становится новой госпожой живописца» [Зедльмайр, 2008, с.279].

Казалось бы, ничего подобного в предшествующих эпохах искусства не существовало. Геометризм как признак абстрактного искусства воспринимался принципиальным новшеством и не имел прецедентов в прошлом. Между тем обращение к архаической эпохе античности свидетельствует о том, что так называемый «геометрический стиль» существовал от XII до XIII века до н.э. Этот стиль первоначально возникает в предшествующей древнегреческой крито-микенской культуре. Термин «геометрический стиль» появился в истории искусства в 1870 году, когда во время раскопок в окрестностях Афин были найдены глиняные сосуды с геометрическими мотивами [Вишпер, 1972, с.67]. Б. Вишпер констатирует длительный период существования этого стиля с древнейших времен. В эпоху господства аристократической культуры в Микенах он вытеснялся на периферию, а затем возродился в эпоху угасания крито-микенской культуры и в архаический период античной культуры. Как отмечает Б. Вишпер, геометрический стиль не был наивным лепетом бедной художественной фантазии и отнюдь не свидетельствовал о глубоком упадке после крито-микенской утонченности и блеска. «Правда, язык геометрического стиля, скупой, линейный и абстрактный, – пишет Б. Вишпер, – был противоположен органической динамике и экспрессии крито-микенского стиля, он был одностороннее и суше, но вместе с тем он обладал такой логической последовательностью, таким ясным сознанием своих целей, что эпитеты упадочности и примитивности к нему совершенно не применимы. Можно пойти еще дальше и утверждать, что в геометрическом стиле было даже больше стилистического единства, больше творческой силы, чем в самом блестящем произведении крито-микенского искусства» [Вишпер, 1972, с.67].

Когда в начале XX века появился кубизм, многие растерялись, не имея привычных критериев для эстетических оценок. Казалось бы, прецедентов этому стилю в истории искусства не существовало. Возрождение геометрического стиля было столь непривычно, что длительное время ключи для адекватной интерпретации этого искусства вообще отсутствовали и единственными его интерпретаторами оставались сами представители этого направления, т.е. художники. Эта реабилитация в искусстве XX века геометрического стиля также требовала разгадки. Естественно, что установка линейного принципа в истории служила для такой разгадки барьером.

С начала XX века начинает обращать на себя внимание еще одно обстоятельство. С эпохи символизма в искусстве стал заметно привлекать к себе миф, который, казалось, вообще остался в далеком прошлом, воспринимаясь пережитком. Реабилитация мифа охватывает не только искусство, но и науку, ибо ни рационалистическая философия, ни позитивистская наука не могут удовлетворить современного человека, не исчерпывают его связей с миром. Актуализация мифа объясняется реакцией на рационализм и его гипертрофию в культуре [Кессиди, 1972, с.57]. Хотя следует отметить, что процесс реабилитации мифа начался еще в эпоху романтизма, о чем свидетельствует непрекращающийся интерес к нему Ф. Шеллинга, завершившийся появлением его философии мифологии [Шеллинг, 2013]. Ф. Ницше лишь подхватил этот процесс реабилитации мифа у Ф. Шеллинга, представив его способом преодоления западного рационализма, что послужило притягательности этой идеи и еще большей популярности мифа как основы противостояния, начавшегося с эпохи раннего модерна, т.е. Просвещения культа разума. Популярность мифа с конца XIX века также возвращала к этим, казалось бы, угасшим формам сознания.

Наконец, к недостаточно осмысленным явлениям искусства XX века следует отнести и то, что в него все более активно вторгается восточная стихия, а через нее происходит возвращение к некогда существовавшим на Востоке, в античности и на Западе забытым состояниям. Так, популярность эстетики чань-буддизма в XX веке возвращала к некоторым идеям неоплатонизма, в соответствии с которыми подлинное знание не связано ни с логосом, ни с логикой, ни со словом [Завадская, 1977, с.60]. Например, в соответствии с чань-буддизмом нет истины, пребывающей вне личности, как нет и общезначимой, предназначенной для всех истины. Истина экзистенциальна. Но ведь аналогичную мысль позднее можно наблюдать на Западе и в таком философском направлении, как экзистенциализм. Ситуацию с Востоком, все более привлекающим западного человека XX века, можно уподобить ситуации, что некогда имела место в Древнем Риме. С распадом империи влияние Востока усиливалось, а античному миру грозило растворение в Востоке, из которого он когда-то вышел, но успел обрести самостоятельность. Развитие индивидуального начала, прорвавшегося еще в эпоху Ренессанса, завораживало последующую эпоху. Но с некоторых пор в этой жажде утверждения индивидуального стали усматривать негативное начало. «При всей социальной активности наше время, – пишет Г. Гессе, – все еще весьма привержено индивидуалистическим идеалам; особенно это относится к искусству и искусствоведению. Целых два

столетия Европа вслед за гениальным Якобом Буркхардтом бредила итальянским Ренессансом, великолепием и мощью его насильников, и Европа, в частности Германия, отдала дань странному заблуждению, всю культурируя даже в области ремесла и художественных изделий личное начало» [Паломничество..., 1982, с.207]. Освободиться от этой гипертрофии индивидуального на Западе помог Восток. Но Восток же пробудил интерес фаустовского человека к средневековой культуре Запада, в которой культивировалось анонимное творчество. Все свидетельствовало о том, что средневековое искусство следовало открывать заново.

Таким образом, с точки зрения линейного принципа в исторической науке развертывавшиеся на Западе процессы культуры, связанные с активным возвращением к восточным корням, казались невозможным, регрессом, отклонением. Следовательно, должна была возникнуть какая-то другая парадигма, способствующая осознанию того, что, кажется, осознанию не поддается.

И, наконец, еще один факт искусства, который казался непонятным. Он связан с одновременным обращением художников, представлявших одну эпоху, к самым разным художественным стилям и традициям, когда-либо имевшим место в истории искусства. Образцом в этом смысле предстает П. Пикассо, способный оживлять многие существовавшие в истории искусства стили. Складывалось ощущение, что в развитии искусства возникло некое препятствие. Новые формы больше не возникают. Художники начинают довольствоваться лишь тем, что в истории уже имело место, причем на самых разных ее этапах. Все это возвращается и начинает одновременно функционировать. Естественно, что такая сенсация осознавалась как кризис.

Впервые на это состояние культуры обратил внимание Ф. Ницше, писавший о том, что развертывается иссякание творческих сил Запада, о чем и свидетельствует интенсивное заимствование форм из других эпох и культур. «Только благодаря тому, – пишет он, – что мы нагружаем и перегружаем себя чужими эпохами, нравами, искусствами, философскими учениями, религиями, знаниями, мы становимся чем-то достойным внимания, а именно ходячими энциклопедиями, за которые, может быть, нас и принял бы древний эллин, перенесенный в нашу эпоху» [Ницше, 1990, с.181]. Эта перегруженность позволяет человека конца XIX века уподобить скорее не эллину, а римлянину, что на рубеже XIX–XX веков породит множество параллелей между XX веком, с одной стороны, и уже угаснувшими цивилизациями – с другой. «Римлянин императорского периода, – пишет Ф. Ницше, – зная, что к услугам его целый мир, перестал быть римлянином и среди нахлынувшего на него потока чуждых ему элементов утратил способность быть самим собой и выродился под влиянием космополитического карнавала религий, нравов и искусств; эта же участь, очевидно, ждет и современного человека, который устраивает себе при помощи художников истории непрерывный праздник всемирной выставки» [Ницше, 1990, с.186]. Феномен одновременного функционирования элементов, извлеченных из самых разных эпох и культур, с точки зрения линейности, столь обожествленной в эпоху Просвещения, тоже кажется абсурдным, и его тоже следовало как-то объяснить.

Только что процитированное наблюдение Ф. Ницше не является исключительным. Так, в статье 1921 года В. Брюсов, имея в виду художественные поиски начала XX века, констатирует ту же самую ситуацию «смесительного упрощения» культуры. «Эллада и Рим, Ассирия и Египет, сказания Эдды и мифология полинезийских дикарей, мифическая Атлантида и средневековые бредни, – пишет он, – все шло в дело. Поэзия превращалась в какой-то гербарий прошлых веков, в ряд упражнений на исторические и мифологические темы» [Брюсов, 1975, с.470].

Естественно, что в истории искусства накопилось достаточно фактов, заставших исследователей врасплох. Многие в них вызывало вопросы, на которые ответы долгое время даны не были. Это отсутствие адекватной интерпретации некоторых состояний искусства прошлого, а также ряда явлений современного искусства не может не обращать на себя внимание. Таковы, казалось бы, неразрешенные вопросы истории искусства. Поэтому естественно, что все эти непроясненные факты чаще всего рассматривались как проявление кризиса и как выражение финальной фазы культуры. В данном случае невозможно утверждать, что это были лишь ложные попытки осмыслить имеющие место в истории искусства факты и явления. Другое дело, что угасание традиционных художественных форм сопровождалось рождением новых форм. Но это новое часто или не замечалось, или оказывалось непривычным и отторгалось. Смысл кризиса в искусстве трудно понять, не имея представления о том, что происходило в более широком контексте, т.е. не только в художественной сфере, а в культуре начала XX века в целом. А в ней развертывались прямо-таки геологические сдвиги.

О природе этих геологических сдвигов и начал размышлять П. Сорокин. Одним из признаков таких сдвигов, по П. Сорокину, является утрата лидирующей роли одной из культур в истории XX века, а именно западной культуры. Эта мысль, конечно, принадлежит не только П. Сорокину. Она возникла еще в XIX веке и разделялась как отечественными, так и западными исследователями. Но П. Сорокин эту проблему ставит по-своему, включая, в частности, одну из таких концепций (правда, уже возникшую в XX веке – концепцию В. Шубарта) в круг своих интересов [Шубарт, 1997]. П. Сорокин солидаризируется с В. Шубартом по поводу того, что европейская фаза человеческой истории остается позади. В соответствии с В. Шубартом картина мира, свойственная героическо-прометеевскому типу, начинает вытесняться в подсознание. На смену ей приходит картина мира, характерная для мессианского типа личности, а вместе с ее актуализацией начинает утверждаться культура нового типа.

В. Шубарт выделяет в истории четыре основных типа ментальности, пытается отождествлять их с каждой имеющей место в мировой истории культур. Это героически-прометеевский, аскетический, гармонический и мессианский типы. Уход с арены истории героически-прометеевского типа означает угасание Запада. Ведь именно для Запада такой тип и характерен. Становление новой культуры В. Шубарт связывал с ментальностью славян, в частности, русских. Они – носители мессианского типа ментальности. Этот тезис В. Шубарта П. Сорокин доказанным не считал. Однако, с другой стороны, он полагал, что типология

личности В. Шубарта представляет одну из наиболее глубоких классификаций в науке [Сорокин, 1992а, с.161]. Тем более, что эта классификация вписывалась в циклическую интерпретацию исторического процесса, как он себе его представлял.

Все вышеприведенные факты, казалось бы, свидетельствуют о каких-то отклонениях, аномалиях в развитии искусства, не соответствующих привычной логике его развития в предшествующие эпохи. Зато она соответствовала господствовавшей до XX века линейной парадигме в исследовании исторических процессов. Это нарушение принципа преемственности в истории искусства не могло не навести на мысль о его кризисе, упадке, понимаемом как смерть искусства. Именно такой вывод делал, например, в своем объемном исследовании авторитетный немецкий искусствовед Х. Зедльмайр.

Приведенные факты из истории искусства нередко вызывают недоумение, требуют ответа. Такого ответа, который бы помог все эти частные и кажущиеся самостоятельными, не зависящими друг от друга факты рассмотреть во взаимосвязях, т.е. как проявления какой-то единой, непротиворечивой логики. Очевидно, что обращение к линейному принципу в истории искусства не помогало объяснить все перечисленные нами парадоксы, которые историков искусства не могли не озадачивать. Получение каждого из таких ответов, касающегося какого-то конкретного периода в истории искусства или какого-то конкретного художественного стиля, зависит от кардинального пересмотра существовавших в искусствознании традиционных подходов, так как искусствоведы придерживаются жесткой специализации. Специалисты по восточному искусству работают самостоятельно относительно специалистов по античному, средневековому, а тем более современному искусству. Такая специализация неизбежна, необходима. Она соответствует одной из тенденций современного функционирования науки – ее дифференциации.

Но очевидно, что чем интенсивней разворачивается процесс дифференциации научного знания, тем неизбежней оказывается его интеграция. Она необходима именно для того, чтобы в истории улавливать постоянно повторяющиеся ритмы, осцилляции, флуктуации, циклы и периодичности. В поле зрения исследователя искусства должны быть не только краткие, но и большие длительности исторического времени. Лишь на фоне таких длительностей можно глубже уяснить смысл того или иного конкретного художественного течения или произведения, представляющего какую-то конкретную эпоху. Совершенно очевидно, что для того, чтобы отыскать в истории место какому-то художественному явлению, необходимо его соотнести не только со своим конкретным временем, не только с тем стилем, что господствовал в эту эпоху, но и с предыдущей и последующей логикой истории искусства. Очевидно, что в данном случае необходим взгляд исследователя, обладающего энциклопедическим кругозором. Лишь тогда выясняется, что в истории искусства существует много повторений, а прогресс в ней так же реален, как и регресс.

Так, когда Я. Буркхардт пытается дать характеристику Ренессанса в Италии, он невольно сопоставляет его с расцветом античного мира: «В средние века обе стороны сознания – та, что обращена к внешнему миру, и та, что уводит в глу-

бины самого человека, – пребывали словно бы под общим покровом дремоты или полусна. Покров был соткан из верований, детской робости и иллюзий; сквозь него мир и история виделись окрашенными в фантастические тона; человек же воспринимал себя лишь как расу, народность, партию, корпорацию, семью или какую-либо иную форму общности. В Италии этот покров впервые растаял в воздухе; возникли объективное виденье и трактовка государства и всего вещного мира; а рядом со всей мощью восстала и субъективность; человек стал духовной личностью и осознал себя в этом качестве. Таким же образом возвысился некогда грек над варварами и индивидуум-араб над иными азиатами как людьми расы» [Буркхард, 1996, с.122].

Иначе говоря, для оценки конкретного явления необходимо в сознании держать всю длинную цепь художественного опыта человечества. Необходимо эти конкретные явления рассматривать в том контексте, который М. Бахтин называл «большим временем». Лишь в этом случае будет преодолен линейный принцип в истории, который до XX века превратился в единственный принцип фиксации исторического времени. Удивительно, но такая система анализа, такая научная парадигма, которая помогла бы ответить на все поставленные, но неразрешенные вопросы, как исторические, так и современные, существует, и существует уже давно. Но странное дело, до сих пор мало кто ею пытался воспользоваться. Ни в сообществе западных, ни в сообществе отечественных гуманитариев и, еще точнее, искусствоведов, историков искусства, эстетиков, философов искусства. Эта система есть социальная и культурная динамика, созданная П. Сорокиным на основе тех фактов, что имеются в греко-римской и западной цивилизации за 25 веков их существования. П. Сорокин продемонстрировал, как можно анализировать смысл конкретных фактов в большом историческом времени. В сочинении П. Сорокина предпринимаются экскурсии в египетскую, вавилонскую, древнеиндийскую, китайскую и арабскую культуры. Поэтому каждый факт, из какого бы времени он ни был извлечен, оказывается созвучным многим другим, уже имевшимся в истории фактам.

П. Сорокин показывает, что есть и альтернативный линейному принципу подход, и он является весьма эффективным. Именно этот подход был изложен в фундаментальном многотомном труде П. Сорокина «Социальная и культурная динамика», где он проследил краткосрочные и долгосрочные колебания в функционировании общественных и культурных феноменов, называемых им флуктуациями или колебаниями. Лишь этот универсальный циклический подход позволяет понять, что в истории искусства, как и культуры в целом, не существует «черных дыр», творческих и нетворческих эпох. В реальной истории происходит перманентный процесс смены трех основных систем культуры – идеациональной, чувственной и идеалистической. Как мы уже отмечали, в определенном смысле такое видение исторического процесса напоминает гегелевское видение истории. У П. Сорокина каждый из названных типов культуры обладает особой ментальностью, собственной системой истины и знаний, имеет свою философию и формирует специфический тип личности. Это касается культуры западного Средневековья, византийской культуры и культуры Древней Руси.

Образуя систему, культура каждого из трех типов обладает способностью интерпретировать одни и те же материальные объекты в лишь ей присущей системе символов. Основные составляющие каждой культуры – это чувственная и сверхчувственная реальность. В культуре идеационального типа определяющей является сверхчувственная реальность, в культуре чувственного типа – соответственно чувственная реальность, в культуре идеалистического типа имеет место совмещение той и другой реальности.

Носители культуры чувственного типа – это люди, «для которых реальность есть то, что может быть воспринято органами чувств; они не видят ничего за пределами бытия чувственно воспринимаемой окружающей среды» [Сорокин, 2000, с.46]. Именно этими характеристиками обладает та культура, становление которой начинается с эпохи Ренессанса. Это и есть культура чувственного типа, оказавшаяся в XX веке в ситуации кризиса, что наложило печать на восприятие всего того, что имело место в истории в это время. По П. Сорокину получается, что в начале XX века человечество переживало переходный период, почему, собственно, он и воспринимает его с помощью метафоры ночи и тьмы. Этот переход связан с угасанием культуры чувственного типа, что возникла и начала распространяться в эпоху Ренессанса, и рождением альтернативной культуры, или культуры идеационального типа. С этим как раз и связано ощущение тотального кризиса, воспринимающегося как «закат» Запада. Речь в данном случае идет не о смерти культуры Запада, а лишь о ее трансформации, об угасании внутри нее одной ценностной системы и рождении другой. Так П. Сорокин преодолевает апокалиптический пафос концепции Шпенглера.

Носители культуры идеационального типа, примером которой является средневековая культура, чувственные явления воспринимают как видимость, иллюзию, сновидение. «Истинная реальность здесь не обнаруживается, – писал П. Сорокин, имея в виду культуру идеационального типа, – это нечто потустороннее, скрытое за видимостью, отличное от чувственного и материального покрывала, которое скрывает ее» [Сорокин, 2000, с.46]. Ученый утверждал: «Такие люди не стараются приспособиться к тому, что кажется им поверхностным, иллюзорным, нереальным. Они стремятся приспособиться к истинной реальности, которая лежит за пределами видимостей» [Сорокин, 2000, с.46]. В силу этих особенностей в культуре данного типа понижается значение рациональности и активизируются мистика, миф и символические формы выражения, о чем и свидетельствует искусство. Ясно, что в данном случае человечество имеет дело с культурой идеационального типа, а следовательно, с культурой Средневековья, которую нельзя осмыслить, применяя критерии, органичные для культуры чувственного типа, получившие выражение в эстетике Канта, как и вообще в западноевропейской эстетике, возникшей в эпоху Просвещения.

Представив типологию культур и сведя все типы культуры к трем основным, П. Сорокин дает ключ и к пониманию всех культурных трансформаций, когда-либо имевших в истории место. Они позволяют уяснить, почему одни культуры предстают определенными и осмысленными, а другие остаются непонятными и неосмысленными (это случилось, как мы уже убедились, со средневековы-

ми культурами Запада, Византии и Древней Руси). Отсутствие разработанной циклической парадигмы не позволяло историку искусства разрешить многие проблемы, так как он судил с точки зрения той эстетики, что начала утверждать себя с эпохи Ренессанса и переживала в эпоху Просвещения апогей своего развития. Это установка, сформированная в границах исключительно, если выражаться языком П. Сорокина, культуры чувственного типа. Все остальные типы культуры оставались для исследователей, исходивших из этой системы ценностей, непостижимыми. Так возникли, например, трудности с интерпретацией средневекового искусства, о чем пишет М. Дворжак. Историк искусства – носитель ценностей культуры чувственного типа – не имеет ключа к пониманию культуры альтернативного типа, в данном случае культуры идеационального типа. Не это ли обстоятельство в свое время послужило основанием для возрождения герменевтики и иконологии? В самом деле, основываясь на представлениях, сложившихся под воздействием классической эстетики, историк испытывает трудности с интерпретацией символических форм выражения, столь характерных для средневековой культуры. Подчас он даже не осознает, что альтернативная культуре чувственного типа культура существует вообще.

Столь очевидное историческое забвение разных эпох в истории культуры возникло потому, что многие культуры прочитывались лишь в соответствии с теми ценностными ориентациями, которые сложились в поздней истории, а точнее, с ценностными ориентациями культуры того типа, который на Западе возникает в эпоху Ренессанса и имеет продолжение в эпоху Просвещения, когда осмысление культур – и тех, что ушли в прошлое, и в том числе современной, – предпринималось в соответствии с научными установками, которые выражали лишь прасимвол, выражаясь языком Шпенглера, западной культуры. Западная же культура оценивалась как определяющая и лидирующая. Именно она задавала все возможные образцы развития. Между тем западная культура последних столетий – это возникновение и становление культуры чувственного типа. В границах культуры этого типа произошло и становление новоевропейской эстетики, которая диктовала особое прочтение исторических эпох. Интерпретировать же предшествующую культуру или культуру идеационального типа, к которой относится культура Средневековья, используя критерии культуры чувственного типа, неэффективно. Чтобы выйти из этого круга традиционных представлений о разворачивании исторического процесса, следовало освободиться от линейного принципа в исследовании исторического процесса.

В данном случае понимание равнозначно непониманию, в чем мы и убедились, указывая на предпринятый М. Дворжаком длительный опыт осмысления историками искусства средневекового искусства. Разрешение всех трудностей подобного рода, связанных с неспособностью принимать во внимание смену в истории культур разного типа, возможно лишь в том случае, если исследователь придерживается альтернативной парадигмы, т.е. циклической парадигмы. Это, собственно, и предлагает П. Сорокин.

Однако смысл идей П. Сорокина не сводится к методологии, с помощью которой ушедшие в историю разные эпохи и культуры могут прочитываться

«Наследие» № 2 (5) (2014)

в соответствии с чередованием трех типов культуры. Смысл его идей связан прежде всего с разгадкой той ситуации, которую человечество переживает в XX веке и которая повсеместно осмысляется как тотальный кризис. Ставя своей целью разгадать смысл этой ситуации, П. Сорокин попутно решает и задачу адекватного осмысления предшествующих художественных эпох. По сути, он вызывает к жизни морфологию культурной истории человечества с присущими ей флуктуациями, всплесками, повторениями и циклической логикой. В соответствии с этой морфологией не существует не высших, ни низших культур. Констатация их существования ошибочна. Она возникает лишь в том случае, если ценности одной культуры осмысляются с точки зрения ценностей другой. Что же касается современной ситуации, то в соответствии с заключениями П. Сорокина человечество в XX веке находится в переходной ситуации, или в ситуации перехода от культуры одного типа к культуре другого типа.

Во многом именно этот переход и объясняет большую часть экспериментов в искусстве XX века, и без этого их невозможно понять. Так, как показывает П. Сорокин, например, импрессионизм явился типичным выражением культуры чувственного типа, после которого появились приближающие уже альтернативную культуру такие направления, как символизм, кубизм, экспрессионизм, футуризм, конструктивизм. Показывая, что визуальный стиль, выражением которого явился импрессионизм, предстает признаком культуры чувственного типа, П. Сорокин формулирует: новые направления, оказывая сопротивление этому стилю, демонстрируют «первые симптомы поиска того, что сродни идеациональному стилю» [Сорокин, 2000, с.158].

Конечно, о беспрецедентности переживаемого в XX веке перехода догадывались и другие исследователи. Так, Х. Зедльмайр в мировой истории констатирует два тотальных перехода: один доисторический, когда произошла смена культуры охотников культурой оседлой и земледельческой, и другой – переживаемый в XX веке переход к индустриальной цивилизации. «Сегодня, – пишет Х. Зедльмайр, – мы находимся в пространстве аналогичного мирового перехода, сопровождающегося исключительными трудностями. Этот новый тип мировых отношений начал формироваться в самом конце XVIII века, то есть в то время, когда аналитическая наука о природе, конструирование машин и индустрия, основанная на разделении труда, заключили роковой союз в Европе – вначале в Западной Европе и в Северной Америке, на североатлантическом пространстве. Возврат к доиндустриальным отношениям представить уже невозможно» [Зедльмайр, 2008, с.492].

По мнению Х. Зедльмайра, именно эта беспрецедентная переходность и провоцирует кризисность эпохи, порождает интерпретацию кризиса как смерти. Но все же, даже расширяя пространство выявления тотальных переходов в истории, Х. Зедльмайр не приходит к тому выводу, к которому пришел П. Сорокин. П. Сорокин доказывает: да, в XX веке разворачивается переход. Но это переход от перезревшей и уходящей в прошлое культуры чувственного типа к альтернативной культуре. Несколько поколений XX века становятся свидетелями угасания культуры того типа, истоки которого следует искать в эпохе Ренессанса.

Собственно, это угасание и воспринимается кризисом, причем понимаемым подчас как «смерть». При этом «смерть» некоторыми, в том числе Шпенглером, понимается как кризис не только культуры чувственного типа, но и западной культуры или Запада вообще. Но это к П. Сорокину отношения не имеет. Его методология ориентирует на возможность в возникающем хаосе находить новую систему. Этот поиск не связан с рожденными в культуре чувственного типа научными процедурами. В новой ситуации необходимо улавливать присутствие форм, характерных для альтернативной культуры, или культуры идеационального типа. Такие формы в истории искусства XX века найти, несомненно, возможно. Но их можно отыскать еще и ранее, если обратиться к опыту романтиков, прерафаэлитов и символистов. Правда, в эпоху кульминации культуры чувственного типа они были почти маргинальными, вытесненными на периферию.

Этот взрыв сверхчувственного в XX веке характерен для многих направлений и течений художественного авангарда, в том числе тех, которые возрождали мистику. Чтобы понять логику смены культур и движение в XX веке в сторону идеационализма, необходимо улавливать постоянно возрождающуюся на протяжении всей истории и получившую выражение в искусстве ту тенденцию, у истоков которой стоял Платон, а затем Плотин. Иначе говоря, прорыв к сверхчувственному, что характерно в момент выхода за пределы культуры чувственного типа, постоянно сопровождается обращением к платонизму и неоплатонизму. Эту логику утраты в культуре сверхчувственного и, соответственно, утраты интереса к неоплатонизму пытался проследить в своем научном исследовании Э. Панофский [Панофский, 1999]. Жаль, что он эту логику не довел до XX века.

Как представляется, – и для этого дают повод размышления над концепцией П. Сорокина, – смысл интенсивных поисков, которые предпринимаются в современном искусстве, заключается вовсе не в деконструкции, столь характерной для постмодернистской эстетики, а в постепенной актуализации того, что в истории культуры постоянно возвращается и что составляет смысл культуры идеационального типа. По всей видимости, этот процесс пока не закончен. Но идеи П. Сорокина вооружают знанием о происходящем, ведь его фундаментальную концепцию можно рассматривать как своеобразный прогноз. Судя по всему, этот прогноз подтверждается. Новые веяния свидетельствуют о том, что мы наконец-то оказываемся готовыми к подлинной и адекватной оценке того, что когда-то имело место в истории, но что в силу господствующих установок эстетики, возникшей в эпоху раннего модерна, не было ни прочитано, ни осмыслено. Наша эпоха, в которой разворачивается становление идеационализма, этому адекватному осмыслению способствует. Может быть, даже столь усиливающееся в наше время внимание к культуре тоже спровоцировано этими переходными процессами. П. Сорокин снабдил нас тем ключом, с помощью которого может быть предпринят более тонкий и более глубокий анализ имеющих место в истории человечества культур и культурных ценностей. Но, в том числе, и той эстетической смуты, что явилась следствием переходности эпохи.

Литература

- «Наследие» № 2 (5) (2014)
- Базен Ж.* История истории искусства. От Вазари до наших дней. М.: Прогресс-Культура, 1995. – 525 с.
- Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 752 с.
- Бердяев Н.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. – 608 с.
- Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. – С.134.
- Брюсов В.* Собрание сочинений в 7 т. Т.6. М., 1975.
- Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Юристъ, 1996. – 591 с.
- Виннер Б.* Искусство Древней Греции. М.: Наука, 1972. – 436 с.
- Дворжак М.* История искусства как история духа. СПб.: Акад. проект, 2001. – 332 с.
- Завадская Е.* Культура Востока в современном западном мире. М.: Наука, 1977.
- Зедльмайр Х.* Утрата середины. М.: Прогресс, 2008. – 640 с.
- Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н. Хренов. М.: Наука, 2002. – 480 с.
- Кессиди Ф.* От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972. – 311 с.
- Козер Л.* О Питириме Сорокине // Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009.
- Конрад Н.* Полибий и Сыма Цянь // Конрад Н. Запад и Восток. М., 1972. – С.47.
- Леонтьев К.* Византизм и славянство // Восток, Россия и славянство. Т.1. М., 1885. – С.89.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
- Муратов П.* Древнерусская живопись. История открытия и исследования. М.: Айрис пресс, 2005. – 432 с.
- Ницше Ф.* Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1990.
- Осипов Г.* Три встречи с Питиримом Сорокиным // Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009. – С.18.
- Паломничество Германа Гессе в страну Востока // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1982. – 293 с.
- Пановский Э.* Idea. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб.: Аксиома, 1999. – 228 с.
- Переходные процессы в русской художественной культуре. Новое и Новейшее время / отв. ред. Н. Хренов. М.: Наука, 2003. – 495 с.
- Сорокин П.* Кризис нашего времени. М.: ИСПИ РАН, 2009. – 388 с.
- Сорокин П.* Система социологии. Т.1–2. М.: Наука, 1993.
- Сорокин П.* Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992а. – 194 с.
- Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с.
- Сорокин П.* Человек, Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992б. – 543 с.
- Сорокин П.* Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998, № 11. – С. 4.
- Сорокин П.* Социальная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1994. – С.365.
- Флоренский П.* Сочинения. В 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1994.
- Флоренский П.* Сочинения. В 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1995.
- Хейзинга Й.* Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 456 с.
- Хренов Н.* Избранные работы по культурологии. Культура и империя. М., 2014. – С.137.
- Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве / Отв. ред. Н. Хренов. М.: Наука, 2004. – 621 с.
- Шеллинг Ф.* Введение в философию мифологии. В 2-х т. СПб., 2013.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. – 663 с.
- Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 1997. – 446 с.
- Ясперс К.* Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004. – 626 с.

УДК 03.01

Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев
Новосибирск

«Наследие»
№ 2 (5) (2014)

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА В СОЦИОЛОГИИ П.А. СОРОКИНА (У ИСТОКОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА)

Прослеживается эволюция взглядов П.А. Сорокина на соотношение общества и культуры. Показано, что, решая проблему определения элементарного объекта социологии, П.А. Сорокин предпринимает попытки демаркации этого объекта путем указания на его: а) психическую природу; б) символическую определенность; в) опосредованность материальной культурой; г) существование в виде высших форм сознания (язык, искусство, наука и др.), отождествляемых с культурой. Обоснована возможность определения социокультурного как социального в его культурном разнообразии.

Ключевые слова: общество, культура, социокультурный подход, социология, П.А. Сорокин.

Y.V. Popkov, E.A. Tyugashev. Society and culture in P.A. Sorokin's sociology (at sources of conceptualization of sociocultural approach)

Evolution of P.A. Sorokin's views on a society and culture ratio is traced. It is shown that solving a problem of definition of elementary object of sociology, P.A. Sorokin makes attempts of demarcation of this object by the instruction on it: a) mental nature, b) symbolical definiteness, c) indirectness of material culture; d) existence in the type of the highest forms of consciousness (language, art, science, etc.) identified with culture. The article is proving the possibility of definition sociocultural as social in its cultural diversity.

Key words: society, culture, sociocultural approach, sociology, Pitirim Sorokin.

Современное социокультурное движение, о наличии и содержании которого мы специально писали ранее [Попков, Тюгашев, 2012б], как правило, не фиксирует свою интеллектуальную преемственность с учением П.А. Сорокина. В гуманитаристике предлагаются авторские интерпретации социокультурного подхода, парадигмально объединяемые интуицией единства общества (социального) и культуры (культурного). Очевидно, что данная интуиция не имеет и не может иметь однозначной концептуализации. Поэтому сегодня социокультурный подход – это зонтичный термин для целой линейки экспликаций, которые имеют различное концептуальное содержание. Подобное смысловое «расщивание» – нормальное явление. Вопрос в том, какие интерпретации станут продуктивными.

На наш взгляд, в разработке методологии социокультурного движения следует исходить из следующих принципов, эвристичность которых подтверждена историей философии.

Во-первых, это обращение к первоначалу. Известный британский философ А. Уайтхед как-то заметил, что вся европейская философская традиция есть лишь серия подстрочных примечаний к Платону [Whitehead, 1978, p.39]. Действительно, именно Платон заложил основы философского языка и фундаментальные ориентации философского мышления. Поэтому вся последующая философия развивается, опираясь на платоновский дискурс. Соответственно, поскольку основы социокультурного дискурса заложил П.А. Сорокин, то обращение к его творчеству и определение своего отношения к нему в пространстве мысли должно быть отправным пунктом методологической рефлексии в социокультурном движении.

Во-вторых, соотнесение с первоначалом – при одновременной дистанцированности от него – необходимо оказывается творческим отталкиванием от традиции, переосмыслением и формированием собственной позиции, содержание которой детерминировано оригинальными концептуальными ресурсами. Важно сохранить ключевые интуиции и интенции П.А. Сорокина, маркирующие социокультурный подход, избирая при этом собственный путь социокультурного анализа, плодотворность которого может быть подтверждена только исследовательской практикой.

В-третьих, накопленный опыт социокультурных исследований требует постоянного возвращения к учению П.А. Сорокина, его обновленной интерпретации, выявления фундаментальных ограничений и скрытых возможностей реализованного им подхода и, соответственно, дальнейшего переосмысления и развития теоретико-методологического инструментария социокультурного движения.

Следование указанным принципам, по нашему мнению, является необходимым условием устойчивого развития социокультурного движения. Иначе оно может оказаться мимолетным увлечением гуманитариев, преходящей научной модой, не имеющей собственных истоков и оснований, сколько-нибудь выраженной концептуальной и методической определенности.

Творческое наследие П.А. Сорокина настолько обширно и богато, что может быть источником различных, даже расходящихся интерпретаций социокультурного подхода. Задача настоящей статьи – выявить концептуальные альтернативы, содержащиеся в его трудах, и оценить их эвристический потенциал.

В идее социокультурных явлений для П.А. Сорокина было важно то, что общество как объект социологии фиксируется не как состоящее исключительно из людей, а как включающее помимо них значения, ценности и нормы, а также открытые действия и материальные артефакты. Резюмируя свое представление о предмете социологии в работе «Общество, культура и личность» (1947), П.А. Сорокин писал: «Структура социокультурного взаимодействия, если на нее посмотреть под несколько иным углом зрения, имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и

норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [Сорокин, 1992, с.218].

Пафос введения П.А. Сорокиным концепта «социокультурное явление» состоял во включении в предметную область социологии предметно-символического мира, объективированного, овеществленного духа. Он подчеркивал, что неточно говорить о социокультурных явлениях как состоящих исключительно из людей и необходимо учитывать нематериальные значения и их материальные носители, иначе это приведет к серьезным теоретическим и практическим ошибкам [Сорокин, 1992, с.206].

В прошлом, да и сегодня, трудно найти социолога, который бы при эмпирическом анализе общества исключал из него предметно-символический мир. Но в современной П.А. Сорокину социологии общество обычно определяли как некоторый агрегат (ассоциацию) или взаимодействие индивидов [см. обзор определений общества: Шершеневич, 2011, с.57–72], из-за чего возникала, в частности, проблема демаркации общества людей и животных сообществ. В теоретическом плане существенным недостатком подобных определений была неполнота абстрагирования, которая допускалась отвлечением от предметно-символического мира при конструировании идеализированного объекта социологии.

Понятно, что с точки зрения необходимости фиксации в абстракции единства людей и предметно-символического мира неудовлетворительной была первая попытка определения П.А. Сорокиным социологии как науки о родовых свойствах и основных закономерностях социально-психологических явлений [Сорокин, 1992, с.31]. В этой версии предметно-вещный мир оказывался за пределами общества или социального явления.

Итак, если сначала П.А. Сорокин писал о родовых свойствах социально-психологических явлений, то позже уже говорил о родовых свойствах социокультурных явлений [Сорокин, 1992, с.190]. Обратим внимание на преемственность формулировок. В обеих версиях речь идет о родовых свойствах явлений, рассматриваемых как предмет социологии. В первом случае представляется удобным говорить о социально-психологических явлениях, а во втором – о социокультурных (социально-культурных). И в первой, и во второй версиях социальность мыслится как допустимая и среди растений, и среди животных (отсюда – фито-, зоо- и гомосоциология как разделы биосоциологии) [Сорокин, 1992, с.34]. Поэтому требуется ее конкретизация и спецификация через психическое или культурное.

Очевидно, что избранный П.А. Сорокиным путь определения элементарного объекта социологии не вполне удачен и не логичен. Не было никакой необходимости определять общество как «совокупность нескольких единиц (индивидов, существ, особей)» [Сорокин, 1992, с.27]. Поскольку общество – это, прежде всего, эмпирически идентифицируемый объект, то не следовало, создавая себе дополнительные сложности по различению общества и кучи камней, характеризовать его через такие неопределенные объекты, как индивид, и т.п. Достаточно было указать на людей (человека) и говорить, как это П.А. Сорокин в конце концов и делает, об обществе людей, или человеческом обществе.

Нелогичность П.А. Сорокина выражалась в том, что, говоря о личности как субъекте социокультурного взаимодействия, далее он говорит уже об индивидах (в том числе человеческих) и лицах, синонимизируя эти термины [Сорокин, 1992, с.27]. Это создает определенное неудобство, так как не ясно, что же оказывается искомой «клеточкой»: взаимодействие индивидов, личностей или лиц? И как определяется категория личности в качестве теоретической предпосылки конструкта социокультурного явления?

В дальнейшем первоначальное представление о социально-психологическом явлении как элементарном объекте социологии П.А. Сорокин не считал удовлетворительным, как представляется, по меньшей мере по двум причинам:

- во-первых, из-за многоуровневости психического, дифференцированного на инстинкты, рефлексy, волю, чувства и разум [Сорокин, 2006а, с.88–90];
- во-вторых, из-за ненаблюдаемости психического [Сорокин, 2006а, с.91].

По его мнению, психика становится наблюдаемой при ее объективации (материализации, экстерииоризации) в вещах и символах. «Из сказанного же само собой следует, – писал он, – что любое социальное явление может быть разложено на два элемента, которые должны быть разграничиваемы друг от друга: 1) определенное психическое переживание или чистая психика, 2) непсихические знаки, посредством которых эта психика объективируется или символизируется» [Сорокин, 2006а, с.103]. Очевидно, далее, что символы понимаемы и действительны только в пределах социальной группы, в которой люди обращаются. Поэтому можно говорить о социальном взаимодействии.

В своей ранней работе «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913) П.А. Сорокин не называет предметно-символический мир – «застывшую психику» – культурой, но в целом конструкция элементарного объекта социологии («социокультурного явления») у него уже сформировалась. Но динамика науки не позволила ему остановиться на социально-психологической интерпретации. В это время появились первые труды по социальной психологии (В. Макдугалл, Э. Росс), конституировавшие ее как самостоятельную дисциплину с собственным предметом. В связи с этим, естественно, возникала проблема демаркации социальной психологии и социологии и, соответственно, более точной фиксации содержания социального взаимодействия.

Эта проблема была отмечена П.А. Сорокиным в «Системе социологии» (1920). Он оценил ее как незначимую, говоря, что социальная психология сольется с социологией, но последнее название научной дисциплины более предпочтительно [Сорокин, 1993, с.76]. Наряду с этим, П.А. Сорокин существенно скорректировал интерпретацию результатов объективации психических явлений.

В «Общедоступном учебнике социологии» (1920) он уже писал: «Во всяком обществе или социальном явлении можно различать: 1) людей, 2) их действия и 3) проводники, составляющие материальную культуру общества» [Сорокин, 1994, с.22]. Таким образом, в творчестве П.А. Сорокина появляется тема культуры.

При характеристике культуры представлялось важным следующее [Сорокин, 1994, с.175–177].

Во-первых, ее содержание как социально-психологической среды, которая утолщается, растет, оседает и видоизменяется с каждым поколением.

Во-вторых, она определяется как результат, предметный мир человеческой деятельности, включающий в себя материальную культуру (здания, дороги, орудия, фабрики, книги, предметы обихода) и духовную культуру (знания, верования, чувства, а также язык, обычаи, нравы, формы труда, способы добывания средств существования, социально-политическую организацию, социальное расслоение и т.д.).

В-третьих, ее роль в обеспечении преемственности поколений, скованных неразрывной цепью благодаря наследуемой культуре.

Таким образом, социальное взаимодействие начинает специфицировать конкретизацией своих сторон (людей) и условий протекания – как культуры. В последней различены материальная и духовная культура (включая институты), но обращается внимание на то, что она есть социально-психологический конденсат (среда, обстановка), жестко определяющий жизнь и деятельность последующих поколений.

Вводя представление о культуре как неотъемлемой составляющей общества и элементарного социального явления, П.А. Сорокин не делает его предметом теоретико-методологической рефлексии. Он углубляется в классификацию, перечисление и описание различных проводников, именуя всю эту совокупность культурой. Здесь П.А. Сорокин следовал, на наш взгляд, традиции народнической социологии. Так, например, известный социолог-народник С.Н. Южаков рассматривал общественный строй как единство жизненной активности людей и созданной ею культуры как особой общественной среды [Южаков, 2008, с. 76].

Заметим, что в «Общедоступном учебнике социологии» (1920) П.А. Сорокин избегает употребления термина «символ», заместив его термином «проводник». В изданной в том же году «Системе социологии» он выделяет проводники-символы, но акцентирует внимание на том, что образующие материальную культуру проводники составляют своеобразную «социальную ткань», соединяющую людей в обществе [Сорокин, 1993, с. 210]. В результате функция материальной культуры видится в том, что она соединяет людей в общество, обеспечивает связь поколений. Без нее социальность невозможна, ибо культура позволяет людям контактировать физически и символически.

Парадоксальным представляется восприятие элементов материальной культуры – людей и предметов – в качестве составляющих социально-психологической среды, т.е. как выразителей, «консервов» и проводников чувств и убеждений. В социальном взаимодействии для П.А. Сорокина главным является взаимопонимание (коммуникация), а весь окружающий мир, соответственно, воспринимается не столько как средство к жизни (это – не существенно), а прежде всего как средство межличностного общения и сообщения (от скальпеля хирурга до артиллерийского снаряда). По-видимому, в такой трактовке он склоняется к информационно-семиотической (символической, знаковой) концепции культуры, популярной и в настоящее время [Степин, 2010].

Итак, в определенной мере дистанцируясь от психологизации социального взаимодействия, П.А. Сорокин обращается к понятию культуры для фиксации объективированной человеческой деятельности. Поэтому в его конструкции элементарного социального явления культура (прежде всего, материальная

культура) представлена в качестве необходимой составляющей взаимодействий людей, функционирующей в роли объективированного результата деятельности, посредника взаимодействий и объективного условия как текущих взаимодействий, так и жизнедеятельности последующих человеческих поколений.

Но избранное решение оказывается не вполне удачным. Культура описывается как опредмечивание и овеществление психического, т.е. как психическое явление, существующее уже не в людях, а в окружающем предметном мире. При этом подчеркивается значение материальной культуры для существования социального взаимодействия. Но при информационно-семиотическом (символическом) понимании культуры подразделение ее на материальную и духовную становится бессмысленным, так как вся культура является духовной, хотя и существует на различных материальных носителях. Однако П.А. Сорокин признает необходимым выделять именно материальную культуру, так как иначе трудно показать возможность коммуникации в обществе.

Кроме того, указание на материализацию (объективацию, опредмечивание, экстерииоризацию, социализацию и коллективизацию) индивидуальных психических явлений неизбежно влечет за собой постановку вопроса о противоположных, обратных процессах и соотносительном приоритете. В 1920-х годах Л.С. Выготский выступил с идеей того, что психика возникает в совместной опосредованной деятельности людей, а следовательно – с тезисами о первичности социализации, интериоризации, субъективации, культуры и орудийности в генезисе сознания. В настоящее время выдвинутое Л.С. Выготским объяснение стало общепризнанным в отечественной психологии, а основанное на его идеях направление в отечественной психологии – культурно-историческая психология – получило известность за рубежом и развивается в форме социокультурной теории (психологии) [Верч, 1996].

Интерес психологов к социальной детерминации развития психики и роли в этом артефактов культуры (орудий, средств) позволил им позиционировать соответствующий подход как социокультурный, т.е. исходящий из социального и культурного контекста. В данном понимании определяющим является дуализм социального и культурного, общества и культуры как факторов, по крайней мере, ситуационно независимых друг от друга, но влияющих на психику личности.

П.А. Сорокин, как мы видели, в ранний период своего творчества не противопоставлял социальное и культурное, а рассматривал культуру как один из компонентов элементарного социального явления и общества в целом. Поэтому было бы неправильным определять его подход как социокультурный, акцентируя особую функциональную значимость одного из компонентов социального явления.

Примечательно, что в эмпирическом социологическом исследовании событий русской революции, представленном в работе «Современное состояние России» (1922), понятие культуры вообще не используется, а на основе анализа статистических данных дается последовательный обзор изменений в народонаселении, экономике и политике, праве и нравственности, образовании и науке, религиозной жизни и лишь затем – деформирующих изменений в народной пси-

хике и идеологии [Сорокин, 1922]. Обращает на себя внимание то, что психика в данном исследовании вообще не рассматривается в качестве детерминирующего фактора социального взаимодействия и динамики культуры, как это декларировалось в сформулированных ранее теоретических положениях.

Соответственно, в работе «Социология революции» (1927) народная психика также рассматривается как константа, включающая в себя различные безусловные и условные рефлексы. В революционной ситуации, согласно П.А. Сорокину, происходят деформация и упрощение душевной жизни, которым, впрочем, сопутствует расцвет утопий, социальной фантастики и крайних теорий [Сорокин, 2005, с.176–179]. Отмечаемые деформации П.А. Сорокин объясняет усилением социальной дифференциации и неравенства, которое ведет к «ущемлению рефлексов», а также изменением соотношения сил социальных групп, не позволяющим сохранить социальный порядок [Сорокин, 2005, с.176–179].

Таким образом, опыт эмпирических исследований не подтверждал теоретических положений об определяющей роли психики в социальных явлениях. Наоборот, объектом анализа с необходимостью становилась динамика общественных отношений, а психика оказывалась производным явлением. Поэтому, видимо, не случайно в центре внимания П.А. Сорокина оказывается тема социальной мобильности. Но любопытно, что результаты ее исследования, представленные в работе «Социальная мобильность» (1927), позднее переиздаются под названием «Социальная и культурная мобильность» (1959). Аналогичную трансформацию претерпевает работа «Кризис нашего времени» (1941), переизданная уже как «Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор» (1957).

Изменения в названиях работ маркируют переход к дуалистическому противопоставлению социального и культурного, общества и культуры. Это противопоставление присутствует в названиях его работ «Социальная и культурная динамика» (1937–1941), «Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь» (1942), «Общество, культура и личность» (1947). Такое противопоставление было концептуально немислимым в российский период творчества П.А. Сорокина, но в американский период стало устойчивым.

Ю.Н. Давыдов указывал на переворот в общетеоретических воззрениях П.А. Сорокина, завершившийся к концу 1920-х годов. Итогом стало, по его оценке, дуалистическое толкование социального феномена, а точнее – замена монистической категории «социальное» категорией «социокультурное», не включающей опасность дуалистического толкования, что «чувствовал и сам Сорокин, но которой ему не всегда удавалось избежать» [Давыдов, 1999, с.117]

На наш взгляд, само по себе использование категории «социокультурный» не всегда является маркером дуализма. Но в американский период творчества П.А. Сорокина дуализм явно присутствует, и он выражен в устойчивом употреблении в названиях и текстах его трудов терминологических конструкций «социальная и культурная», «общество и культура».

Очевидный перелом во взглядах произошел, по-видимому, в результате работы над книгой «Современные социологические теории». Об истоках и содер-

жании этого перелома можно судить по обзору развития социологии, данному в «Обществе, культуре и личности» (1947).

В этом обзоре ключевыми представляются три момента. Во-первых, это исчезновение из языка П.А. Сорокина термина «психика» и замещение его термином «сознание» (реже «ментальность»). Во-вторых, озабоченность вопросом отличия человеческого сознания от сознания животных. Это отличие усматривается в том, что человек развивает высшие формы сознания – язык, науку и философию, религию, искусство, право и этику, нравы и манеры, технические и производственные процессы, а также социальные институты [Сорокин, 1992, с.157]. В-третьих, все эти формы сознания определяются как культура и «надорганика», в целом как духовное явление. «Социокультурные или надорганические явления являются ментальными по своей природе...», – писал П.А. Сорокин [Сорокин, 1992, с.183].

Таким образом, термин «социокультурный» закрепляет специфику человеческой социальности в ее отличии от социальности высших животных, обладающих сознанием и ведущих коллективный образ жизни. По сравнению с российским периодом налицо смещение значений терминов. Термин «социальное» приобретает более узкое значение, а термин «социокультурный» используется в том значении, в котором ранее употреблялся термин «социальный».

Вместе с тем это означает, что общество и его культура понимаются идеалистически – как «надматериальное» явление, существующее на материальных носителях. В качестве определяющей стороны в его развитии принимается уже не психика (ибо она не отличается от животных), а культура – в формах языка, искусства, науки, религии и пр. Поскольку вся культура понимается как феномен сознания, то П.А. Сорокин больше не проводит различие между духовной и материальной культурой.

Ярким свидетельством такого культурного детерминизма является структура работы «Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений» (1957). Начиная «Социальную и культурную динамику», П.А. Сорокин определяет культуру как все созданное или измененное в результате деятельности взаимодействующих индивидов [Сорокин, 2006, с.33]. Если культура определена как объективация социального взаимодействия, то она вторична по отношению к социальному. Следовательно, социальная динамика является исходной и определяющей по отношению к культурной динамике. Поэтому, как казалось бы, в работе будет описываться социальная, а затем – культурная динамика. В действительности, наоборот, анализ социальной стороны социокультурных явлений начинается только в V части, а до этого рассматривается динамика искусства, философии, науки, этики, религии, политики и права.

П.А. Сорокин не показывает, каким образом социальные взаимодействия объективируются и порождают различные типы культуры, ограничиваясь указанием на «средство» культурных систем и систем общественных отношений и определяющую роль культурной ментальности по отношению к общественным отношениям. При этом типы и флуктуации социальных отношений рассматриваются как производные от типов и флуктуаций систем культуры. Поэтому речь идет прежде всего о культурной, а затем уже о социальной динамике.

Обсуждая вопрос о соотношении общества и культуры в структуре социокультурного явления, П.А. Сорокин в «Обществе, культуре и личности» (1947) предлагает два его решения. В первом варианте общество и культура интерпретируются как компоненты, а во втором варианте – как аспекты социокультурного взаимодействия [Сорокин, 1992, с.193, 218]. Он также уточняет: «“Общество” не может быть более широким термином, чем “культура” ... Единственно возможное различие связано с тем, что термин “социальный” означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как “культурный” означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)» [Сорокин, 1992, с.219].

Пожалуй, для П.А. Сорокина более предпочтительна аспектная трактовка, в рамках которой, что считать социальным, личностным и культурным, зависит от исследовательской фокусировки. И неприемлемо допускаясь в российский период творчества объединение социального и культурного как отдельных функциональных частей социокультурного взаимодействия. Соответственно, социокультурное – это не единство социального и культурного как отдельных субстанций (такой подход можно назвать ошибкой консубстанциализма в определении социокультурного).

Едва ли терминология П.А. Сорокина является окончательной. Не исключено, что для него мог быть приемлемым термин «социокультурноличностное взаимодействие» (явление, мир и т.п.). Такими уникальными «социокультурноличностными» феноменами можно, например, считать христианское общество или буддийскую цивилизацию, само возникновение и существование которых связано с конкретными историческими личностями. С этой точки зрения триада «общество, культура и личность» фиксирует равнозначные аспекты объекта социологии. Поскольку эти аспекты выделены выборочно, то представляется возможным в данной логике дальнейшее выделение произвольного количества аспектов.

В одной из последних своих работ – докладе «Социология вчера, сегодня, завтра» (1965) – П.А. Сорокин по-прежнему рассматривает социокультурную реальность и ее явления как объект социологии. Членов своей триады он характеризует и как составные части, и как разные уровни воплощения, и как аспекты, и как измерения социокультурной реальности [Сорокин, 1999, с.120]. Свою версию социологии П.А. Сорокин оценивал как несовершенную попытку и выражал надежду на выдвижение в будущем лучших, более адекватных концепций.

Не рассматривая перспективу разработки социологической теории, оценим возможность более адекватного определения содержания понятия «социокультурный». При этом, на наш взгляд, нужно исходить из следующих предпосылок.

Во-первых, термин «социокультурный» приобрел широкую популярность. На его базе сформировался масштабный и разнообразный социокультурный дискурс. Следовательно, он неизбежно сохранится в языке гуманитаристики. Поэтому требуется придать ему такое значение, которое приемлемо для представителей различных дисциплин, принимающих участие в социокультурном движении.

Во-вторых, дисциплинарным фактом является неприятие социологами учения П.А. Сорокина о социокультурной реальности.

Вот что об этом пишет А.Ю. Котылев: «Преимущественная принадлежность термина “социокультурный” П.А. Сорокину подтверждается и тем, что другими социологами он принят не был, в отличие от ряда понятий, введенных ученым в ранний период своего творчества. Вероятно, это объясняется тем, что в системе текстов Сорокина термин “социокультурный” если и не совсем заменил, то оттеснил на второй план понятие “социальный”. Сама идея синтеза социального и культурного, характерная для зрелого и позднего периодов творчества мыслителя, оказалась чужда большинству социологов второй трети XX века. Изменение отношения произошло в последние десятилетия этого столетия, когда новая волна активного развития культурной социологии и культурологии придала сорокинским произведениям значимую актуальность» [Котылев, 2012, с.47].

С данной оценкой вполне можно согласиться. Кроме того, сформулируем ряд дополнительных соображений:

- современная социология действительно довольствуется изучением социальной реальности;

- проблема синтеза социального и культурного в целом не характерна для социологии и является авторским способом решения проблемы демаркации («автономизации») социологии;

- сегодня интерес к социокультурному подходу среди российских социологов незначителен, а крупнейший организатор эмпирических социокультурных исследований Н.И. Лапин заявил о переходе к «антропосоциальному подходу» как «постклассической» версии социокультурного подхода [Лапин, 2005].

В любом случае мотив введения представления о социокультурной реальности как способа обоснования объекта социологии сегодня отсутствует.

В-третьих, приходится считаться с развитием культурологии, изучающей развитие множества разнообразных локальных культур. Сам П.А. Сорокин анализ выделенных им типов культур проводил на материале египетской, вавилонской, греко-римской, индуистской, китайской и других культур.

В-четвертых, оценивая масштаб предпринятого исследования социальной и культурной динамики Запада, П.А. Сорокин считал возможным отнести его к области философии истории [Сорокин, 2006б, с.26]. Важнейшим своим достижением он считал разрешение многовекового философско-исторического спора между «линеаристами» («прогрессистами») и «циклистами» [Сорокин, 2006б, с.111].

Действительно, его взгляды классифицируют как принадлежащие к направлению циклического описания истории [Семёнов, 2003, с.181]. Мы уже отмечали активность российских философов в разработке социокультурного подхода. Это дало нам основание определить его статус как методологемы прикладной философии [Попков, Тюгашев, 2012а, с.101]. Поэтому именно философия, которая развивает в своей структуре социальную философию и философию культуры, решает на основе специфичных для нее методов проблему теоретико-мо-

дельной фиксации взаимосвязи социального и культурного как конструктов, фундируемых в рамках конкретных философских течений.

В-пятых, содержание понятия «социокультурный» должно определяться с учетом семантических полей концептов «общество» и «культура». Поэтому отрицательному отбору подлежат трактовки, не вписывающиеся в языковую традицию.

С учетом изложенного мы предлагаем определять социокультурное как социальное в его культурном разнообразии. Социокультурный подход предлагается понимать не как описание общества в виде опосредованного взаимодействия индивидов, а в виде ансамбля (комплекса) культур. Иначе говоря, общество – это не единство индивидов и культуры, а единство взаимодействующих культур. Данная интерпретация социокультурного снимает трудности определения культуры в ее противопоставлении взаимодействующим индивидам, живая деятельность которых тем самым исключается из культуры. Вместе с тем описание общества как взаимодействия культур корреспондирует той парадигме социокультурной динамики, которую представил П.А. Сорокин.

Укажем несколько реалий, открывающихся в оптике его социокультурного взгляда.

Во-первых, в каждую историческую эпоху как в мире в целом, так и в отдельных регионах сосуществуют различные типы культур: основные и побочные, промежуточные и переходные.

Во-вторых, количество основных типов культур ограничено (не более десятка).

В-третьих, ни один из типов культур не существует в чистом виде. В интегрированных культурах сосуществующие типы культуры субординированы: одна культура является господствующей, другие – подчиненными.

В-четвертых, в недрах господствующей культуры вызревает альтернативный тип культуры в обновленной исторической форме.

В-пятых, течение социокультурных процессов взаимоограничено и характеризуется такими параметрами, как пауза, такт, ритм, темп (с их изменениями).

На наш взгляд, реализация социокультурного подхода предполагает последовательное выполнение следующих исследовательских процедур:

1) выделяется социальность, т.е. общество (социум, сообщество) как взаимодействие социальных субъектов (индивидов, социальных групп, общностей и т.п.);

2) поскольку стороны социального взаимодействия противоположны в силу своего различного положения, то специфицируются типы культуры, представленные как в субъектности сторон взаимодействия, так и в объективации их взаимной деятельности;

3) социальность рассматривается как социокультурная система, т.е. как развивающееся, усложняющееся и дифференцирующееся взаимодействие культур с выделением ведущей культуры и контркультуры (субкультуры);

4) прослеживается генезис социокультурной системы как социокультурный процесс, характеризующийся возвышением одной культуры, уходом в основание другой культуры и зарождением альтернативной культуры;

5) раскрывается вариабельность социокультурных процессов в виде карты основных и побочных, промежуточных и переходных типов культур, интегрированных в выделенную социокультурную систему.

Как представляется, реализация обозначенных процедур соответствует такому пониманию социокультурного подхода, которое обеспечивает получение научных результатов, адекватных усложняющейся культурной сложности современного мира.

В целом актуальной и необходимой является методологическая интеграция социокультурного движения, рефлексия его мотивов и оснований, систематизация используемого категориального аппарата. Фигура П.А. Сорокина представляется в этом плане центральной и заслуживающей внимания всех гуманитариев, применяющих социокультурный подход.

Литература

- Давыдов Ю.Н. «Большой кризис» в теоретической эволюции П.А. Сорокина // Социологический журнал. 1999, № 1/2. – С.111–117.
- Верч Дж. Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию. М.: Тривола, 1996. – 176 с.
- Котылев А.Ю. Понятие «социокультурный» в терминологическом словаре П.А. Сорокина // Наследие. Сыктывкар, 2012, № 2. – С.45–50.
- Латин Н.И. От социокультурного – к антропосоциальному подходу // II Всероссийская научная конференция Сорокинские чтения–2005. Будущее России: стратегии развития. 14–15 декабря 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru> (Дата обращения: 05.02.2011).
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Национальная политика и социокультурный подход // Знание. Понимание. Умение. М., 2012а, № 3. – С.99–105.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Социокультурное движение в гуманитарном сообществе и социокультурный подход // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: филология. Новосибирск, 2012б. Т.10. Вып. 3. – С.58–64.
- Семёнов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: «Современные тетради», 2003. – 776 с.
- Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага: Кооперативное издательство, 1922. – 112 с.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
- Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. – 560 с.
- Сорокин П.А. Социология вчера, сегодня, завтра // Социс. М., 1999, № 7. – С.115–124.
- Сорокин П.А. Социология революции. М.: «Территория будущего»; РОССПЭН, 2005. – 768 с.
- Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006а. – 618 с.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006б. – 1176 с.
- Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. Т.2. М.: Мысль, 2010. – С.341–347.
- Шершеневич Г.Ф. Социология: лекции. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 200 с.
- Южасов С.Н. Социологические этюды. М.: Астрель, 2008. – 1056 с.
- Whitehead A.N. Process and Reality: An Essay in Cosmology N.Y.: The Free Press, 1978. – 398 p.

УДК 316.773.2

К.П. Лазебная
Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. СОРОКИНА

В статье представлена реконструкция концептуальных оснований теории символического П.А. Сорокина через анализ ее эволюции в трудах, относящихся к различным периодам его научной деятельности. Раскрывается значение данной теории в развитии его подхода к пониманию структуры социокультурного универсума.

Ключевые слова: теория символического, символический проводник, символ, фетиши, социокультурная система, интегрализм, социокультурная интеграция.

K.P. Lazebnaya. Evolution of P. Sorokin's Theory of Social Symbolism

The article presents the reconstruction of the conceptual foundations of Sorokin's theory of symbolic through the analysis of its evolution in the works belonging to different periods of his scientific activity. Value of this theory in development of its approach to understanding of structure of a sociocultural universum reveals.

Key words: theory of symbolism, symbolic conductor, symbol, fetish, sociocultural system, integralism, sociocultural integration.

Краткий обзор исследований социального символизма в социологии Сорокина: постановка проблемы

Интерес к проблеме символического сохраняется на протяжении всей истории развития социологического знания. Осмысление значения российских теоретико-социологических исследований в этой области и, в частности, богатого наследия Сорокина является одной из актуальных задач в контексте развития социологии символа*. Несмотря на обилие публикаций, посвященных его научному творчеству, количество историко-социологических исследований о его работе относительно сферы символического в социальной реальности пока недостаточно.

В ряде работ известных западных исследователей творчества Сорокина (Дж.Ф. Аллена, Б.В. Джонстона, Х. Данкана, Ф.Р. Коуэлла и др.) мы обнаруживаем определенное аналитическое осмысление данной проблематики. Однако в фокусе их внимания находятся научные разработки Сорокина, относящиеся к зарубежному периоду его деятельности, в центре которых – изучение ценностно-смыслового содержания символических проводников, вопросы формирования культурной ментальности и проч. Российский период остается за пределами рассмотрения. Между тем именно в это время Сорокин формулирует основные

* Возможности формирования социологии символа как отдельной отрасли социологического знания раскрываются в ряде работ О.А. Кармадонова [Кармадонов, 2003; 2004 и др.].

«Наследие» № 2 (5) (2014)

положения теории символического в своих трудах, многие из которых не переведены и не знакомы иностранным исследователям [Сорокин, 1913]. К данным положениям относятся, в частности, описание процесса символизации и активации идей, смыслов, ценностей в процессе познания и конструирования социальной реальности, а также анализ взаимосвязи материального и смыслового аспектов структуры символа и их значения в социальном взаимодействии.

На протяжении всей истории изучения творчества Сорокина в России сохраняется интерес к теории социокультурной интеграции и динамики, исследованиям ценностно-нормативных аспектов социальной жизни и многим другим областям его социологии, которые имеют тесные связи с теорией символического, однако данные связи практических не попадают в фокус внимания отечественных исследователей. В большинстве своем разработки российских авторов (А.В. Бабайцева, Ю.Г. Вешнинского, И.А. Голосенко, М.О. Мнацаканяна, Г.Г. Почепцова, А.Б. Тугарова и др.) посвящены раскрытию его концепции символических проводников в контексте изучения устройства социального пространства, а также выявления ее значения в теории социального взаимодействия, подробно описанных Сорокиным в его ранних публикациях. Несмотря на то, что во множестве последующих работ он конкретизирует понятие символического проводника, описывает его функциональную нагрузку, значение в теории интегрализма, большинство российских исследователей не выделяют данные положения в качестве особого объекта анализа.

В связи с этим основная задача, которая разрешается в рамках настоящей статьи, заключается в изложении первичных результатов реконструкции теории символического в социологическом наследии Сорокина через раскрытие категориального аппарата, концептуальных оснований и эволюции данной теории в его работах разных лет [Лазебная, 2013, с.157–167; 2011, с.11–16; 2009, с.25–30].

Ключевые работы в контексте исследования

Представим краткий обзор основных работ Сорокина в период с 1913 по 1943 год, которые в рамках настоящего исследования имеют особое значение. Выбор данного периода – результат поиска неких временных границ, позволяющих зафиксировать процесс становления теории символического. И если одна из первых работ Сорокина 1913 года «Символы в общественной жизни» (далее – «Символы») является очевидной «точкой отсчета»* или, по его словам, «эскизом социального символизма» [Сорокин, 1913, с.48], то поиск «завершающего» звена строго не определяется.

* «Символы в общественной жизни» – это небольшой очерк для рижского издания «Миниатюрная библиотека: наука и жизнь». В публицистической форме Сорокин раскрывает в нем ключевые положения относительно роли и значения социального символизма, более подробно развиваемые в его дальнейших работах. «Символы» являются одной из первых публикаций молодого ученого в период обучения на третьем курсе юридического факультета Санкт-Петербургского университета, куда он попадает после успешного обучения в Психоневрологическом институте. Значительное влияние на становление научного мировоззрения Сорокина в этот период оказали выдающиеся профессора, как писал он сам, «чудесное созвездие ученых» – М.М. Ковалевский, Е. Де Роберти, В.М. Бехтерев, Л. Петражицкий, Н.О. Лосский и др., а также крупные зарубежные мыслители Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, Г. Зиммель, К. Маркс, М. Вебер и др. На страницах «Символов» угадываются многие идеи предшественников и современников Сорокина, однако ссылок сам он практически не дает.

На страницах первого фундаментального исследования российского периода «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» [1913] в первой части работы, посвященной систематике актов поведения, Сорокин помещает раздел о социальной аналитике, во многом основанный на идеях, изложенных в «Символах». Анализ структуры простейшего (родового) социального явления взаимодействия (уровень межличностного взаимодействия), учение о социальных группах и сложных социальных агрегатах (уровень межгруппового взаимодействия) составляют суть раздела. Особое место в нем отводится подробному рассмотрению символической медиации социальных процессов на данных уровнях. Теория символического в социальной аналитике раскрывается также в двух томах последующего крупного труда Сорокина «Система социологии» [1920], положившего начало формированию его концепции интегрализма. Подробное изложение этой концепции, а также наиболее полное переосмысление положений «Символов» содержится в работе «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии» [1947]*.

Несмотря на существующие теоретико-методологические различия выбранных трудов, в них присутствует единая линия, некий стержень, фиксирующий общую логику развития представлений Сорокина о природе символического. Данный вывод основан на сравнительном анализе выбранных трудов, однако первоначальным посылом послужили слова Сорокина в заключении «Символов»: «...проблема эта [социального символизма. – Л.К.] достаточно важна и интересна и может дать целую научную систему, объясняющую многие загадки социальной жизни. Здесь, конечно, мы могли провести только штрихи будущей науки социального символизма; однако эти штрихи показывают, ...что они смогут послужить отправной точкой для плодотворнейших социологических исследований» [Сорокин, 1913, с.48]. Один из основополагающих «штрихов», развиваемый в последующих работах Сорокина, связан с раскрытием значения символов в социальной реальности как «внешней формы, в которую облекается всякая мысль и всякий сознательный акт» [Сорокин, 1913, с.10].

Понятие «символический проводник» вводится Сорокиным для обозначения любых органических и неорганических объектов и явлений, наделяемых неким значением или эмоциональным переживанием, которые осуществляют их передачу между индивидами в процессах социального взаимодействия. Символические проводники – «внешние данные факты» – объективируют и передают психическую энергию между индивидами, позволяют ей преодолевать пространственные и временные ограничения. В связи с этим символические проводники, образующие в своей совокупности «материальную культуру», определяются Сорокиным как одни из немаловажных элементов социального взаимодействия наряду с индивидами, актерами и актами взаимодействия [Сорокин, 1920, с.82, 145]**.

* «Общество, культура и личность» – одна из известных и крупных зарубежных работ ученого, написанная им в период работы в Гарварде. Как отмечал Сорокин, ее завершение ознаменовало начало нового этапа в его научной биографии, связанного с изучением созидательного альтруизма [Сорокин, 1991, с.214].

** В последующих англоязычных трудах Сорокин конкретизирует данный термин и использует понятия «символический посредник» – «symbolic vehicle», и отличное от него – «symbolic conductor». В рамках данной статьи уточнение различий не является строго необходимым. Однако ознакомиться с ними возможно в диссертационном исследовании автора [Лазебная, 2013].

Теория символического и архитектурника социологии Сорокина

Разрешение вопроса об эволюции теории символического тесно связано с представлениями Сорокина о системе социологического знания. При сравнении его взглядов относительно архитектурники социологии в 20-х и 40-х годах фиксируется пересмотр устройства ее основных разделов (схема 1) [Сорокин, 1920; Sorokin, 1947].

Схема 1. Архитектурника социологии Сорокина и ее основные отделы

«Система социологии» (1920)			
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ			ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ или социальная политика (выработка способов управления социальными силами)
↓ Социальная аналитика (структура социального взаимодействия)		↓ Социальная механика (процесс социального взаимодействия и силы, которые его определяют и вызывают)	↓ Социальная генетика (теория социальной эволюции, динамики)
↓ Изучение простейшего социального явления – социального взаимодействия, его элементов и форм	↓ Изучение сложных социальных единств и их видов		
«Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии» (1947)			
ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ			СПЕЦИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ (структура и динамика определенного класса социокультурных явлений)
↓ Общая структурная социология Теория о: а) социальных системах и скоплениях; б) культурных системах и скоплениях; в) личностях в их структурном аспекте, основных типах и взаимосвязях.		↓ Общая динамическая социология Теория о повторяющихся: а) социальных процессах и изменениях; б) культурных процессах и изменениях; в) личностных процессах и изменениях их типов, взаимосвязей, ритмов, тенденций и каузальных факторов.	

Изначальное деление социологии на теоретическую и прикладную, заимствованное им у американских исследователей (Ворда, Смолла и др.)* [Сорокин, 1920, с.37], в дальнейшем трансформируется.

Он объединяет свои разделы теоретической социологии (аналитику и механику**) в общую структурную социологию, а также выделяет общую динамическую социологию, куда попадает социальная генетика. Таким образом, Сорокин возвращается к идеям Конта о социальной статике и динамике [Sorokin, 1947, p.17], которые он использовал в ранних работах при различении социальной аналитики и генетики [Сорокин, 2008, с.60].

Социальная аналитика «превращается» в общую структурную социологию. Социальное взаимодействие определяется как значимое социальное взаимодействие (meaning social interaction), представляющее собой простейшее социальное явление в структуре социокультурных явлений. Повышается внимание Сорокина к роли «значения» в изучении символически опосредованных социальных интеракций [Sorokin, 1941; 1943 и др.].

Анализ сферы социального символизма в англоязычных работах Сорокина расширяется. Он конкретизирует структурные особенности символических проводников, исследует их функции не только в процессах социального взаимодействия, но и в интеграции ценностно-нормативных систем, что отражается в разделе, посвященном общей динамической социологии. Сорокин уделяет особое внимание функциональной нагрузке символических проводников в изучении природы социального пространства и времени [Sorokin, 1937, 1943, 1947]**, вопросам социальной мобильности, социокультурной интеграции и динамики [Sorokin 1937–1941]. Но именно в упомянутой ранее работе «Общество, культура и личность» [1947] и четвертом томе «Социальной и культурной дина-

* Как отмечает Кареев, в тот период молодой Сорокин тяготел к североамериканской социологии, «в то время бывшей сравнительно малоизвестной в России» [Кареев, 1920, с.7–8; 1996, с.263]. Увлечение Сорокина американской культурой и научной мыслью было достаточно велико. «Мои друзья и коллеги в России даже прозвали меня “русским американцем”», – пишет Сорокин в автобиографии [Сорокин, 1991, с.165].

** Выделение «социальной механики» как особого раздела социологии встречается во многих трудах российских современников Сорокина, к примеру, в работе Н.Г. Воронова «Основания социологии» (1912). Значительный вклад в разработку данного раздела внес Е. Спекторский в «Проблемах социальной физики в XVII столетии» [1910, т.1; 1917, т.2,3] [Сорокин, 1992б, с.15].

*** В исследованиях, посвященных социальному пространству и времени, Сорокин, анализируя различные подходы к пониманию данных феноменов в философии, психологии и антропологии, акцентирует внимание на существовании определенных коллективных представлений, образующих системы пространственно-временных координат. Представление о статусно-ролевых позициях индивидов и групп, таким образом, связывается Сорокиным с природой символической иерархии социального пространства. Точно так же, как и социальное пространство, по его мнению, отличается от географического, так и социальное время отлично от астрономического и выражается в «социальных феноменах, принятых за референтные точки». В повседневных взаимодействиях зачастую используется именно такой способ обозначения времени («вскоре после мировой войны», «зимнее время», «в период поста» и т.д.). Системы социальных временных координат имеют как широкое распространение (унифицированные календари), так и локальное (координация действий определенных групп). Изучение вопросов данной сферы социального символизма связывается Сорокиным с проблемами социологии знания. Его внимание к этой сфере социологического знания встречается впервые на страницах упомянутой ранней работы – «Символы в общественной жизни» [Sorokin, 1943; Сорокин, Мертон, 2004, с.112–119; Горж, 1994, с.22–24; Zimmerman, 1968 и др.].

мики» [1941] он объединяет результаты своих исследований, дает более полное описание природы социального символизма. Обратимся к анализу данных работ.

Символический проводник как единство социального, культурного и материального

В таблице представлена реконструкция ключевых положений, содержащихся в работе Сорокина «Общество, культура и личность», относительно взаимосвязи социальных, культурных и личностных аспектов социокультурного явления [Sorokin, 1947, Ch.3,17]. Раскрытие роли символических проводников в данной взаимосвязи является одним из ключевых вопросов настоящего исследования.

Таблица. Структура социокультурного явления

Общество <i>универсум взаимодействующих индивидов</i>	Культура <i>универсум значений, ценностей и норм, поддерживаемый взаимодействиями индивидов и совокупностью символических проводников социального взаимодействия, объективирующих и социализирующих эти значения</i>	Личность <i>субъект социального взаимодействия</i>
<ul style="list-style-type: none"> • Формы и системы организации социокультурных взаимодействий; • Факторы солидарности и антагонизма социальной системы; • Группы и коллективы; • Социальная дифференциация, стратификация и т.д. 	<ul style="list-style-type: none"> • Интеграция идеологической, поведенческой и материальной культуры на личностном и групповом уровнях, а также на уровне социокультурных суперсистем; • Взаимосвязи между организованными социальными группами и интегрированными культурными системами и т.д. 	<ul style="list-style-type: none"> • Взаимосвязи между социальными и культурными структурами и «личностным Я», разумом и поведением; • Ментальное развитие личности и динамика социокультурных структур; • Плюрализм «личностных Я» как отражение группового плюрализма и т.д.

Согласно Сорокину, единство структуры социокультурного явления обеспечивается единством значений, т.е. ценностно-смысловой интеграцией идеологической, поведенческой и материальной культур на личностном и групповом уровнях, а также на уровне социокультурных систем. Таким образом, значимое социальное взаимодействие (поведенческая культура) благодаря своему смысловому содержанию, объективированному в символических проводниках, поддерживает ценностно-смысловую интеграцию с материальной и идеологической культурой. В основании данных процессов находится различие внутренне-психической и внешне-символической сторон культурных феноменов [Sorokin, 1941, p.12].

Перед тем как перейти к более подробному анализу взаимосвязи личностного, социального и культурного аспектов социокультурных явлений в кон-

тексте теории символического, остановимся на комментариях И.А. Голосенко относительно теоретического обоснования Сорокиным соотношения социального и культурного явлений в рамках описания социального взаимодействия как родового понятия и главного предмета социологического знания: «Все, что идет от общества к личности и обратно, составляет “социальное”, от культуры и обратно – “культурное”. Социокультурное (надорганическое) – единая сфера, подчиняющаяся законам функционирования и развития, единство обеспечивается деятельностью личностей» [Голосенко, 1992, с.20].

Голосенко отмечает, что возможно зафиксировать теоретическую детализацию Сорокиным некоторых частей «социального» и «культурного» в разные годы его научной деятельности, и выделяет два примера подобной интерпретации: а) неопозитивистская и бихевиористская в российский период и б) неидеалистическая и «интеграционная» в американский период. «В первом случае “культурное”, то есть ценности, символы, нормы им признаются только в качестве “носителей” социального, каркаса внешне зримого, доступного наблюдению поведения, в котором в духе бихевиоризма материальные и духовные стороны бытия отождествляются в едином клубке объективных стимулов» [Голосенко, 1992, с.16–17]. Основной акцент при интерпретации предмета социологии Сорокиным сознательно сделан на «социальном», под которым подразумеваются различные формы деятельности, групповая и внутригрупповая дифференциация. Этим Голосенко объясняет очень сжатое определение предмета социологии в работах Сорокина этого периода как изучение «сущности социального или надорганического явления» [Голосенко, 1992, с.18].

Во второй интерпретации конца 30-х годов под влиянием неокантианства и феноменологии, пишет Голосенко, происходят изменения в предыдущей трактовке предмета социологии. «Культурное» выдвигается на первый план, его носителями объявляются все биолого-физические предметы, которые «через соотнесение с ценностью радикально меняют свою природу для человека, выступая уже частью социокультурного целого, в котором они функционируют как материальные носители ценности» [Голосенко, 1992, с. 18]. И далее в качестве иллюстрации своего заключения Голосенко обращается к следующей цитате из работ Сорокина: «вера трансформирует маленький кусочек дерева в “чури́нгу”... без “значения”, специфической ценности, скульптура превратится в каменную глыбу» [Голосенко, 1992, с.18].

Позиция Голосенко, безусловно, отражает общую эволюцию теоретических взглядов Сорокина, однако отметим, что во многих аспектах его ранней социологии 10-20-х годов фактор ценности, смыслового содержания материальных объектов и актов взаимодействия являлся также существенно значимым. Физический объект сам по себе бесценен, отмечает Сорокин в «Символах» и последующих работах российского периода, только вступая в роль символического проводника, он «впитывает», «вбирает в себя» ценность, эмоцию, значение [Сорокин, 1913, с.185–193]. Символические проводники «связывают» культурное и социальное, материальное и идеальное. Максимальную силу данных связей демонстрируют, к примеру, процессы перехода символа в фетиш, впервые описанные в «Символах». Благодаря этому символические проводники оказывают

«Наследие» № 2 (5) (2014)

обратное, рикошетное влияние на психику человека и участвуют не только во взаимодействии, но и в объединении индивидов и социальных групп [Сорокин, 1913, с.45; Сорокин, 2006, с.111].

Сорокин уделяет данному факту особое внимание и в более поздних англоязычных трудах. К примеру, в работе 1958 года «Моя философия – интегрализм». В ней раскрываются многие положения «Символов»: «...явления культурного мира имеют “нематериальный” компонент “смысла” (как идея, ценность, моральная норма поведения), который накладывается на физический и/или жизненный компоненты. ... Кусок дешевой материи, прикрепленный к палке, благодаря своему смыслу превращается в национальный флаг, символ чести и величия нации, ради которого люди жертвуют своей жизнью и убивают других людей» [Sорокин, 1958; Сорокин 1992а, с.135].

Внимание Сорокина к внутренним смысловым значениям символических проводников проявляется на протяжении всей истории развития теории символического в его работах. В некотором роде символ является для него одновременно и инструментом, и объектом анализа*. «Мысль или, вообще говоря, психическое явление по своей природе “бесплотно и невещественно”, вовне оно может появиться только тогда, когда оно “облачится” в вещественную форму. А символ и есть не что иное, как эта вещественная форма мысли...», – отмечает Сорокин [Сорокин, 1913, с.28]**. Под психическим характером Сорокин понимает именно «сознательные» переживания, равносильные термину «разум». «Психику другого в чистом виде мы не можем ни воспринять, ни выявить, а воспринимаем уже нечто не психическое – ее материализованные проявления, ее символы, внешние акты. Это значит, что без проводников психика абсолютно непередаваема» [Сорокин, 1920, с.116].

Основным методом исследования явлений взаимодействия Сорокин называет «объективный метод, изучающий внешние данные факты функциональной зависимости поведения одних людей от существования и поведения других», который он дополняет методами субъективной психологии, в частности «методом интроспекции, обращающейся к анализу психических переживаний людей» [Сорокин, 1920, с.75–76]. По этому поводу Кареев пишет следующее: «Сорокин прямо вводил в русскую социологию остававшийся ей чуждым “бихевиоризм”, но, становясь, следовательно, на психологическую точку зрения, Сорокин сам стремился устранить из своей науки... субъективную психологию, чтобы заменить ее чисто объективной рефлексологией» [Кареев, 1996, с.373]. Однако окончательно это так и не удается Сорокину, о чем свидетельствуют замечания его

* Подобную методологическую особенность в социологии символа отмечает Кармадонов: «Символ в своем реально социологизированном виде должен являться одновременно базовой теоретической посылкой, а также категорией, единицей и результатом эмпирического анализа, обеспечивая действительные, а не умозрительные охват и целостность методологии социологического анализа» [Кармадонов, 2004, с.322].

** Сорокин отвергает определение психолога и философа Г. Гейфдинга о том, что «символ – это конкретное представление, которое непосредственно вызывает другое представление, не отличающееся такой же наглядностью, как первое», подчеркивая необходимость понимания символа в социологии как «материально-вещественной оболочки», в которую облачается «мысль и сознательный акт» [Сорокин, 1913, с.6–9].

современника И.Ф. Цызырева о противоречии в методологии его ранних трудов и склонности не только к внешнему описанию социального поведения, но и к его пониманию. Комментируя данные критические замечания, Голосенко отмечает, что обращение к ценностно-смысловым аспектам социальных явлений в ранних работах Сорокина становится основанием для формирования интегральной социологии в его последующих трудах [Цызырев, 1992, с.33].

Различение внутренне-психического содержания (ценностно-смыслового значения) и внешней оболочки в структуре символических проводников, по мысли Сорокина, является основным условием и методологическим принципом исследований социальных явлений [Сорокин, 1913; 2006, с.105]. Данное различие применяется им в последующих трудах, к примеру, в «Социальной и культурной динамике». При изучении культурных феноменов, отмечает Сорокин, следует учитывать два аспекта: «внутренний (“нематериальный”, значения и ценности) и внешний (“материальная оболочка”, воплощаемая в пространственно-временном континууме “нематериального”»)» [Sorokin, 1941, p.12]. Таким образом, символические проводники используются им в качестве методологического инструмента в логико-смысловом анализе форм социокультурных систем в связи с необходимостью изучения интеграции их внутренних аспектов, другими словами, «культурной ментальности» – сферы разума, ценности, смысла*.

Прасимволы (главные идеологические предпосылки) трех типов социокультурных суперсистем (идеациональной, идеалистической и чувственной) объективируются в разнообразных проводниках, которые образуют подчиненные им разнообразные системы, начиная от этических, правовых, философских воззрений и заканчивая стилями архитектуры, живописи и т.д. [Sorokin, 1937–1941, Сорокин, 2006б, ч.1]. Описываемые процессы наиболее ярко проявляются в исследовании механизмов возникновения эмпирических социокультурных систем, интеграции их элементов во времени и пространстве [Sorokin, 1941, p.61–68].

Первой фазой данного процесса является ментальная интеграция, раскрывающая понимание Сорокиным феномена творчества, а также природы познания и взаимосвязи ее форм (чувственной, рациональной и сверхчувственной-сверхрациональной) с соответствующими типами «культурной ментальности»

* Для более детального раскрытия сути внутреннего компонента структуры символа, как было отмечено ранее, связанного с психическими «сознательными» переживаниями, равносильными термину «разум», обратимся к их конкретизации Сорокиным в «Социальной динамике». В связи с замечаниями критиков относительно использования им термина «значение» Сорокин пишет следующее: «Современные приверженцы так называемой семантики (“semanticians”) (бихевиоризм, логический позитивизм и др.) выражают протест против термина “значение” и указывают снова и снова на его неопределенность... Модный метод замены терминов “значение”, “мышление”, “разум” терминами “вербальный знак”, “вербальный символ”, “символическое поведение” (R. Carnap, A.J. Ayer и др. приверженцы семантики (“semanticians”), а также S. Chase, G. Lundberg, и др.) не исключает неопределенность и неясность их определения... “Символ” символизирует значение, отличное от эмпирической формы символа. Значение есть непременное условие (conditio sine qua non) любых символов или знаков». «Символы стоит изучать с учетом того, что они символизируют [что они значат. – П.С.]; изучение символов ради их самих есть философская форма поклонения знаку вместо обозначаемой вещи» (D.J.V. Hawkins)» [Sorokin, 1941, p.12].

социокультурных суперсистем. Установление данной взаимосвязи происходит посредством объективации смыслов, ценностей, идей в разнообразных органических и неорганических объектах, выступающих в качестве символических носителей или проводников процессов социального взаимодействия.

Таким образом, социокультурные суперсистемы «эмпирически укореняются», происходит экстернализация свойственных им философских, религиозных, правовых, этических и прочих систем в материальной и поведенческой культурах, а также людях, выступающих в качестве символических носителей (фаза эмпирической объективации). Фетишизация проводников и обратное, рикошетное воздействие их на протекание социальных событий сопровождают процессы экстернализации и усиливают плотность взаимосвязей компонентов систем. Их интеграция поддерживается также через сохранение проводимости ценностно-смыслового содержания между носителями (*intervehicle conductivity*), т.е. увеличение числа символических носителей той или иной идеологической культуры и актов взаимодействия, ими опосредованных (фаза социализации). Подобное межпоколенное взаимодействие способствует передаче культуры во времени и пространстве, тем самым осуществляя поддержку внутренней интеграции и логико-смыслового единства социокультурных суперсистем [Sorokin, 1941, с.61–68].

Один и тот же материальный объект, отмечает Сорокин, может служить в качестве проводника для экстернализации самых различных значений или внутренних аспектов культурного явления. Обмен денежной купорой в разных условиях может означать взятку, получение вознаграждения за работу, плату за убийство и т.д. [Sorokin, 1941, р.13]. То же самое применимо и к анализу людей в качестве символических проводников. Сорокин уделяет особое внимание изучению соотношения между типами культуры и типами личности и поведения [Sorokin, 1937, р.633–634], однако подчеркивает, что взаимосвязь между доминантным типом культуры и характером поведения и развития личности не является строго определяемым: «человек может признавать и даже горячо одобрять христианскую заповедь любви к ближнему как к самому себе, и в то же время его житейское поведение может быть чрезвычайно эгоистичным и индивидуалистическим» [Сорокин, 2006, с.765–766].

Приверженность индивида к различным социальным группам, а соответственно и системам их символических проводников, по мысли Сорокина, во многом обуславливает формирование его мировоззрения. Плюрализм «индивидуальных Я» или «эмпирических душ» является следствием группового плюрализма [Sorokin, 1937, р.345–347]. В поддержании этой взаимосвязи немаловажную роль играет рикошетное влияние проводников-фетишей на психику человека. Сорокин различает как общее рикошетное влияние проводников (городская среда, архитектура и т.д.), так и рикошетное влияние проводников-фетишей, которые полностью идентифицируются с ценностями и эмоциями, предписываемые им (государственные, религиозные символы, семейные реликвии, лидеры, вожди, святые и т.д.) [Сорокин, 1913, с.45–47; 1920, с.185–193; Sorokin, 1937, р.58–63]. Таким образом, рассмотрение человека в качестве символического проводника является основанием в подходе Сорокина к пониманию раз-

нообразных процессов, связанных с формированием личности, ее взаимосвязями с различными культурными системами, ролью в поддержании группового единства и т.д.

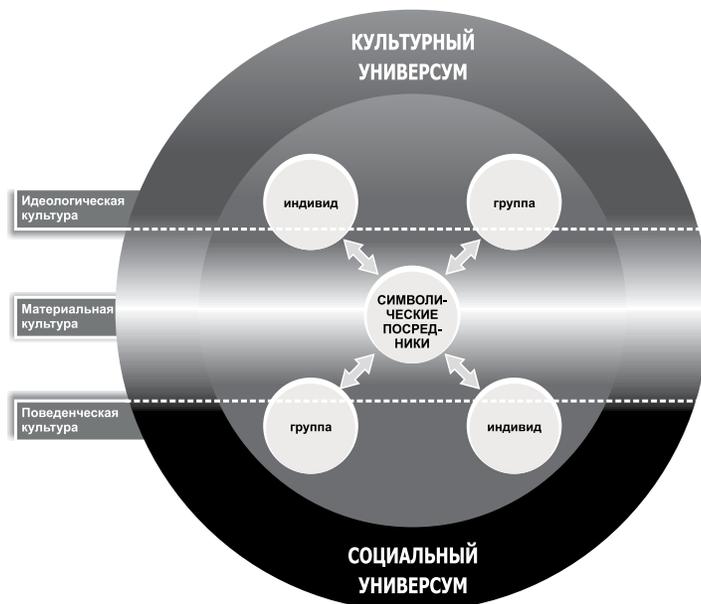
Структура социокультурной интеграции в контексте теории символического Сорокина

Вернемся к представленной ранее таблице взаимосвязи личностного, социального и культурного аспектов социокультурных явлений. Сопоставление теоретических положений в ранних и последующих работах Сорокина относительно природы родового понятия значимого социального взаимодействия позволяет высказать предположение о возможности их объединения в единой концептуальной схеме, ключевым элементом которой становится символический проводник. На протяжении всего развития социологической теории Сорокина одной из фундаментальных задач остается понимание функционирования символических проводников в социальной реальности как одних из основных объектов социокультурной Вселенной, наряду с актерами и актами взаимодействия находящимися на пересечении множества абстрактных аналитических плоскостей: социального и культурного, идеального и материального, индивидуального и коллективного, динамического и статического и т.д. Реконструкция теории символического, таким образом, заключается в объединении и изучении результатов исследований Сорокина в области осмысления механизмов интеграции компонентов социокультурного явления, т.е. взаимосвязи идеологической (смыслы, ценности, нормы), поведенческой (социальные взаимодействия) и материальной (неорганические и органические объекты) культур.

Понимание механизмов данной интеграции связывается в настоящем исследовании с конкретизацией функциональных особенностей центрального понятия исследуемой теории – символического проводника, а именно с выделяемыми функциями *объективации, социализации, солидаризации и передачи* [Лазебная, 2012, с.51–61; 2013, с.229–241; Лазебная, Горячева, 2011, с.108–120] идеологии трех типов социокультурных суперсистем (чувственной, идеациональной и идеалистической). Реализации данных функций проявляется в значимых (символических) социальных взаимодействиях, называемых Сорокиным родовым социокультурным явлением, компонентами которого являются: *субъекты взаимодействия* (индивиды либо группы), совершающие *обмен значениями, ценностями и нормами* посредством наделения ими *символических проводников* (материальных объектов, открытых действий или людей).

Определение символического посредника в качестве центрообразующего элемента в структуре социокультурной интеграции связано с анализом многообразия его функциональных особенностей, сводящихся к объединению социального и культурного, идеального и материального, индивидуально и коллективного, рассматриваемых в горизонтальном измерении в связи «индивид(группа)–символ–индивид(группа)», в вертикальном измерении – «общество–символ–культура» (схема 2) [Сорокин, 1913; 2008, гл.4; Sorokin, 1947, Ch.3, 17–20; 1941, Ch.1–3].

Схема 2. Структура социокультурной интеграции в теории П.А. Сорокина

В работах Сорокина российского периода (10–20-е годы XX века) в большей степени представлен анализ *горизонтальных связей*, имеющих отношение к социальной аналитике, связанной с вопросами возникновения, устройства и сохранения коллективных единств, а также с изучением структуры социального взаимодействия и его элементов (акторов, актов и проводников).

В дальнейших работах 30–40-х годов [Sorokin, 1928; 1943; 1947 и др.] Сорокин продолжает обращаться к сфере символического в «горизонтальной перспективе», используя материал ранних исследований. Однако «*вертикальный уровень*» в определении роли и места символических посредников в социальной реальности начинает доминировать. Символ используется Сорокиным в качестве методологического инструмента в логико-смысловом анализе социокультурных систем в связи с необходимостью изучения их внутренних аспектов, т.е. «культурной ментальности» – сферы разума, ценности и смысла, лежащей в основе интегрированных социокультурных систем и позволяющих физическим объектам приобретать социально-культурную значимость в процессе социальной интеракции. Исследования суперорганической реальности (культуры), представленные в работах Сорокина, являются той областью, в которой теория символического приобретает завершённый, целостный вид и становится частью общей интегралистской социологии, характерной для работ Сорокина конца 40–60-х годов [Sorokin, 1950; 1958, p.180-189; 1957; 1967 и др.].

З а к л ю ч е н и е

Представленные в статье результаты в первую очередь направлены на раскрытие возможностей выделения теории символического в качестве нового

объекта изучения наследия Сорокина. В рамках настоящего исследования проведена реконструкция ключевых положений данной теории, представлен анализ ее эволюции в трудах, относящихся к различным периодам его научной деятельности. Однако сохраняется ряд задач, разрешение которых необходимо для более полного понимания представлений Сорокина о природе социального символизма. К ним относятся, в частности, реконструкция его идей относительно социализации символических проводников, их роли в процессах диффузии материальной среды и др. Разрешение поставленных задач является предметом предстоящей работы.

Литература

- Бабайцев А.В.* Символическая объективация общественного поведения в социологической теории П.А. Сорокина // *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: ИС РАН, РОС, 2008 [http://www.isras.ru/abstract_bank/1208500221.pdf].
- Вешинский Ю.Г.* Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий: автореф. дисс. ... канд. культур. наук. М., 2010.
- Голосенко И.А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 248 с.
- Голосенко И.А.* Социология Питирима Сорокина: Русский период деятельности. Самара: Социол. центр «Социо», 1992.
- Голосенко И.А.* Критика философско-исторических и социологических концепций Питирима Сорокина: дисс. ... канд. философ. наук: 24.00.01. Ленинград, 1967.
- Гофман А.Б.* Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // *Социологический ежегодник 2010*. М.: ИНИОН РАН; Каф. общей социологии НИУ ВШЭ, 2010. – С.128–136.
- Горж де ля Ж.* Индивид и общество: 60 лет исследований социальной мобильности // *Реферативный журнал*. Серия 11: Социология. 1994, № 3. – С.22–24.
- Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб.: Лимбах, 1996. – 368 с.
- Кареев Н.И.* Книга о социальной аналитике. 1920, № 7 (19). – С.7–8.
- Кармадонов О.А.* Социология символа. М.: Академия, 2004. – 352 с.
- Кармадонов О.А.* Проблема символа в социальной теории. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2003. – 143 с.
- Лазебная К.П.* Интерпретация жизненного пути П.А. Сорокина в контексте современных проблем социологии // *Питирим Александрович Сорокин*. М.: РОССПЭН, 2013. – С. 229–241.
- Лазебная К.П.* Теория символического в ранних работах П.А. Сорокина и российская социология начала XX века // *Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии*. Москва: ИНИОН РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии, 2012. – С.157–167.
- Лазебная К.П.* Теория символического в ранних работах П.А. Сорокина: теоретические истоки и перспективы анализа // *Наша социология 2011: исследовательские перспективы и практики*. М.: РГГУ, 2011. – С.11–16.
- Лазебная К.П.* Теория символического в трудах российского периода творчества П.А. Сорокина // *Сборник статей аспирантов факультета социологии ГУ-ВШЭ*. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. – С.25–30.
- Лазебная К.П.* Теория символического в творчестве П.А. Сорокина: историко-социологический анализ: дисс. ...канд.социол.наук : 22.00.01. Москва, 2013.
- Лазебная К.П., Горячева Е.А.* Потребление как феномен передачи long-dated символов. Точки соприкосновения теории символического П. Сорокина и медиологии Р. Дебрэ // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. XIV. 2011, № 5. – С.108–120.
- Лазебная К.П.* Механизм поддержки социальной солидарности в теории символического П.А. Сорокина // *Наследие*. Сыктывкар: ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина», 2012, № 3. – С.51–61.
- Мнацаканян М.О.* Интегрализм и национальная общность как социальная реальность // *Социологические исследования*. 2001, № 3. – С.74–76.

- «Наследие» № 2 (5) (2014)
- Почепцов Г.Г.* История русской семиотики до и после 1917 года: учебно-справочное издание. М.: Лабиринт, 1998. – С.220–226.
- Сапов В.В.* В начале «длинного пути» // Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. – С.3–38.
- Сапов В.В.* П.А. Сорокин: российский период творчества // История теоретической социологии. Социология XIX века: от появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. Изд. 3-е. М., 2010. – С.305–313.
- Сорокин П.А.* Долгий путь: автобиография. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. – 303 с.
- Сорокин П.А.* Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992а, № 10. – С.134–139.
- Сорокин П.А.* Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии (главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2010, № 2 (С.150–160), № 3 (С.157–167), № 4 (С.135–161).
- Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. – 624 с.
- Сорокин П.А.* Русская социология в XX веке // Рубеж (альманах социальных исследований). Сыктывкар, 1992б, № 4.
- Сорокин П.А.* Символы в общественной жизни. Рига: Наука и жизнь, 1913. – 48 с.
- Сорокин П.А.* Система социологии. Т 1. Пг.: Колос, 1920.
- Сорокин П.А.* Система социологии / Питирим Александрович Сорокин. М.: Астрель, 2008. – 1003 с.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
- Сорокин П.А., Мертон Р.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. Июнь 2004, № 6. – С.112–119.
- Тугаров А.Б.* Концепция «символических проводников» в социальной аналитике П. Сорокина // П.А. Сорокин и современные проблемы социологии. Т.1. СПб., 2009. – С.158–160.
- Цызырев И.Ф.* О научных трудах П.А. Сорокина // Рубеж (альманах социальных исследований). Сыктывкар, 1992, № 4. – С.23–36.
- Allen P.J.* (ed.) Pitirim A. Sorokin in review. The American sociological forum. Durham, N.C.: Duke University Press, 1963.
- Cowell F.R.* Values in human society. The contributions of P. A. Sorokin to sociology, Boston, 1970.
- Duncan H.D.* Symbols and Social Theory. NY: Oxford University Press, 1969.
- Johnston B.V.* Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. Lawrence: University Press of Kansas, 1995.
- Sorokin P.A.* Integralism is my philosophy // This is my philosophy. L., 1958. – P.180–189.
- Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics. Vol. 4. New York: Bedminster Press, 1941.
- Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics. Vol. 1–3. New York: Bedminster Press, 1937.
- Sorokin P.A.* Society, Culture and Personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. NY.: Harper & bros, 1947.
- Sorokin P.A.* Sociocultural causality, space, time: A study of referential principles of sociology and social science. Durham: Duke Univ. press. 1943.
- Sorokin P.A.* Social Philosophies of An Age of Crosis. Boston: Beacon Press, 1950.
- Sorokin P.A.* Contemporary sociological theories: Through the first quarter of the twentieth century. N.Y., 1928.
- Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics: A study of change in major systems of art, truth, ethics, law and social relationships: [Rev. and abridged in one volume]. Boston, 1957.
- Sorokin P.A.* The ways and power of love: Types, factors and techniques of moral transformation. Boston, 1967.
- Zimmerman C.C.* Sorokin, the world's greatest sociologist; his life and ideas on social time and change. Sorokin lectures, no. 1, 1968. Saskatoon: University of Saskatchewan, 1968.

СОРОКИН И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 930.2+94/99

В.В. Василенко
Ставрополь

«ВОЙНА КАК СТИХИЯ И ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ ОБЩЕСТВА» В ТРУДАХ П.А. СОРОКИНА

В статье актуализируется учение П.А. Сорокина о войне, освещается теория войн как составной элемент интегральной концепции, показана практическая значимость теоретического наследия П.А. Сорокина в современном мире.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, интегральная концепция, интегральная методология, война, интегрированная социокультурная система, ценности, дезинтеграция.

V.V. Vasilenko. «War as a turmoil and serious illness of a society» in the P.A. Sorokin's works

In the article the P.A. Sorokin's doctrine about war is updated; the theory of war as a component of the integrated concept, the practical importance of the P.A. Sorokin's theoretical heritage in the modern world is shown.

Key words: P.A. Sorokin, integral concept, integral methodology, war, integral sociocultural system, values, disintegration.

В 1999 году на Международном научном симпозиуме, посвященном 110-й годовщине со дня рождения П.А. Сорокина и ознаменовавшем официальное возвращение теоретического наследия российского ученого с мировым именем на Родину, ключевой идеей стало признание основополагающего значения интегральной концепции в понимании перспектив развития общества XXI века.

Тогда же ученик и друг П.А. Сорокина по Гарвардскому университету Э. Тирикян провозгласил: «Сорокин жив и выступает как учитель и интерпретатор критических аспектов современности – будь то в России, США и где-либо еще» [Тирикян, 1999, с.12]. Г. Браун, подчеркивая прогностическую силу учения П.А. Сорокина, сравнивал его с гигантом, с высоты которого мы многое можем увидеть в перспективе, а Б. Джонстон, высоко оценивая П.А. Сорокина как крупнейшего мастера социологии, обратил внимание на самое главное в его теории – «понимание человеческой боли» [Василенко, 2000, с.96–99].

В уходящем XX веке была надежда, связанная с тем, что проблемы и вызовы эпохи в новом столетии получат свое решение и появится возможность глубже взглянуть на наследие П.А. Сорокина в части его теории творческого созидательного альтруизма. Однако сегодня мы видим, как локальные региональные противоречия и конфликты перерастают в цивилизационные столкновения и открытые войны с человеческими жертвами, массовыми бедствиями. Повышенная международная напряженность, стремительно нарастающая милитаризация общества и сознания людей могут привести человечество к затяжным крупномасштабным войнам.

История не повторяется. Каждая война обусловлена особым рядом факторов и причин, спровоцирована конкретным поводом, характеризуется определенным ходом действий и приводит к явным последствиям и урокам, на социальном опыте которых будут воспитываться поколения людей. Вместе с тем даже обывателю понятно, что все войны имеют нечто общее. Они сопровождаются насильственными действиями, жестокостью, страданиями людей, разрушениями и бедствиями.

Большой вклад в изучение данной проблемы внес П.А. Сорокин. Какое место занимают войны в историческом процессе? Можно ли их избежать? Как они влияют на человека и общество? Эти и ряд других вопросов, имеющие первостепенное значение для сохранения человеческой цивилизации, оставались в поле зрения ученого на всех этапах его научной биографии. Теория войн стала одним из элементов интегральной концепции П.А. Сорокина (некоторые ее идеи обнаруживаются в его ранних трудах), получившей свое окончательное завершение в США.

Социальным наукам П.А. Сорокин отводил особую роль. С самого начала своего научного становления, совпавшего с периодом институализации отечественной социологии, задачу социологии как науки он видел в изучении специфических социальных явлений, непосредственно наблюдаемых и обладающих «внешним бытием» [Сорокин, 1913, с.98].

Этим и объясняется то, что начиная с 1914 года П.А. Сорокин, как непосредственный участник и очевидец, целенаправленно изучал и анализировал происходящие в России социальные катаклизмы. Поддерживая социал-патриотов, П.А. Сорокин выступал против сепаратного мира, за продолжение военных действий до момента, когда западные союзники будут готовы к заключению мира. В ранних трудах «Жертвы войны в прошлом и теперь», «Социальная роль и будущее войны» (1914), «На распутье трех дорог (Война и отношение к ней русской общественной мысли)» (1915), «Причины войны и пути к миру»,

«Пути к миру» (1917) и др. он размышлял о негативном влиянии войны на общество, состав населения, его свойства и общественную организацию.

П.А. Сорокин выявил, что война приносит количественные и качественные изменения в составе населения. В количественном плане население уменьшается не только за счет убитых и раненых, но и за счет повышения общей смертности, уменьшения рождаемости, снижения количества заключаемых браков. Качественные изменения П.А. Сорокин связывал с тем, что война представляет собой орудие отрицательной селекции, уносящей лучшие элементы населения: более здоровых, более трудоспособных, более моральных, более развитых творчески и интеллектуально. Также война оказывает влияние на характер взаимодействия между членами общества, изменение поведения. П.А. Сорокин обнаружил, что война отбивает у людей одни формы мирной жизни и прививает новые, обратные нормальному мирному существованию. И если мирная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения, то война, наоборот, требует этих актов. Она «деградирует людей» в моральном отношении. В результате меняется массовое сознание, что проявляется в падении ценности человеческой жизни, в моральном и социальном распаде больших масс людей, активно задействованных в войне, распространении насилия, в отходе от демократических принципов построения общества, достижении социального блага. Преступления для значительной части населения могут стать нормой.

Вместе с тем П.А. Сорокин обратил внимание на то, что на определенном этапе война побуждает часть населения, напрямую или косвенно втянутую в состояние противостояния, любыми путями ее прекратить. В обществе начинают усиливаться пацифистские настроения, распространяются идеалы и ценности мирной жизни и гуманного поведения.

К 1920-ым годам П.А. Сорокин утвердился в понимании особого статуса социологии в системе социальных наук как теоретической, опытной и точной науки, которая должна «исходить из фактов, идти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов» [Сорокин, 1920, с. IX–XII]. Возможность «вычислять процесс и предсказывать повторяющиеся условия, а следовательно, и следствия их, исходя из знания истории», он отводит другой науке – истории [Сорокин, 1922, с. 53]. К этому времени П.А. Сорокин отходит от активной политической деятельности и сосредоточивается на научных исследованиях, продолжая развивать плюралистическую методологию познания социальных явлений. Методологические принципы, заявленные в «Системе социологии», он дополнил следующими положениями: «Каждое выдвигаемое положение я стремился доказывать не “рассуждениями”, а данными эксперимента, непосредственного и косвенного наблюдения, статистики и истории. Вопреки распространенному приему прошлым объяснять настоящее, я из анализа настоящего старался понять прошлое, менее доступное точному изучению и наблюдению». Положение «сходные причины в сходных условиях порождают сходные следствия» он дополнил тезисом о том, что данная формула «дает возможность открытия функциональных отношений в области поведения людей и социальной жизни и формулировки их в виде номографических теорем

социологии (“законов”), если, конечно, сам фактический анализ явлений проведён точно и правильно» [Сорокин, 2003, с.3–4].

В опубликованных в 1922 году статьях «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формацию», «Война и милитаризация общества», а также книге «Голод как фактор», которая подверглась жесточайшей цензуре и была уничтожена, П.А. Сорокин отмечал, что с точки зрения социолога, здоровые организмы – общества – могут обходиться без болезней, т.е. войн и революций. П.А. Сорокин обосновывал идею о том, что войны и революции – это такие же неизбежные стихии, как и тяжелые болезни, приводящие к ослаблению всего организма или летальному исходу. Болезни общества, как и болезни человека, свидетельствуют о плохих условиях жизни и плохой конституции организма, т.е. общества. С точки зрения П.А. Сорокина, войны и революции, как и тяжелые болезни, либо «оставляют общество, либо сдают его в архив истории» [Сорокин, 2003, с.409].

После эмиграции в США процесс перестройки научных взглядов, связанный с революцией 1917 года, в основном был завершён. Уже находясь в Америке, П.А. Сорокин неоднократно подчеркивал ценность российского опыта, полученного в годы Первой мировой войны и революции. Он даже высказывал сожаление в отношении западноевропейских и американских социологов, которые «не организовали специальную научно-социологическую экспедицию в Россию для наблюдения социальных явлений. Здесь они имели бы возможность экспериментально проверить много теорем и, вероятно, освободились бы от многих ложных положений» [Сорокина, 2000а, с.29].

Проблема феномена войны и мира неоднократно выступала предметом анализа П.А. Сорокина в контексте теории социокультурной динамики как ядра интегральной концепции. Сформированный им ещё в российский период творчества универсальный методологический принцип «...сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия и результаты ...в целом неповторяющаяся (во времени и пространстве) жизнь человека или неповторяющийся процесс состоит в огромной части из повторяющихся (во времени и пространстве) элементов» [Сорокин, ГАРФ, ф.602, оп.1, д.14. с.5; Сорокин, 2003, с.3–4] получил свое дальнейшее развитие. В предисловии к «Социальной и культурной динамике» он отмечал: данный «труд – плод...усилий, направленных на то, чтобы хотя бы частично осмыслить произошедшее в окружающем меня социальном и культурном мире. Мне не стыдно признаться, что мировая война и большинство последовавших за ней событий озадачили меня – человека, который в согласии с преобладавшими с начала XIX века теориями социальной мысли верил в прогресс, революцию, социализм, демократию, научный позитивизм и многие другие подобные “измы”... если бы в 1913 году кто-нибудь всерьез предсказал хотя бы малую часть того, что впоследствии произошло на самом деле, его сочли бы не иначе как сумасшедшим, и тем не менее то, что казалось в то время абсолютно невозможным, произошло» [Сорокин, 2006, с.25].

В качестве центральной гипотезы П.А. Сорокин выдвигает идею социальной и культурной динамики – смены социокультурных систем. Основными методами исследования социокультурных изменений становятся логико-смысловой и каузально-функциональный.

В главном труде своей жизни, в «Социальной и культурной динамике», проблему войн он характеризует как «слишком важную проблему, не допускающую того, чтобы ее игнорировать или оставлять до тех пор, пока не придет “вдохновение”». П.А. Сорокин убежден, что «даже приблизительные результаты, основанные на имеющихся в распоряжении данных, лучше, чем результаты, основанные на благих пожеланиях или фрагментарных сведениях» [Сорокин, 2006, с.682].

В ходе работы над фундаментальным трудом «Социальная и культурная динамика» (1936–1941) П.А. Сорокин привлекал широкий фактический материал, в том числе полученный в годы российских революций.

Ученому удалось собрать обширный эмпирический материал, он рассмотрел почти все известные войны (967) в европейской истории за 25 столетий. Анализ проводился исключительно по трем количественным характеристикам: численность армии, число потерь (убитых и раненых) и продолжительность военных действий. В контексте интегральной концепции, включающей в себя теорию социокультурной динамики, теорию кризиса и др., П.А. Сорокин выявил, что войны – это «логические и фактические последствия наступившей дезинтеграции устоявшейся системы отношений», особо мобильные периоды истории, связанные с флуктуациями социальных отношений [Сорокин, 2006, с.760].

На основе понимания социокультурной системы как единства двух сторон – системы социальных отношений и системы культурных ценностей в их интеракции, соотнеся наличие набора межгосударственных социальных отношений и культурных ценностей, П.А. Сорокин выявил в одних системах хорошо интегрированные и оформленные межгрупповые и внутригрупповые социальные отношения через систему ценностей, а в других – неинтегрированные и аморфные. Там, где в социальных отношениях присутствует интеграция, т.е. права, обязанности и функции каждой стороны взаимно определены, а их взаимосвязи имеют единые нормы-ориентиры, аналогичные ясные и определенные нормы, ценности и значения присутствуют в соответствующих культурных системах. Каждой стороне они ясно указывают, что в их взаимоотношениях считается истинным и ложным, имеет позитивную или негативную ценность, какие ценности доминируют, а какие – второстепенны. При неинтегрированном и не оформленном состоянии в межличностных и межгрупповых социальных отношениях отсутствуют внятные интегрированные культурные ценности. Права, обязанности, ценности дезинтегрированы, противоречивы и конфликтны.

Таким образом, в самом общем виде П.А. Сорокин выделил необходимый и непосредственный фактор войны в стабильном или нестабильном, распатанном состоянии всей системы социальных отношений и системы культурных ценностей взаимодействующих сторон. П.А. Сорокин подчеркивал, что «всякий раз, когда в отношениях одного или более государств или любых общественных групп система соответствующих социальных отношений и культурных ценностей обнаруживает тенденцию к развалу, беспорядку или неопределенности, такое изменение повышает шансы войны, и напротив, когда сеть отношений и культурных ценностей движется к большей определенности, стабильности и четкой интеграции, такая перемена содействует миру в их взаимоотношениях» [Сорокин, 1999, с.10].

Война, с точки зрения П.А. Сорокина, представляет собой прежде всего социальный конфликт, возникающий между взаимодействующими государствами или группами стран в результате возникающих несовместимых систем ценностей и, как следствие, в результате применения крайних мер насилия. Войны завершают распад старых ценностей и создают предпосылки для возникновения новых общественных отношений. Войны являются логическим и фактическим подтверждением наступившей дезинтеграции устоявшейся системы отношений. Если дезинтеграция ценностей незначительна, то и конфликт воюющих сторон также не столь силен, а следовательно, с точки зрения П.А. Сорокина, война закончится быстро и легко. Когда дезинтеграция ценностей разрослась и на нее накладываются множественные дополнительные причины, война приобретает затяжной тяжелый характер и может вспыхивать снова и снова, пока не будет устранено главное противоречие между системами ценностей.

С учетом того, что П.А. Сорокин не имел возможности сделать точный перечень всех войн в истории человечества, он высказал предположение – гипотезу, состоящую в следующем: «в исторических судьбах наций бремя войны, как правило, возрастает в периоды экспансии – политической, социальной, культурной и территориальной». По крайней мере, войны в эти периоды становятся столь же частыми, как и в периоды упадка. «В истории нации большинство периодов ее интенсивного развития в политической, социальной, экономической, нравственной и интеллектуальных сферах – то есть самые блестящие периоды ее истории, периоды высшего великолетия, могущества, величия и гения, как правило, являются и периодами наивысшего милитаризма и воинственности», – отмечал П.А. Сорокин [Сорокин, 2006, с.652].

Установив, что войны преимущественно идеациональной социокультурной системы чаще принимают форму религиозных войн, а войны чувственной суперкультуры, т.е. современной социокультурной системы, носят в основном экономический, империалистический, утилитарный характер, прямых доказательств роста воинственности в периоды их расцвета П.А. Сорокин не обнаружил.

В 1946 году, создавая в Гарвардском университете Исследовательский центр по созидательному альтруизму, П.А. Сорокин руководствовался целью нравственного оздоровления человечества и прекращения межчеловеческой агрессии. Он объяснял это следующим образом: «Такая концентрация моего научного внимания на этой проблеме была ничем иным, как логическим результатом теоретических положений, выдвинутых в “Социальной динамике” и касающихся характера современного кризиса – его причин, последствий и путей преодоления» [Сорокин, 1991, с.215].

После Второй мировой войны он окончательно убедился в том, что ни один из существующих рецептов преодоления гражданских войн и международных военных конфликтов политическими средствами и демократическими преобразованиями не может не только уничтожить, но даже заметно уменьшить эти конфликты. Он отмечал, что, «даже если завтра весь мир станет демократическим, все равно войны и кровавые стычки не исчезнут, поскольку демократии оказываются не менее воинственными и неуживчивыми с соседями, чем авторитарные режимы» [Сорокин, 1991, с.215]. Постепенно П.А. Сорокин приходит

к пониманию того, что без осознанного подкрепления институциональных миротворческих инициатив «значительным увеличением альтруизма со стороны отдельных личностей, групп, институтов и культур...» достигнуть длительного мира между государствами и внутри отдельных стран очень сложно. [Сорокин, 1991, с.217]. К концу 1950-х годов он открыто заявляет: «Процветание и выживание человека сегодня во многом определяет лишь горстка верховных правителей великих ядерных держав. В своих руках они безраздельно сосредоточили контроль над беспрецедентно мощными, несущими смерть вооружениями. От их мудрости или глупости во многом зависит судьба человечества – прочный мир или самоубийственная война. Никогда прежде в истории не было, чтобы жизнь и смерть такого огромного количества людей зависели бы от такой кучки правителей!» [Сорокин, 1991, с.241]. Он предлагает заменить действующее правительство «политиков» правительством ученых, святых и мудрецов; создать условия всеобщего полного разоружения; заменить во многом устаревшие политические идеологии и ценности новыми; способствовать добровольной мобилизации и сотрудничеству всех созидательных сил человечества – лучших умов, чистейших сердец и наивысшей сознательности для построения лучшего общественного порядка.

В «Социальной и культурной динамике» П.А. Сорокин представил «кривую» непрерывного роста войн в период коренного изменения высших ценностей. На основе интегральной методологии, получившей свое окончательное оформление в этом фундаментальном труде, позже, в 1958 году, П.А. Сорокин сформулировал прогноз будущего, тем самым реализовав свой изначальный научный замысел.

На XVIII Международном социологическом конгрессе, выступая с докладом «Три основные тенденции нашего времени», П.А. Сорокин обозначил ряд тенденций, с которыми столкнется человечество в XXI веке, отметив следующее:

- «...построенный западным человеком за предыдущие столетия ... договорной социокультурный дом рухнет. Его падение сметет договорную демократию, договорной капитализм вкупе с частной собственностью и договорное общество свободных людей»;

- «...грубая сила и циничный обман окажутся единственными атрибутами всех межличностных и межгрупповых отношений... в результате разразятся войны, революции, мятежи, общество захлестнут волнения и зверства... человек пойдет на человека, класс – на класс, *нация – на нацию, вера – на веру, раса – расу*» (курсив – П.С.);

- «свобода для большинства превратится в миф, зато господствующее меньшинство будет пользоваться ею с необузданной распущенностью... Декларации прав... начнут использовать как красивые ширмы для неприкрытого насилия»;

- «...бесчеловечные и тиранические правительства будут... вместо свободы нести смерть, вместо закона – насилие, вместо созидания – разрушение» и др. [Сорокин, 1997, с.116–136].

Таким образом, в ходе формирования интегральной концепции П.А. Сорокину удалось не только показать место войн в историческом процессе и определить их роль как механизмов динамики общества, но и предложить ме-

тодологию поиска способов снижения их опасности за счет глубокого изучения отдельных сторон, причин и источников войн через понимание состояния интегрированной социокультурной системы. Итак, по П.А. Сорокину, при интегрированной социокультурной системе шансы войны невелики, а в дезинтегрированной и неопределенной социокультурной системе высока вероятность затяжных военных конфликтов.

П.А. Сорокин показал, что поиск средств предотвращения войн следует начинать с анализа всей социокультурной системы через индикатор ценностей и процесса их смены.

С точки зрения практического опыта, следуя теоретическим положениям П.А. Сорокина, в первую очередь необходимо понимание того, насколько далеко зашел процесс дезинтеграции ценностей в конкретном обществе; какие консолидирующие прежде это общество и страну ценности становятся второстепенными; с какими ценностями, претендующими на роль доминирующих в данном обществе, происходит столкновение. Такой подход открывает возможность построения перспективных прогнозов в отношении продолжительности войн во времени и разрастании их в пространстве.

Литература

- Василенко В.В.* Возвращение на родину П.А. Сорокина (О международном научном симпозиуме «Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени». Москва, февраль 1999) // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь: СГУ, 2000. Вып. 23. – С.96–99.
- Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формацию // Экономист. 1922, № 1. – С.77–107.
- Сорокин П.А.* Война и милитаризация общества // Артельное дело. 1922, № 1–4 (21–28). – С.3–10.
- Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. – 350 с.
- Сорокин П.А.* Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 1: Социология: ее предмет и современное состояние. СПб., 1913. – С. 59–108.
- Сорокин П.А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Академия, 2003. – 684 с.
- Сорокин П.А.* Долгий путь. Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. – 304 с.
- Сорокин П.А.* Жертвы войны в прошлом и теперь // Эхо. Вологда, 1914, 5 сентября, № 193. – С.2–3.
- Сорокин П.А.* Забытый фактор войны // Социологические исследования. 1999, № 11. – С.10.
- Сорокин П.А.* Историческая необходимость. ГАРФ. Ф.602. Оп.1. Д.14. – С.5.
- Сорокин П.А.* На распутье трех дорог (Война и отношение к ней русской общественной мысли) // Ежемесячный журнал. 1915, № 9–10. – С.161–176.
- Сорокин П.А.* Причины войны и пути к миру // Ежемесячный журнал. 1917, № 2–4.
- Сорокин П.А.* Пути к миру // Воля народа. 1917, 29 апреля, № 1.
- Сорокин П.А.* Система социологии. Пг., 1920. Т.1: Социальная аналитика. – С.IX–XII.
- Сорокин П.А.* Состояние русской общественной социологии за 1918–1922 гг. // О русской общественной мысли. СПб., 2000. – С.29.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. –1176 с.
- Сорокин П.А.* Социальная роль и будущее войны // Вечернее звено. 1914, № 11.
- Тирикян Э.* Мой учитель Питирим Сорокин, проповедник позднейшего нового времени / Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени. Материалы к Международному научному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. М.-СПб.: СПбГУП, 1999. – 393 с.

УДК 3316.627

Т.В. Попкова
Новосибирск

АЛЬТРУИЗМ И ЛЮБОВЬ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОЛИДАРНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ П.А. СОРОКИНА

В статье анализируются воззрения П.А. Сорокина на проблему солидарности и на любовь и альтруизм как ее основу. Показано, что П.А. Сорокин продолжал традиции российской социальной философии, рассматривая солидарность как критерий и условие социального прогресса. Солидарность, альтруизм и любовь исследуются мыслителем как альтернатива конфликтам и конфронтации в современном обществе.

Ключевые слова: социология П.А. Сорокина, социальные взаимодействия, социальный порядок, прогресс, счастье, солидарность, кооперация, любовь, альтруизм.

T.V. Popkova. Altruism and love as the ethical framework of solidarity in the sociology of P.A. Sorokin

This article analyzes the P.A. Sorokin's ideas on solidarity, as well as love and altruism as its basis. It shows that P.A. Sorokin continued the traditions of Russian social philosophy on solidarity, as a criterion and condition of social progress. Solidarity, altruism and love are examined by the thinker as an alternative to conflict and confrontation in modern society.

Key words: sociology of P.A. Sorokin, social interactions, social order, progress, happiness, solidarity, cooperation, love, altruism.

К числу гениальных можно отнести тех ученых, чьи теории, как бы давно они ни разрабатывались, остаются актуальными и практически значимыми на долгие времена. К этому ряду, безусловно, принадлежит имя П.А. Сорокина. Он активно разрабатывал социальные проблемы, которые традиционно составляли предметное поле российской социальной философии и социологии – вопросы войны и мира, революции, культуры, морали, нравственности, этики, солидарности, взаимопомощи. Если в Западной Европе все эти вопросы с середины XIX века активно поднимались в предметной области социологии, то в России, где, как известно, социология выделилась в самостоятельное научное направление позднее, данная проблематика исследовалась в рамках других социальных наук. Важно и то, что проблемы социального порядка нашли достойное отражение в многочисленных художественных произведениях того времени. Достаточно назвать имена таких великих писателей, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. П.А. Сорокин впитал в себя значимые традиции и досто-

инства отечественной культуры и социальной мысли, умело совмещая научный подход к анализу социальных явлений и художественные формы отражения глобальных вопросов современности.

Мировые события последнего времени подтверждают и актуализируют пророческие предостережения П.А. Сорокина об опасности эгоистической модели поведения как основы социального порядка. Идеи взаимопомощи, кооперации и солидарности всегда занимали важное место в русской социологии. П.А. Сорокин дополнил их учением об альтруизме и любви как этической основе социального взаимодействия, полагая, что вполне возможной альтернативой социальным конфликтам в обществе могут стать любовь, альтруизм и солидарность.

В своей знаменитой работе по социокультурной динамике он представил подробный анализ кризиса западной цивилизации, который, по его мнению, характеризуется «распадом основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий» [Сорокин, 1992а, с.429]. Указывая на «необычайный взрыв войн, революций, анархии и кровопролитий; социальный, моральный, экономический и интеллектуальный хаос; возрождение отвратительной жестокости, временное разрушение больших и малых ценностей человечества, нищету и страдание миллионов», П.А. Сорокин объясняет причины данных явлений как результат разрушения чувственной культуры [Сорокин, 1992а, с.432]. Мечтая о новой идеациональной цивилизации, основанной на ценностях Истины, Добра и Красоты, П.А. Сорокин выступает как продолжатель типично русской религиозно-этической направленности социальных теорий, представленных в социологии Л. Мечникова, М. Туган-Барановского, М. Ковалевского, Е. Роберти и др. Этическое учение И. Канта о личности как центре Вселенной получило свое развитие в русской философии и социологии в разработке таких принципов кооперации и солидарности, в соответствии с которыми невозможно относиться к личности только как к средству, а благо предусмотрено не для большинства, а для всех без исключения.

Предшественник П.А. Сорокина, представитель географической школы в российской социологии Л.И. Мечников (Сорокин родился год спустя после его смерти) и условием, и критерием социального прогресса считал солидарность. Выделив три области научных исследований – неорганическую, биологическую и социологическую, он подчеркивал, что социологическая сфера – это «мир коллективностей, мир интересов, выходящих за пределы одиночного биологического существования; мир кооперации», в которых главное – не противодействие, а солидарность. Утверждая, что закон борьбы не является всемирным и присущ скорее только сфере биологической, Л. Мечников подчеркивал универсальность явлений кооперации, сотрудничества, взаимопомощи [Мечников, 1995, с.167]. Он ссылаясь на родоначальника социологии О. Конта, который учил, что область социологии начинается там, где биологический эгоизм сменяется альтруизмом, где отношения борьбы сменяются отношениями взаимопомощи, дружбы, любви, товарищества [Мечников, 1995, с.167].

П.А. Сорокин развивает эти идеи, выделяя в качестве главного критерия прогресса принцип счастья. Он утверждал: «Всякий прогресс, ведущий к уменьше-

нию счастья или к увеличению страдания, – не есть прогресс» [Сорокин, 1992а, с.512]. Поэтому, как полагал ученый, при всей ценности любви к ближнему, солидарности, истины, если они «не сопровождаются параллельным развитием счастья», они теряют свою значимость. Оптимизм ученого, пережившего сиротское детство, трудную юность, революцию, фактическое изгнание за пределы родной страны позволил ему и в условиях кризиса чувственной культуры западного общества увидеть перспективы развития человечества на новых нравственно-этических основаниях.

Идеи русских социальных мыслителей о солидарности, взаимопомощи нашли свое отражение в более позднем творчестве П.А. Сорокина – в его учении о роли созидательного альтруизма в решении многочисленных конфликтов современного общества. Альтруистические ценности, по его мнению, должны стать основой нового типа общества. Отмечая усиление значимости этико-религиозных учений в период острых общественных кризисов, социолог в своих исследованиях обращается к религиозно-этическим категориям – «любовь», «счастье», «правда», «добро». Поэтому главную историческую миссию человека он видит «в безграничном созидании, накоплении и усовершенствовании Истины, Красоты и Добра в самой природе человека, в человеческом уме и поведении...» [Сорокин, 1992 б, с.136].

Можно найти много общего в учении об альтруизме и солидарности у русских мыслителей и П.А. Сорокина. Так, теоретик русского анархизма П.А. Кропоткин в своей работе «Взаимная помощь как фактор революции» подчеркивал, что общество невозможно без солидарности. В серии работ по этике П.А. Кропоткин анализирует роль нравственных идеалов в становлении общества, находя тождественность законов взаимной поддержки «в жизни всех общественных животных» [Кропоткин, 1991, с.297]. Он подчеркивает, что только благодаря солидарности человек смог «сохранить свою сравнительно слабую породу вопреки природным препятствиям, стоявшим на ее пути, и высоко развить свой разум» [Кропоткин, 1991, с.299]. Поэтому, по мнению П.А. Кропоткина, чувство солидарности и привычка к ней никогда не исчезнут в обществе. Он утверждал также, что альтруизм и эгоизм не содержат в себе реального противоречия, поскольку для мыслящего человека «благо индивида и благо общества, по существу, тождественны» [Кропоткин, 1991, с.315].

М.М. Ковалевский, которого П.А. Сорокин называл своим учителем, социальный прогресс также связывал с развитием солидарности. Солидарность была центральным понятием всей его социологии. В ней, по его убеждению, заключается сущность прогресса. Он полагал, что развитие солидарности и единства между группами, классами и народами приведет общество к необходимой социальной гармонии. М.М. Ковалевский видел свою задачу в социологии в сближении различных учений об обществе, в преодолении односторонности психологической, биологической, экономической, географической и других школ на почве «теории социального прогресса». Впоследствии его последователь П.А. Сорокин разработает учение об интегральной социологии.

Особенность социологии как науки П.А. Сорокин видел в ее интегрирующей способности. По его представлению, «интегрализм» социологии проявляется

в том, что это «генерализирующая наука о социокультурных явлениях», обобщающая основные социологические направления, а в ее содержании отражаются открытия других социальных наук. Интегральная социология в отличие от других общественных наук, которые изучают лишь одну из сфер социокультурного пространства, имеет дело «со всеми сферами этого пространства», исследуя их общие элементы, и, кроме того, интегральная социология, используя «последовательный социологический плюрализм», учитывает множество самых разнообразных факторов и интегрирует их в целостное объяснение социальной реальности. Исследуя статику и динамику общественной жизни, интегральная социология создает единую «интегральную» социальную теорию [Сорокин, 1992а, с.512].

Развивая идеи М.М. Ковалевского об основных законах развития права, П. Сорокин фиксирует законы освобождения личности и роста ее ценности, увеличения правового равенства людей и др. Он выделяет также закон количественного роста социальной солидарности (закон расширения социально-защищенных кругов), а также закон качественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения. Он предлагает способы измерения возрастания и уменьшения человеческой солидарности («морально-правовой термометр»). Как ответственный социальный исследователь, он не только разрабатывает теории «благожелательного поведения», но и пытается предложить конкретные социальные технологии, с помощью которых можно развить солидарное взаимодействие в современном обществе. В своих работах мыслитель подробно расписывает методы и способы «альтруистической трансформации человечества и человеческого универсума». Говоря о праве взаимной солидарности и любви людей друг к другу как праве «социально-благожелательного поведения», П.А. Сорокин называет такой тип социального взаимодействия единственным условием подлинной свободы и развития личности современного общества. Иначе, полагает автор, в этической жизни человечества продолжится распад чувственной культуры, проявляющийся в крайней деградации всех этических ценностей и правовых норм, в «моральной анархии», вспышке войн и конфликтов.

Говоря о том, что любое человеческое общество имеет идеалы и ценности как наивысшее воплощение его этического сознания, П.А. Сорокин рассматривал солидарность как важнейшую этическую категорию и как принципиально важный вид социального взаимодействия, при этом понимая, что в современном кризисном обществе этические искания уступают место экономическим и политическим расчетам. Тем не менее он оставался верен своим принципам и свою миссию как ученого, а вместе с тем и всей социологии, видел в том, чтобы способствовать ценностной переориентации индивидов от недружелюбия и социальных конфликтов к любви, альтруизму и солидарности. «Очевидно, – пишет мыслитель в своей статье “Таинственная энергия любви”, – самое прекрасное, самое достойное и самое счастливое человеческое общество – это общество индивидов, связанных отношениями любви» [Сорокин, 1992б, с.135]. Он полагал, что любовь может оказывать реальное воздействие на международную политику и умиротворять международные конфликты [Сорокин, 1992б, с.139].

Как позитивист, П. Сорокин продолжает идеи О. Конта, также исследовавшего альтруизм как «исходную точку общественности», описывает этот тип отношений как «специфическое поведение живых форм, стремящихся – инстинктивно или сознательно – быть полезными друг другу» [Сорокин, 1992б, с.124]. Однако П. Сорокин в отличие от О. Конта рассматривает альтруистическую любовь не только как биологический закон, присущий живым существам, но и как специфический психологический опыт, внешнее поведение и социальное отношение. В своих работах мыслитель подробно расписывает методы и способы «альтруистической трансформации человечества и человеческого универсума». Он описывает и конкретные методы альтруизации людей, среди которых выделяет альтруизацию на основе выработки условных рефлексов начиная с детского возраста; альтруизацию через общественное мнение; как героический моральный пример и рациональное убеждение, а также искусство, творческую деятельность, медитацию, самоанализ и др. [Кротов, Долгов, 2011, с.140].

Аксиологический подход к описанию общества у Сорокина проявился в том, что во взаимодействии индивидов он прежде всего пытается определить те общие ценности, на базе которых возможно позитивное взаимодействие, разновидностью которого является кооперация и взаимопомощь. Так, анализируя социальную интеграцию, социолог рассматривает объединение социальных субъектов в надперсональные общности посредством взаимодействия. По его мнению, солидарное взаимодействие представляется как всякое взаимодействие, в котором стремления обеих сторон совпадают, где каждая сторона не мешает, а помогает достижению стремления другой стороны. Общество, в котором существуют такого рода отношения, П.А. Сорокин и называет солидарным. Примерами его считает все группы, где люди помогают друг другу, где они совокупными силами стремятся к одной цели. К числу таких сообществ он относит также все кооперативные союзы, где желающие добровольно соединяют свои силы для достижения общих целей и интересов.

Кооперативное видение социального процесса в неклассической социологии вылилось в теорию интеракционизма. Основы данной теории были заложены именно П.А. Сорокиным. Раскрывая специфику социальных отношений, он обращает внимание на символически опосредованное взаимодействие индивидов, выступающее, по его мнению, «родовой моделью любого социокультурного феномена» [Сорокин, 1992а, с.191]. Ученый критиковал сторонников органической и механистической школ в социологии за поиск «простейших образований» в социальных явлениях, аналогичных атому в физике или клетке в биологии. Индивид и даже миллион изолированных индивидов, полагает он, не составляют социального явления, не говоря уже о простейшем его образовании. Он подчеркивал, что только такое социальное взаимодействие является социокультурным явлением, которое основано на понимании взаимодействующими сторонами значений и ценностей друг друга.

Придавая большое значение ценностям, П.А. Сорокин вводит понятие культурно-ценностной сверхсистемы, выделяя «идеациональную», «идеалистическую» и «чувственную» системы. Критикуя современную ему чувственную культуру, он уповает на новые общечеловеческие ценности, на основе кото-

рых возможны кооперация и сотрудничество индивидов и социальных групп. В своей статье «Моя философия – интегрализм» социолог пишет о различии органического и неорганического мира и роли смысловых ценностей, которые и превращают физический мир в суперорганическую систему великих идей [Сорокин, 1992б, с.136]. Продолжая традиции русской этической мысли, Сорокин считает моральные преобразования мерилom человеческого прогресса.

Любовь, по его мнению, является главной и высшей ценностью и выступает той основой, на которой возможна солидарность между социальными группами и отдельными индивидами. В своих работах мыслитель подробно описывает методы и способы «альтруистической трансформации человечества и человеческого универсума».

П.А. Сорокин никогда не был кабинетным ученым. Известно, например, что в 1917 году он являлся личным секретарем и консультантом А.Ф. Керенского, а также депутатом Учредительного собрания. Будучи в самой гуще революционных событий в Петрограде, мог наблюдать и, как беспристрастный ученый, анализировать происходящие социальные процессы. Точный диагноз социальных изменений дается им в статье «Социология революции», в которой революции определяются как «худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс» [Сорокин, 1992а, с.270]. Целая серия так называемых «цветных революций» последних десятилетий XXI века подтверждает его вывод: «...революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы...» [Сорокин, 1992а, с.271]. По его мнению, все фундаментальные и по-настоящему прогрессивные процессы есть «результат развития знания, мира, солидарности, кооперации и любви, а не ненависти, зверства, сумасшедшей борьбы, неизбежно сопутствующей любой революции» [Сорокин, 1992а, с.271]. Трагедия современной Украины – лишь одно из многих страшных пророческих подтверждений точности научных прогнозов великого ученого. Его заключение о том, что «сейчас, пожалуй, более, чем когда-либо, человечество нуждается в порядке», можно ставить эпиграфом к любым новостным программам наших дней.

Американский исследователь творчества П.А. Сорокина В. Джеффрис видит главную заслугу его «критической социологии в интерпретации современных социокультурных условий (кризиса современной чувствительной культуры, наличия социальной стратификации, несправедливости власть имущих)». По его мнению, великой задачей прикладной социологии Сорокин считал «содействие увеличению альтруизма и укреплению социальной солидарности» [Пономарева, 2011, с.136].

П.А. Сорокин с горечью констатировал, что человек «чувственного общества» сегодня вновь разрушает свой дом, который он возводил несколько столетий. Но поскольку чувственные этика и право вновь зашли в тупик, то необходимо искать те универсальные ценности, которые позволяют преодолеть настоящий кризис [Сорокин, 1992а, с.502]. По мнению ученого, эти ценности лежат в этической сфере, в нравственных традициях взаимопомощи и солидарном поведении социальных субъектов.

Он понимал, что возможность мира находится в прямой зависимости от целостной системы высших ценностей и их взаимной совместимости. Абсолютно современно звучит его предостережение: если единство этих ценностей, их взаимная совместимость ослабевают, то «увеличиваются шансы международной или гражданской войны» [Кротов, Долгов, 2011, с.140].

Нравственный посыл П.А. Сорокина современникам о значимости убеждений для народов, претендующих быть великими, актуален сегодня, может быть, даже более, чем в то время, когда он писал об этом. Мыслитель предупреждает, что великому народу не следует продавать свои права, честь и совесть за «чечевичную похлебку», поскольку, «как мошенник и преступник в нормальной жизни в конце концов попадает и гибнет, так и беспринципный народ, думающий выехать на кривде, в конце концов теряет и свободу, и величие, и честь, и совесть и ... хлеб» [Питирим Сорокин: суждения..., 2013, с.42].

Сорокин, как истинный ученый, обладал удивительным даром социального прогнозирования. Разрабатываемые им теории зачастую опережали время и далеко не всегда положительно воспринимались как отечественными, так и западными учеными. Касалось это и его этико-философских концепций о солидарности, любви и альтруизме, что традиционно воспринималось как сфера рассуждений и деятельности священников, проповедников. Однако сегодня становится все очевиднее, что никакие экономические и политические преобразования современного общества не справятся с кризисными явлениями без основательной ценностной переориентации общественного сознания.

Поэтому при всей кажущейся отвлеченности в наши дни такие категории, как «солидарность», «любовь», «альтруизм», «кооперация», все чаще входят в лексикон современников. Происходит это в том числе и потому, что не только понятия любви и альтруизма, но также солидарности и кооперации помимо очевидно экономического содержания наполняются этическим смыслом. Сегодня есть явная потребность в научной рефлексии всех этих явлений и расшифровке тех новых смыслов, которые стоят за ними. В современных социальных теориях исследователи все чаще отходят от объяснения проблем общества в рамках конфликтологической и эволюционной теории и акцентируют свое внимание на кооперативном взаимодействии, учитывающем солидарные усилия всех участников (агентов) социального взаимодействия, а также необходимость соотношения своих интересов и интересов партнера. Лишь на такой основе могут быть преодолены многочисленные конфликты и построен удовлетворяющий интересы большинства населения социальный порядок.

Наследие П.А. Сорокина содержит всемирно известные учения о социальном взаимодействии, социальной стратификации, социальной мобильности, социокультурной динамике. Одновременно с этим во всех своих сочинениях он расставил многие нравственные ориентиры, которые, как это становится все более очевидным, имеют важное значение не только с чисто теоретической точки зрения, но и в своем практическом приложении. Придерживаясь данных ориентиров, общество, надо надеяться, сможет разрешить хотя бы часть многочисленных современных проблем и конфликтов. В условиях крайнего обострения отношений между различными государствами и ценностными системами

№ 2 (5) (2014)
«Наследие» нравственно-этические воззрения великого социолога обретают особую значимость. Как представляется, учение П.А. Сорокина о любви, альтруизме, кооперации и солидарности должно быть широко задействовано не только учеными, но и политиками при разработке социальных проектов современности.

Литература

- Кропоткин П.А.* Этика: Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
- Кротов П.П., Долгов А.Ю.* От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина / Центр «Наследие» им. Питирима Сорокина. Сыктывкар; Вологда: Древности Севера, 2011. – 400 с.
- Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки: статьи. М.: Изд. группа «Прогресс», «Пангея», 1995. – 464 с.
- Питирим Сорокин: суждения и афоризмы / автор-составитель В.М. Терехин. Сыктывкар: Анбур, 2013. – 272 с.
- Пономарева И.В.* Социологическое наследие П.А. Сорокина в представлении американских исследователей // Социологические исследования. 2011, №4. – С. 131–143.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество: сборник / пер. с англ., общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согмонова. М.: Политиздат, 1992а. – 543 с.
- Сорокин П.А.* Моя философия – интегрализм / Социологические исследования. 1992б, №10. – С.134–139 [<http://ecsocman.hse.ru/data/077/704/1231/022.SOROKIN.pdf>].

УДК 316.61 : 159.923.5

В.А. Сулимов
Сыктывкар

ФЕНОМЕН ПРЕОДОЛЕНИЯ: ОТ ИНДИВИДА К ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается феномен преодоления как качественный переход в формировании личности. Преодоление является эмоциональным актом познания мира в себе и себя в мире. Этот ценностный акт является предпосылкой формирования личности.

Ключевые слова: *преодоление, формирование личности, понимание.*

V.A. Sulimov. Overcoming phenomenon: from the individual to the personality
The article discusses the phenomenon of overcoming as qualitative transition in the formation of personality. Overcoming is an emotional act of understanding the world in itself and itself in the world. This valuable act is a prerequisite for the formation of a personality.

Key words: *overcoming, formation of personality, understanding.*

Рассуждая (вслед за Гегелем) о степени «антропологизма» человека и мира, Ж. Деррида приходит к нетривиальному выводу о «конце конечного человека», исчерпавшего свои возможности строить свой мир-в-культуре как исполнение стандартных практик (бытия, познания, творчества), которые оказались *снятыми* дегуманизирующим рывком времени: «Это двусмысленное отношение *снятости*, несомненно, отмечает конец человека, прошедшего человека, но в то же время выполнение человека, присвоение его сущности. *Это конец конечного человека* (выделение – Ж. Дерриды)» [Деррида, 2012, с.151]. В культурно-антропологическом смысле «конец конечного человека» обозначает некий рубеж, временную цезуру постепенности и презентацию реальной возможности «нового страта» для прогресса человека. Человек в массе своей оказывается вырванным из привычной социально-культурной среды и перенесенным в мир новых социальных рисков – рисков, связанных со слабым когнитивно-интеллектуальным потенциалом индивидуальности, *стремящейся* (целево ориентированной), но *не понимающей* (лишенной интеллектуально-емких тезаурусных блоков). Неустранимый фактор – фактор исторического преобразования человеческой формы сознания – трансформируется в фактор когнитивно-интеллектуального переустройства социального порядка, выдвигая новые требования к индивидууму. Это, прежде всего, требование когнитивно («знаниево», «смыслово») обоснованной самоактуализации, включающей в себя не только постепенные, системные элементы (например, образование и воспитание), но и внезапные, симультанные, внесистемные (например, осознание, догадка, инсайт, восчувствование). Находясь на грани логического и нелогического, интеллектуального и экзистенциального, эти элементы (а точнее – новый интегральный

тип) самоактуализации позволяют совершить сборку личности (контаминацию свободы и ответственности) за пределами привычных социальных систем (мифов и утопий) – в структуре того сверхсенсорного интеллектуально-эстетического пространства, которое описывалось В.И. Вернадским (как и другими «русскими космистами») в виде особой сверхсущности – ноосферы.

Интересно, что идея самоактуализации возникла под очевидным влиянием идей философии интегрализма Питирима Александровича Сорокина. Основатель гуманистического направления в психологии (и многолетний научный сотрудник П.А. Сорокина) А. Маслоу в середине XX века наметил пределы и базовые утверждения новой интегралистской по сути теории – теории самоактуализации (человека). Согласно этой теории человек есть *самоактуализирующееся существо*, использующее технологии философского понимания, культурного взаимодействия и эстетического озарения (инсайта) в процессе моделирования (формирования) собственной личности [Маслоу, 2011]. Краеугольным камнем этой теории является представление о человеке как иерархии (пирамиде) потребностей, включающих в себя биологические и предметные, располагающиеся на низших уровнях условной пирамиды, а также когнитивные и духовные, расположенные на высших уровнях. Развитие человека (его самоактуализация) означает движение вверх по граням пирамиды с опорой на «бытийные ценности», воспринимаемые (и=принимаемые) человеком эмоционально и симультанно как сильное душевное переживание: «Человек – это иерархия потребностей, в основании которой лежат биологические потребности, а на вершине – духовные. Однако, в отличие от биологических потребностей, бытийные ценности не образуют иерархии. Одна из них столь же важна, как и другая, и каждая может быть определена через все другие» [Маслоу, 2011, с.223]. Важнейшим механизмом, формирующим человека-в-культуре (универсального субъекта современного культурного пространства), является процесс самоидентификации (или, по Маслоу, – самоактуализации), который понимается как сложное когнитивно-семиотическое действие, раскрывающее человека для мира и мир для человека (по-другому – действие, наделяющее повседневное бытие целью и содержанием – «кирпичиками смысла»). Это действие, требующее от субъекта обязательно экзистенциального переживания, эмоционального акта со-причастности, А. Маслоу называет «пиковые переживания», образно определяя их так: «Это моменты экстаза, которые нельзя купить, нельзя гарантировать, нельзя преодолеть... Можно создать условия, при которых пиковые переживания будут более вероятны или, напротив, менее вероятны. Преодолеть иллюзии, избавиться от ложных представлений, понять, к чему ты не пригоден и каких потенций у тебя нет – это тоже элемент открытия того, чем ты являешься на самом деле» [Маслоу, 2011, с. 62]. Таким образом, выстраивая «пирамиду самоактуализации» (вариант пирамидальной по сути процедуры формирования личности или *человека-в-культуре*), мы должны выделить переломный момент понимания (и одновременно – само-ощущения), который (относительно внезапно, спонтанно) освещает сознание набором смыслов – целостной картины мира, поражает возможностью транскодového и даже трансцендентального перехода мысли (и=слова), предлагает зримые опоры для попыток нравственного выбора. Этот переломный момент и есть, по нашему мнению, *преодоление*, с приписанными

ему очевидными чертами экзистенциального переживания, когнитивного акта и ценностно ориентированного поступка одновременно.

Преодоление, выступающее не только как явление психического ряда, но и социокультурный (антропологический) феномен, становится одним из основных объектов культурологического исследования. В основе такого подхода лежит система научных идей, во многом восходящая к уровневому (пирамидальному) пониманию человеческой личности П.А. Сорокиным, построенному на ценностных и духовно-нравственных «кирпичиках смыслов», возникающих и реализующихся в ходе творческой деятельности, а также тексто- и смыслоцентрическому пониманию человеческого типа сознания, принадлежащему В.В. Налимову. По сути дела, эти два подхода представляют собой «пазловую теорию» личности и общества, координированный изначально прогресс и развитие которых оказываются одним и тем же элементом «нарратива жизни» – преодолением.

Говоря о возможности выхода из глобального общественного кризиса XX века, П.А. Сорокин видел его в трансформации человека в альтруистически настроенное интеллектуально-интуитивное существо, способное не только жить в мире, но и творить мир по идеальным интуитивным (инсайтным) лекалам: «Человек стал одним из творческих центров всей действительности. В противовес преобладающему в настоящее время мнению человек – это не только неосознательное и сознательное творение, но он также является сверхсознательным творцом, который в состоянии контролировать и переступать пределы своих бессознательных и сознательных сил и который фактически делает это в моменты “божественного вдохновения” в наилучшие периоды своего интенсивного творчества» [Сорокин, 1992а, с.135]. Такая трансформация человека, превращающая его в некий интеллектуально-смысловой субъект творческой деятельности, не может быть проведена (а) извне (так как мотивация играет определяющую роль); (б) легко и естественно (так как противоречит социально-хаптической природе человека); (в) вне текста (так как должна основываться на существенных и сложных смыслах, возникающих, как правило, на границах текстов культуры). Глубоко интимный, внутренний и некомфортный процесс *превосхождения себя* для ... (социального развития, становления культуры, научной деятельности, церковного и социального служения) мы называем *Преодолением*. Структуру (правда, особую – открытую и динамичную) феномена Преодоления находим у В.В. Налимова. Говоря о самоорганизации сознания и общества, В.В. Налимов указывает на ведущую роль в этой самоорганизации интеллектуальной деятельности, формирующей человека как уникальный субъект Семантической Вселенной. Интеллектуальная деятельность определяется, в свою очередь, тремя связанными элементами:

- текстом как универсальным источником смыслов («Всякий серьезный текст является феноменом максимальной сложности. Он не может быть алгоритмически записан короче, чем он есть» [Налимов, 2013, с.108]);

- пониманием как универсальным интеллектуальным актом, создающим условия для становления творческой личности («Понимание текста всегда личностно» [Налимов, 2013, с.108]);

- текстовой базой личности, сформированной как образ или картина мира с помощью смысловых «координатных осей».

«Кирпичики смысла», располагаясь (концентрируясь) на границах естественного сознания – в зоне понимания, индуцируют формы и способы интеллектуальной активности субъекта, его своего рода «интеллектуальной спонтанности».

При этом элементы, инициирующие интеллектуальную деятельность (актуализированные мыслеобразы), очевидно симметричны элементам, формирующим универсального субъекта современности – человека-в-культуре как генерализованную интеллектуальную личность. Человек-в-культуре при всем изобилии его социально-культурных характеристик точнее всего описывается именно как понимающая личность, т.е. личность, деятельность которой направлена на понимание, воспроизводство и использование текстов культуры в процессе решения социальных задач и достижения эвристических целей.

Вместе с тем *понимание* – этот универсальный когнитивный акт – не произволен, а потому не может быть определен однозначно (в частности, как функция двустороннего – адресат-адресантного – акта информационного обмена). Оно детерминируется другим – индивидуально и/или социально (в процессе систематического образования) осмысленным культурным контекстом, построенным на предыдущих и (возможных) будущих попытках смысловой интерпретации текстов. Тексты становятся не только эффективными «генераторами смыслов» (Ю.М. Лотман), но и объектом смыслообразующих интерпретационных действий (т.е. *собственно* понимания), образуя многослойное *поле понимания*: «Текст являет себя в своем существовании как особое смысловое единство. Его понимание неотделимо от того контекста, в котором он воспринимается, то есть ситуации, включающей мыслительный, языковой и культурный опыт сообщества, благодаря которым формируются условия осмысленности» [Хаджаров, 2012, с.25]. Периферийное положение текстов культуры в образовании, неструктурированность области культуры в качестве базовой смыслообразующей платформы (как и игнорирование интегративного и мировоззренческого потенциала современной культурологии) не только существенно обедняют российское школьное образование, но и прекращают процесс индивидуального смысловорчества, возникающий только на границах текста и реальности, прошлого и настоящего, реального и виртуального. Виртуальность сознания падает, а затем (или одновременно) падает креативность индивидуума, позволяющая создавать «новые миры» индивидуального сознания. В таких условиях понимание подменяется нон-интеллектуальным мимесисом, повтором, технологическим действием, не выходящими на границы текстов и потому бессмысленными изначально*.

Здесь хорошо «просматривается» фундаментальная методологическая ошибка, неустранимая без полного прекращения ЕГЭ для гуманитарной сферы. Она сводится к недоучету подвижности и когнитивной пластичности форм интеллектуальных творческих актов, всегда являющихся результатом глубинного понимания и требующих серьезных интерпретационных усилий. Сфера свободного интеллектуально-ориентированного сознания спонтанна по определению и не может содержать однозначных суждений, это вероятностная сфера,

* Технологическим действием, например, становятся «творческие задания» ЕГЭ, строго обусловленные набором формальных признаков.

проясняемая только через текст/дискурс/диалог. Таким образом, априорность «универсальных» форм (особенно требующих однозначности при выборе, как в тестах ЕГЭ) имеет фундаментальное эпистемологическое ограничение, выражающееся в (а) обусловленности текста культурой и культуры текстом, (б) перманентной изменчивости и (в) рефлексивности в смысловом пространстве, создаваемом фактами (текстами) культуры. Смыслокультурная подвижность символической формы есть доминанта развивающегося исторического процесса: «Она, символическая форма, динамична, развивается. И в этом движении она одновременно выступает результатом взаимодействия в общекультурном контексте, а потому от него, от культурного контекста, зависит и в нем фундирована» [Соколов, 2013, с.77]. Форма всегда оказывается метафоризированным сообщением, обращенным к культурному контексту и им обусловленным.

В ракурсе этих рассуждений можно рассмотреть несколько базовых положений П.А. Сорокина, сформулированных в ином – социологическом – ключе. Одна из причин любого застоя (социального, интеллектуального, экономического или политического) – проблема социально-культурной мобильности. Горизонтальные платформы и вертикальные социальные лифты, все ускоряющие свое движение в XX–XXI веках, способны решить, по мысли П.А. Сорокина, следующие задачи: (а) структурирования общества на основах знаний и компетенций (а не системы привилегий и связей: материальных, корпоративных, сословных, семейных и т.п.), (б) удовлетворения индивидуальных амбиций и реализации индивидуальных картин мира в реальном социальном действии – шифте (некотором переходе – трансформации – информационном «переключении»), открывающем новые «социальные горизонты» личности, (в) самообоснования в культуре, которая не терпит бездеятельности и отсутствия трендов, а сама направлена на подготовку и осуществление социально-культурных изменений [Сорокин, 2006].

Все эти факторы представляют собой проекцию на социальное поле бытия индивидуума *одного* базового фактора, а именно – когнитивно-семиотического, обеспечивающего перманентный процесс *понимания для самоидентификации*. Процесс самоидентификации личности, основанный на когнитивно-семиотическом факторе индивидуального и социального развития, обнаруживает внутреннюю динамику – *переходность*. Переходность, осуществляемая культурой за счет постоянного формирования (под информационным напором) коллективных и индивидуальных картин мира, за счет смены научных, общекультурных и символических парадигм (относительно устойчивых образований), за счет массового изменения социально-экономических предпочтений (моды), становится фактором развития или, наоборот, разрушения в зависимости от нашего понимания и/или учета основных социально-культурных факторов. П.А. Сорокин писал: «Тщательное исследование изменения числа самоубийств и преступлений, экономических колебаний, войн и революций, смены политических режимов, стилей в изобразительном искусстве или динамики обширных культурных и социальных систем со всевозрастающей надежностью подтверждает догадку о том, что основные факторы этих изменений находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и функционируют» [Сорокин, 1996, с.45]. Изучение

природы социокультурных процессов возможно (по Сорокину) только в условиях выделения *социокультурного пространства* (а не экономического) вообще в качестве базовой категории, платформы понимания общественных проблем (политических, экономических, научных, информационных, образовательных). Социокультурное пространство как платформа социального развития представляет собой «особое множество, заданное тремя основными “плоскостями” и некоторым числом “измерений”». В нем есть *плоскость значений, ценностей и норм, плоскость проводников и плоскость человеческих агентов*. Измерения задаются *основными культурными системами и основными односвязными и многосвязными группами* вместе с их системами и подгруппами. Число измерений зависит от того, с какой степенью точности мы хотим определить социальное и культурное положение данного социокультурного феномена в свехорганическом универсуме» [Сорокин, 2010, с.388]. Значения, ценности и нормы составляют *смысловую (смыслообразующую) плоскость пространства*, проводники – это семиотические (знаковые) системы и коды, а также средства и способы трансляции информации (*смыслопередающая, транслирующая плоскость*), наконец, третья плоскость – это совокупность свойств, качеств и возможностей человека – в том числе – предельных (когнитивных, коммуникативных, волевых, морально-нравственных, физиологических и др.), т.е. *культурно (или=социально) – антропологическая плоскость*. Культурные системы и культурные группы есть предметный фон, на котором происходит драма развития и общества, и его центрального субъекта – человека-в-культуре. В этих построениях отсутствуют такие параметры, как «законы экономики», «деньги», «власть», «прибыль», «доход», как явно второстепенные, прикладные, относящиеся к элементам культурных систем, например, способам обмена, социальной организации или взаимодействия.

Выдвижение науки и образования на ведущее место в системе социально-культурного развития человека и мира в целом демонстрирует необходимость замены установок экономического детерминизма (когда все подчинено цифровым схемам денежной прибыли и материального дохода) установками когнитивного детерминизма (когда все подчинено задачам интеллектуального развития общества, научного обеспечения этого развития). При этом идея политической власти должна уступить свое место идее интеллектуальной власти, т.е. вертикальной организации интеллектуального обмена (по схеме: *информационный поток – интеллектуальный результат*) и горизонтальной интеграции креативных усилий (*при достаточной доступности необходимых ресурсов*). Эту социально-политическую установку П.А. Сорокин сформулировал задолго до того, как она стала вновь «изобретаться» американскими экономистами в конце XXI века. Поясняя мысль о возрастании роли науки и образования в обществе, он писал: «Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является основным первоначальным фактором социальной эволюции. Все основные виды социального бытия (миропонимание, искусство, практика) обусловлены знанием (наукой) или, что то же, представляют модификацию этого фактора. Все социальные отношения в конце концов обуславливаются мыслью» [Сорокин, 1992б, с.531]. В этой – пост-постиндустриальной системе образование определяется следующими зависимо-

стями: (а) стратификационной (структурирует общество, выделяя и выдвигая на «ударные» позиции элиту, дифференцируя общество по интеллектуальным признакам); (б) идентификационной (позволяет личности пройти длительный и нелинейный путь самоопределения, осуществить личностный выбор и реализацию); (в) ориентационной (собственно социальной), задающей вектор развития социума, направленный на обновление и усвоение системы ценностей, норм, кодов культуры. Нетрудно различить в первом случае элитарную систему образования, przygotowującą научные и политические кадры через немногие известные и престижные университеты, во втором – разнообразные формы (в том числе «модные», «популярные», например, юридические, экономические, художественные или театральные), направленные на формирование самоуважения и других самоидентификационных характеристик. А в третьем случае – социально-педагогический блок, в том числе – в «центральных и провинциальных вузах», развернутый в сторону формирования общества как самосохраняющейся, самовоспроизводящейся и саморазвивающейся системы. Трехзвенная система развернута в США, Китае, Израиле и других странах и фактически противоречит так называемой Болонской системе, «принятой» в нашей стране под большим властным давлением и весьма условно соотносимой с европейскими (да и современными азиатскими) ценностями развития.

Социальная вертикаль, подъем по которой все более и более связан и информационными ресурсами, и каналами информационного обмена, что не освобождает человека, поднимающегося по этой вертикали, от эмоциональных и нравственных усилий, от «радости понимания» (А. Маслоу) и провалов попыток самоактуализации. Отметка качественного перехода человека на этой вертикали достигается актом *преодоления* («спонтанного» нравственного выбора – Налимов; либо «пикового переживания» – Маслоу), при помощи которого совершается переход человека в гипотетический, но все более реально поступающий мир альтруистической творческой любви (Сорокин). Эта – «пирамидальная» – концепция человеческого развития (и в фило-, и в онтогенезе) ставит перед нами проблему выбора по принципу «исключенного третьего»: истинностное развитие идет однонаправленно по директории биологическое – духовное (чувственное – идеалистическое) (А. Маслоу, П. Сорокин) либо однонаправленно (горизонтально, хаотично, как, например, в современных «корпоративных» или «сетевых» социологических теориях). Нетрудно заметить, что выбор второго варианта – это в конечном счете выбор асоциального поведения групп или масс, но и выбор первого – пирамидального – варианта требует существенных пояснений. Во-первых, «пирамидальная» социальность требует от индивидуума обязательного (и=очевидного по закону сопротивления среды) качественного перехода при движении вверх – к миру интеллектуально-символических идеалов, которое выражается в ясном и осознанном *Преодолении*. А этот феномен не носит массового характера. Во-вторых, движение к «высокому» требует достаточной свободы для индивидуума в определении способов, тактик и инструментов креативно обусловленной деятельности по самоактуализации. А это диверсифицирует монолитное «социальное единство», причем не в области капитала, собственности, группового эгоизма, а в области картин

мира и индивидуальной ментальности, включающих *разные, субъектные* технологии и техники интеллектуальных или символических действий. Видимо, речь может идти о новом поле *столкновения личностных интересов*.

Важна и собственно культурно-антропологическая составляющая сорокинской (по своей базовой сущности) концепции «преодолевающего человека», позволяющая в идеале наметить набор эффективных интеллектуально и нравственно ориентированных технологий современности. Это прежде всего идея обязательной интеллектуальной сложности культурного пространства, ухода от «простых» и «очевидных» решений в организации повседневности, сознательное избегание упрощенных (интеллектуально «выхолощенных») текстов культуры, применение интеллектуальных практик во всех сферах жизни. Соблазну нон-интеллектуализма, хаптического и массово-потребительского выстраивания жизненного нарратива должен быть выставлен надежный заслон в области науки, культуры и образования. Понятия «народный» и «массовый» не должны означать «нон-интеллектуальный», облегченный, примитивный, логически дефектный и семантически пустой. Избегая интеллектуального или духовного усилия (=насилия) над собой, уходя от необходимости использования универсальной практики «очеловечивания» – практики Преодоления, индивидуум нарушает природный ход вещей, определяемый законами Семантической Вселенной, а значит, может рассчитывать на «обязательную перезагрузку» исторической наррации, перераспределение направлений факторов развития и существования, причем не в свою пользу. Таков фактически раскрытый П.А. Сорокиным обновленный категорический императив, который (вслед за И. Кантом и поправляя его) можно сформулировать так: «Человек есть цель интеллектуального и духовного развития мира, а не средство или субъект для реализации инстинкта обладания». История все более и более показывает нам (иногда в буквальном смысле телевизионного вещания), что в этом утверждении нет ни грана утопии, отступление же от этого императива чревато серьезными социально-культурными последствиями.

Литература

- Деррида Жак. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. – 376 с.
- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 496 с.
- Налимов В.В. В поисках иных смыслов. 2-е изд. СПб.-М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с.
- Соколов Б.Г. Формы данности и формы чувственности: процессы перекодировки концептуального поля // *Studia Culturae*. Вып. 17. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. – С.68–80.
- Сорокин П.А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии / главы из книги // *Социологический ежегодник*, 2010. М.: РАН, ИНИОН, 2010. – С.380–451.
- Сорокин П.А. Моя философия – интегрализм // *Социологические исследования*. 1992а, № 10. – С.130–137.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992б. – 543 с.
- Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // *Американская социологическая мысль*. М.: Ин-т социологии, Наука, 1996. – 560 с.
- Хаджаров М.Х. Базовые гносеологические процедуры социально-гуманитарных наук // *Вестник ОГУ*, сентябрь 2012, № 9 (145) – С.23–29.

УДК 316 : 159.923.2

В.М. Терехин
Сыктывкар

ЧЕЛОВЕК В ИНТЕГРАЛЬНОЙ НОМО-СОЦИОЛОГИИ П.А. СОРОКИНА: РЕКОНСТРУКЦИЯ И ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ

В статье представлен комплекс социально-антропологических, философско-антропологических, антропосоциологических идей П.А. Сорокина, интегральная совокупность которых номинируется автором как основоположения концепции сущности человека в научном наследии выдающегося мыслителя современности. Показано, что человек в антропосоциологической социологии П.А. Сорокина рассматривается как сверхсложное, многоуровневое, многогранное и одновременно «удивительно интегральное существо», характеризующееся целостной системой противоречивых и противоположных, взаимосвязанных и взаимообусловленных качеств: космических, биологических, психических, социальных, социокультурных, духовных.

Ключевые слова: концепция человека, интегральная теория человеческой личности, целостность человека, целостная личность, многомерный образ человека, структурная схема личности.

V.M. Terebihin. Person in the integrated homo-sociology of P.A. Sorokin: reconstruction and concept's explication

The article presents a set of socio-anthropological, philosophical and anthropological, anthropo-psychological ideas of P.A. Sorokin, an integrated set of which is nominated by the author as the fundamental principle of the concept of the essence of a person in the scientific heritage of the outstanding thinker of our times. It is shown that a person in philosophical sociology of Sorokin is regarded as a super complex, multi-level, multi-angle, and at the same time «surprisingly integral being» characterized by an integrated system of conflicting and opposing, interconnected and interdependent qualities: cosmic, biological, mental, psychological, social, socio-cultural, spiritual.

Key words: concept of a person, integral theory of the human personality, integrity of a person, integrated personality, multi-dimensional image of a person, structure of a person.

В полифоничном, многомерном и одновременно интегральном научном наследии интегральной антропосоциологии выдающегося макросоциолога, философа, культуролога П.А. Сорокина представлен широкий комплекс философско-антропологических, антропосоциальных, культурологических, антропосоциологических идей. Проблемы человека, его развития содержатся во всех его работах – от самых ранних до последних.

Как известно, П.А. Сорокин номинировал свою систему социологии как «гомо-социологию» [Сорокин, 1991, с.4]. Он полагал, что «конечной и главной задачей социологии является понимание поведения и деятельности людей» [Сорокин, 1994, с.12].

Как справедливо считает философ Н.Ф. Зюзов, впервые в российской «сорокиниане» осуществивший системный философский анализ творчества ученого, «размышления о человеке, его внутренней жизни и “мирской” судьбе никогда не оставляли Сорокина, и даже его историософские идеи во многом базируются на антропологии» [Зюзов, 2004а, с.100]. Автор статьи также в полной мере согласен с выводом исследователей Р.К. Стерледева и Е.А. Шуклиной о том, что «творчество П. Сорокина является значимым фактором постановки и разработки широкого спектра антропологических проблем» [Стерледев, Шуклина, 2009, с.142].

Действительно, идеи П.А. Сорокина, лежащие в основе интегрального антропологического подхода, формируют основные направления исследовательской деятельности, задают ее гносеологические ориентиры и исследовательские перспективы, служат основой как для постановки проблем, так и для поисков путей их разрешения. Как мы полагаем, П.А. Сорокина в полной мере можно отнести к плеяде выдающихся социологов, осуществивших «антропологический поворот» в современной социологии.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в научном наследии П.А. Сорокина не существует единой артикулированной, представленной в какой-либо одной работе или научной публикации теории, в которой бы в концентрированном (систематизированном) виде было изложено его концептуальное видение сущности человека и человеческого развития. Отсутствует целостная реконструкция концепции сущности человека в творческом наследии П.А. Сорокина в российском и зарубежном «сорокинианском» научном дискурсе (исследовательском поле), не сформировалось систематизированного представления всей «суммы антропологии», содержащихся в его работах, нет специальных монографий или диссертационных работ по этой проблеме. Возможно, это объясняется тем, что «некоторые части своего учения П.А. Сорокин оставил без “расшифровки”, в частности, его антропологические представления» [Зюзов, 2004].

В данной статье предпринята попытка дальнейшей «расшифровки – реконструкции» антропологических идей и «собираания человека» в научном наследии П.А. Сорокина, начатой Н.Ф. Зюзовым и некоторыми другими исследователями (в том числе В.А. Сулимовым, И.Е. Фадеевой), а также автором данной публикации [Теребихин, 2011, с.178–184; Теребихин, 2012, с.73–78; Теребихин, 2013, с.210–230].

Анализ работ П.А. Сорокина и немногочисленных теоретических публикаций ученых-сорокиноведов, исследующих проблемы человека в проблемном поле творчества выдающегося социолога, позволяет сделать вывод о том, что в научном наследии П.А. Сорокина представлен комплекс интегративных теоретических положений (идей), которые можно номинировать как основоположения антропо-социально-философской концепции сущности человека как многомерного (космо-био-психо-социо-культурного-духовного, экзистенци-

ального) и одновременно «удивительно интегрального существа», «совпадения противоположностей» (П.А. Сорокин), «надорганической» целостности.

В данной статье мы исходим из понимания категории «концепция» как системокомплекса логических понятий и высказываний идеального характера, сформулированных в виде определенной системы положений, объединенных единым принципом, или как системы взглядов, выражающих определенный способ видения («точку зрения»), как трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов в той или иной теоретической знаниевой практике.

Архитектоника, в том числе и институциональный дизайн концепции, имеет сложную полиструктуру, представляет собой сложный синтетический комплекс. Основными компонентами подсистемы архитектоники и институционального дизайна концепции человека П.А. Сорокина являются:

1. Идеи интегральной теории человеческой личности, интегральной модели человека.

2. Система антропоориентированных, гуманистических мировоззренческих принципов (антропологизм, антропоцентризм: человек как самоценность, конечная и высшая ценность).

3. Разработка теоретических основ амитологии как специфической прикладной науки в области социологии и социальной психологии. Теория созидательного (позитивного) альтруизма, социальной солидарности, альтруистической любви. Программа альтруизации общества и система методов альтруизации личности.

4. Теория ценностей и этики. Система морально-этических идей и ценностей. Программа моральной реконструкции человечества.

5. Антропopsихологические идеи. Структура сознания человека. Ролевая структура личности.

6. Система потребностей человека.

7. Идеи о роли и значении качественных характеристик человека (населения) для развития общества и человека.

8. Институты семьи, брака, образования, воспитания и их значение для развития человека, «всестороннего развития личности» (П. Сорокин).

9. Идеи к теории поведения человека (девиантного, социально-благожелательного, креативного, социального, политического, сексуального, поведения человека в условиях бедствий и т.д.).

10. Идеи преображения человека.

Учитывая формат журнальной статьи, представим лишь некоторые компоненты данной концепции.

Основной методологической установкой философической «homo-социологии» П.А. Сорокина, интегративной, основополагающей идеей, ядром и главнейшим элементом подсистемы его социально-философской антропологической концепции является понимание им человека как «чудесного, удивительно интегрального существа», интегрального суперорганического мира и Высшей интегральной ценности. Эта идея была сформулирована им в статье «Моя философия – интегрализм», затем представлена в работе «Главные тенденции нашего времени» и в ряде других научных публикаций.

Формулируя основные идеи новой научной концепции, П.А. Сорокин считал, что человека нельзя рассматривать как «простой кибернетический, рефлексологический и коммуникационный механизм, аналогичный другим механизмам подобного рода, или как животное, контролируемое главным образом сексуальными и другими биологическими побуждениями» [Сорокин, 2006, с.122]. По его мнению, такие ложные концепции не только ошибочны с научной точки зрения, но губительны для физического, душевного и морального благополучия человека. Поэтому они должны быть заменены более научной концепцией человека и его природы.

П.А. Сорокин полагал:

- что «новая интегральная теория человеческой личности не отрицает, что человек является животным организмом, наделенным “бессознательным”, рефлексивно-инстинктивным механизмом тела, но она подчеркивает, что, помимо этой формы бытия, человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверхсознательным творцом или духом» [Сорокин, 1997, с.229].

- что «в новых теориях человек постигается как чудесное интегральное существо. Он является не только животным организмом, но также и рационально мыслящим и деятельным: к тому же он подтверждает свое сверхчувственное и сверхрациональное бытие как активный и важный участник высших творческих сил космоса» [Сорокин, 1997, с.51].

- что «концепция Целостного Человека должна заменить совершенно искаженное представление о человеке как всего лишь механизме или всего лишь организме», поскольку человек является воплощением рационального сознательного разума и частью наднациональной высшей творческой силы Вселенной, которую называют по-разному: Создателем, Богом, Брахмой, Дао, Космическим разумом, Высшим духом, Логосом [Сорокин, 2006, с.125].

- что «второе ложное представление, от которого надо отказаться, – это убеждение в том, что человек и его поведение полностью контролируются его инстинктами, рефлекторными механизмами и животными побуждениями, в том числе сексуальными, а также его окружением. В настоящее время от этой веры в полный детерминизм уже в значительной мере отказались даже современные физические науки, где ее заменили принцип неопределенности Гейзенберга, “квантовые скачки”, а также вероятностные и случайные отношения между макрофизическими и субатомными явлениями» [Сорокин, 2006, с.129].

Таким образом, понимание П.А. Сорокиным феномена человека заключается в признании сложной, многомерной, многокомпонентной структуры его качеств и свойств в их единстве, целостности. Интегральная сущность человека – это и синтез, и симбиоз, и синергичное «взаимосодействие» разнородных, противоположных и противоречивых качеств и свойств человека, в котором составные части не утрачивают своего своеобразия, но становятся реальными частями человека как «надорганической» целостности.

Интегральный подход отражает многомерную сущность и многогранные аспекты существования человека. А сама интегральная методология Сорокина гуманистична по своей направленности. Человек в концепции П.А. Сорокина «целостный, едино-интегральный», система систем. Он рассматривает челове-

ка как целое, во всей его полноте, как природно-социокультурную и духовную целостность в контексте комплекса факторов космического, биологического, психологического, социокультурного, духовного характера, как системного комплекса качеств, свойств, характеристик и структур человека, как «надорганическую» целостность, функционирование которой зависит от составляющих его частей и от взаимодействия между этими частями, которые взаимосвязаны, взаимообусловлены и взаимозависимы. «Человеческие индивиды, – констатирует Сорокин, – представляют собой... причинно-функциональные единицы, в которых каждая важная часть организма зависит от остальных частей, каждая часть зависит от целого организма и последний зависит от его важных частей» [цит. по Зюзев, 2004, с.165]. Интегральный человек – это «человек в Целом» (С.С. Хоружий). В человеке как целом все существенно.

В данном контексте представляет интерес характеристика П.А. Сорокиным «целостной личности» [Сорокин, 2006, с.125]:

- у «целостной личности “высшее я” с его моральными и эстетическими ценностями осуществляет контроль над низшим “эго” и животными побуждениями»;

- «внутренний мир человека и его внешнее поведение составляют единое целое, свободное от крупных конфликтов и противоречивых мотиваций и действий, свободное от множества напряжений и стрессов»;

- «такой человек наслаждается миром в душе»;

- «он придерживается четкой линии поведения, которая определяется его системой ценностей и его моральными нормами “ты должен” и “ты не должен”».

- «он огражден от большинства внутренних и внешних разобщающих воздействий»;

- «с честью выдерживает тяжелые и мучительные жизненные нагрузки»;

- «без колебания отвергает искушение совершать действия, противоречащие его правилам, и в то же время радостно принимает призывы к действиям, соответствующим его “святым святым”, и в значительной мере следует им»;

- «сознательное и надсознательное в целостном человеке имеет большую степень автономии от рефлексов, инстинктов и биологических побуждений человека. И чем больше развиты и чем лучше объединены эти сознательные и надсознательные силы в целостном человеке, тем больше он свободен от инстинктов и животных побуждений и контролирует их».

Идея «интегральности – целостности» человека – стержневая в философии интегрализма П.А. Сорокина. Человек как «надорганическая» целостность является, по нашему мнению, ядром концепции человека как интегрального, «самого сложного существа» (П.А. Сорокин). В этой связи мы в полной мере согласны с выводом исследователя Н.Ф. Зюзева о том, что в мировоззрении П.А. Сорокина безусловной ценностью является «целостная человеческая личность», а конструируемый им тип личности – «человек интегрального типа» [Зюзев, 2004, с.102–104].

Понятие «целостность» автор статьи рассматривает как полноту, как всесторонний охват всех свойств, сторон и связей объекта, как внутреннюю обусловленность объекта, как то, что определяет его специфику, уникальность

(в этом смысле целостность сближается с понятием сущности). Целостность есть единство частей, их общее синтетическое качество. Более того, целостность и составляющие ее части могут обнаруживаться и раскрываться исключительно друг через друга, по ходу их соотнесения в каком-либо аспекте. Глубокая, органическая, уникальная целостность человека во многом определяет его сверхсложность.

Важно понимать, что «целостность не предполагает простого сложения атрибутивных характеристик человека, а скорее означает его *причастность к более фундаментальной целостности*: миру (Бибихин), бытию (Хайдеггер)» [Моторина, 2002]. В.А. Сулимов полагает, что «особенным» в концепции П.А. Сорокина остается понимание человека в его когнитивно-интеллектуальной, эмоциональной и аксиологической целостности, базирующейся на особых состояниях: сверхчувственности и сверхинтеллектуальности, компенсирующих исконную травматическую разорванность человека» [Сулимов, 2012, с.67–68].

Человек как «удивительное интегральное существо» формируется под воздействием комплекса факторов: космических, биологических, социально-психологических, но прежде всего – социокультурных. На характер личности оказывают влияние и бессознательные рефлексы, и биосознательные регуляторы – чувство голода, жажды, сексуального влечения и, наконец, социосознательные и духовно-экзистенциальные нормы и ценности.

Для П.А. Сорокина человек не только «эмпирический, животный, сложный организм биологической организации и вида *homo sapiens*», «производная величина наследственности и среды», «свособразная машина» и не только «сознательный рациональный ум», «рационально мыслящий индивид», «воплощение надорганической энергии, мысли, совести, сознания, рациональной воли», но также «сверхчувственное, сверхрациональное существо», «сверхсознательный мастер-творец, дух», «часть наднациональной высшей творческой силы», «участник высших творческих сил космоса»: «В противовес преобладающему в настоящее время мнению человек – это не только несознательное и сознательное творение, но он также является сверхсознательным творцом, который в состоянии контролировать и переступать пределы своих бессознательных и сознательных сил и который фактически делает это в моменты “божественного вдохновения”, в наилучшие периоды своего интенсивного творчества». [Сорокин, 1992, с.133].

Формулируя основные идеи новой научной концепции человека, новой антропологической модели, новой гуманистической парадигмы человека, П.А. Сорокин сделал вывод о том, что «новая интегральная теория человеческой личности вновь оказывается довольно близкой религиозной идее человека как сына Божия, созданного по образу Высшего Творца (*Supreme Creator*)» [Сорокин, 1997, с.52–53]. По его мнению, в великих религиях отражена триадическая концепция человека, трехкомпонентная структура человека как создания, имеющего три формы бытия: бессознательную, сознательную и сверхсознательный творец. Необходимо отметить, что триадическая структура человека, тримерия, трехчастность – самый распространенный взгляд на человека в христианской антропологии, который был усвоен еще от апостола Павла: «Сам

же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух, и душа, и тело во всей целостности да сохраняется без порока...» [Библия, 1Сол.5:23].

Важнейшим элементом, неотъемлемой частью интегральной концепции человека П.А. Сорокина является сконструированная им «на основе логики и фактов» «структурная схема личности», которая напоминает кошелек с четырьмя отделениями: (1) биологически бессознательное (подсознание); (2) биологическое сознание; (3) социокультурное сознание и (4) сверхсознание» [Сорокин, 1991, с.232].

Учитывая, что развернутый, системный и исчерпывающий научный комментарий структуры сознания, ее «четырёхэтажного строения» (П.А. Сорокин) представлен в уже цитируемой нами диссертации, одноименной монографии и статье Н.Ф. Зюзева «Питирим Сорокин: собирание человека», опубликованной в журнале «Человек», отметим лишь то, что в основе концепции модели (структурной схемы) личности П.А. Сорокина лежит интегральный подход, отражающий сущность человека как «удивительно интегрального, целостного и одновременно многомерного, сложного существа» в соответствии с теорией интегрализма.

Как мы полагаем, своеобразным выражением интегральной (интегрированной) целостности человека является «противоречивость – противоположность» его природы, качеств и свойств. В работе «Социология революции» Питирим Сорокин высказал важную концептуальную для понимания сущности человека идею о том, что «человек является своего рода “coincidentia oppositorum” (совпадением противоположностей)» [Сорокин, 2005, с.109].

Классифицируя систему «инстинктов-рефлексов» человека, он обратил внимание на тот факт, что «они разнородны, часто противоположны друг другу и не исчерпываются одними рефлексами социабельного характера, а включают в себя и такие акты, как рефлексы драчливости, самовыявления или индивидуальности, властвования, захвата и т.д.» [Сорокин, 2005, с.110]. И в этом смысле, считал П. Сорокин, «человек является своего рода “совпадением противоположностей”».

В идее «человека как совпадения противоположностей» (к сожалению, так же, как и другие антропологические идеи, не «расшифрованной» П.А. Сорокиным), человек рассматривается:

- как самое сложное существо;
- как бомба, начиненная множеством сил и тенденций;
- как носитель разных прирожденных рефлексов – не только кротких и социабельных, но и хищных и злостных;
- как ангел, под которым кроется дьявол.

Человек в идее «совпадения противоположностей» и в целом в теории интегральной личности Питирима Сорокина понимается как диалектически противоречивое единство сущности и существования, родового (общего) и индивидуального, сущего и должного, биологического и социального, своей детерминированности и свободы, конечности и бесконечности. Жизнедеятельность человека протекает как диалектически противоречивое взаимодействие сущности и существования, природного и социального, детерминизма и сво-

боды, сущего и должного, сознания и бессознательного, всех трех форм бытия: бессознательной, сознательной и сверхсознательной.

Человек по своей природе, как весь мир, соткан из противоположностей. Человек конечен в качестве телесного существа и бесконечен в высших стремлениях своего духа к постижению божественного абсолюта. Однако противоположности не просто противостоят друг другу, но – и это крайне важно! – совпадают. Совпадение противоположностей (*coincidentia oppositorum*) находит свое выражение в самой человеческой природе и представляет собой их взаимоположение; противоположные стороны или тенденции не могут существовать одна без другой. Отметим, что «колдовство совпадения противоположностей» (П.А. Сорокин) создает условия для научной разработки единой, целостной теории человека, его «собирания».

Важнейшим компонентом общей интегральной концепции человека П.А. Сорокина являются его идеи о многомерности, многогранности его социально-культурной природы. Следует отметить, что целостность и многогранность человека неразрывно связаны: «Человек всегда целостен в своей многогранности и многогранен в своей целостности» [Барулин, 2002, с.314].

Автор статьи исходит из того, что многомерность, многоаккурность, воплощенная в человеке, – это характеристика, указывающая на то, что человек обладает множеством качеств и свойств, которые составляют неразделимое единство, целостность человеческого существа.

Группировка

многомерности образа человека, многоаккурности его свойств и качеств, сущностных характеристик, представленных в работах П.А. Сорокина [Теребихин, 2013, с.210–230].

Таким образом, согласно Питириму Сорокину человек является:

- «животным организмом, наделенным “бессознательным”, рефлексивно-инстинктивным механизмом тела»;
- «не только животным организмом, но также и рационально мыслящим и деятельным: к тому же он подтверждает свое сверхчувственное и сверхрациональное бытие как активный и важный участник высших творческих сил космоса»;
- «своего рода “*coincidentia oppositorum*” (совпадением противоположностей);
- «сверхсознательным творцом, который в состоянии контролировать и переступать пределы своих бессознательных и сознательных сил»;
- «сознательным, рациональным мыслителем и сверхсознательным творцом или духом».

Человек – это:

- «и животное, и удивительный сложный механизм, сложное существо»;
- «эмпирический организм и вид “*homo sapiens*”»;
- «не только биологический организм, но организм, имеющий развитую нервную систему, одаренный в силу этого сознанием, психикой, чрезвычайно богатой и качественно, и количественно»;

- «не только бессознательное и сознательное творение, но главным образом сверхчувственный мастер-творец (master-creator)»;
- «сверхчувствительное и сверхрациональное существо»;
- «продукт социокультурных сил»;
- «существо, дающее сознательную мотивировку большинству своих поступков»;
- «воплощение надорганической энергии, мысли, совести, сознания, рациональной воли»;
- «не мешок для переваривания пищи и пустого прожигания жизни, а прежде всего творец и создатель»;
- «луч божественного, неприкосновенная святость»;
- «сын Божий, созданный по образу Высшего Творца»;
- «конечная ценность как инкарнация божественного многообразия, нежели просто биологический организм, механизм рефлексов или психоаналитическое либидо»;
- «ангел, под которым кроется дьявол»;

Человек представляет собой:

- «не только эмпирический организм вида homo sapiens и не только рационального мыслителя и деятеля, кроме того он является также сверхчувственным и сверхрациональным существом, активным участником высшего творческого Х всей Вселенной»;
- «не только мыслящее существо, но и существо чувствующее, обладающее переживаниями боли-страдания, с одной стороны, удовольствия-наслаждения – с другой»;
- «своеобразную машину, но машину столь сложную, что мы до сих пор не знаем удовлетворительно ни ее строения, ни ее действий – работы»;
- «носителя разных прирожденных рефлексов не только кротких и социаль-ных, но хищных и злостных».
- «бомбу, начиненную множеством сил и тенденций, способную взорваться и явить картину дикого буйства»;
- «воплощение рационального, сознательного разума и части наднациональ-ной высшей силы Вселенной»;
- «воплощение надорганической энергии, мысли, совести, сознания рациональ-ной воли»;

Человек постигается:

- «как чудесное интегральное существо, как активный и важный участник высших творческих сил космоса».

Человек может рассматриваться:

- «как результат, как произведение двух основных условий: 1) наследствен-ности; 2) влияния среды»;
- «как воплощение надорганической энергии, мысли, совести, сознания, ра-циональной воли».

Таким образом, человек в философической социологии П.А. Сорокина рас-сматривается как сверхсложное, многоуровневое, многомерное существо, ха-рактеризующееся целостной системой противоречивых и противоположных,

взаимосвязанных и взаимообусловленных качеств: космических; биологических; психических, психологических; социальных; социокультурных, духовных. Кроме того, человек рассматривается как существо: целостное (интегрирующее в себе физическое, социальное и духовное начала), универсальное (способное к любому виду деятельности), неповторимое (уникальное, специфичное, особенное) и открытое (связанное с окружающим миром и продолжающее развиваться).

Многомерность человека, многореальность человеческого существа проявляется и в том, что в нем в неразрывном единстве сочетаются биологическое и социальное, телесное и духовное, типичное и индивидуальное, которые взаимосвязаны между собой и взаимно обуславливают друг друга. Во-вторых, человек является космобиопсихосоциодуховным существом. В-третьих, человек является человеком прежде всего потому, что он является духовным существом, так как именно духовность позволяет ему понять подлинный смысл своей жизни, определить формы своего поведения и действия, правильно выбрать свои жизненные цели и пути.

Сформулированные П.А. Сорокиным идеи концепции интегрального, целостного (холистического) проекта человека, целостной системы формирования человека, «интегральной теории человеческой личности», «целостного учения о человеке» (В.А. Сулимов) образуют дискурсионную полиструктуру современного социофилософского антропологического исследовательского пространства изучения проблематики человека, выступая в качестве одного из методологических оснований концепции «собрания человека» (А.А. Богданов), комплексного постижения человека, «комплексного человековедения» (И.Т. Фролов), философской и социальной антропологии, социологии человека (антропосоциологии).

Концептуальные и научно-практические антропологические идеи, изложенные в концепции сущности человека П.А. Сорокина, могут и должны использоваться:

- при разработке единой науки о человеке (к сожалению, научная деятельность в этом направлении осложняется в связи с ликвидацией института человека РАН);
- эти идеи могут использоваться в теории и практике развития человеческого потенциала, повышения «качества качеств» населения;
- эти идеи актуальны для разработки практических мер по смягчению негативных последствий современной антропологической катастрофы как одной из глобальных проблем мировой цивилизации и причины ряда глобальных проблем. (Как нам представляется, одной из локальных форм проявления глобальной антропологической катастрофы, явились события на Украине.)

Концептуальные идеи Сорокина о сущности человека необходимо использовать для научного проектирования и осуществления системных мер по смягчению антропологического кризиса в России. Эти идеи, как мы уже отмечали, являются важнейшим компонентом теоретической модели концептосферы концепции антропологического преобразования России, проектируемой автором статьи [Теребихин, 2012, с.73–87]. Автор намерен продолжить рефлексивный

процесс «собираания человека», реконструкции концепции человека в научном наследии» П.А. Сорокина. Данная статья рассматривается нами лишь как первый шаг в долгом пути постижения интегральной антропологии выдающегося макросоциолога современности.

Литература

- Барулин В.С.* Основы социально-философской антропологии. – М.: Академкнига, Новая философская серия; Университетская библиотека, 2002. – 340 с.
- Библия, Первое послание к Фессалоникийцам святого Апостола Петра 1Сол.5:23.
- Зюев Н.Ф.* Питирим Сорокин: «собираение человека» // Человек. М., 2004а, №5. – С.100–104.
- Зюев Н.Ф.* Философия Питирима Сорокина: автореф. дисс... д-ра философ. наук. М.: МГУ, 2004 [<http://www.dissercat.com/content/filosofiya-pitirima-sorokina>].
- Зюев Н.Ф.* Философия Питирима Сорокина. Сыктывкар: Эском, 2004б. – 240 с.
- Моторина Л.Е.* Феномен человека: методология исследования // Полигнозис. 2002, 1(17) [<http://www.polygnosis.ru//default.asp?numi6&num2i171>].
- Сорокин П.А.* Американская сексуальная революция. М.: Проспект, 2006. – 561 с.
- Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. – 350 с.
- Сорокин П.А.* Долгий путь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 303 с.
- Сорокин П.А.* Моя философия – интегрализм // Социс. М., 1992, № 10. – С.120–133.
- Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. – 560 с.
- Сорокин П.А.* Система социологии. Т.1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 187 с.
- Сорокин П.А.* Социология революции. М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. – 562 с.
- Стерледев Р.К., Шуклина Е.К.* Идеи интегрализма П. Сорокина в контексте анализа проблем человеческого измерения // Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии. Материалы Международной научной конференции – Первых Санкт-Петербургских социологических чтений. С.-Петербург, 16–17 апреля 2009 г. Том 1. – С.140–142.
- Сулимов В.А.* Личность как код: когнитивная интерпретация социальности // Наследие. 2012, № 2. – С.62–72.
- Теребихин В.М.* Идеи Питирима Сорокина в контексте проектирования концепции антропологического преобразования России // Наследие. 2012, № 2. – С.73–87.
- Теребихин В.М.* Человек и его развитие / Питирим Сорокин. Суждения и афоризмы / автор – составитель В.М. Теребихин. Сыктывкар, 2013. – С.210–230.
- Теребихин В.М.* К вопросу о валидности суицидологических идей П.А. Сорокина для анализа флуктуаций суицидального поведения населения России (на примере Республики Коми) // Наследие. 2011, № 1. – С.178–184.

УДК 316.32

Г.Л. Тульчинский
Санкт-Петербург«Наследие»
№ 2 (5) (2014)

ПРОБЛЕМА КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Рассматривается проблема консолидации современного российского общества на позитивной конструктивной основе. Среди технологий такой консолидации, помимо образования, выделяются некоторые социально-культурные технологии, включая культурно-исторический потенциал и региональный брендинг.

Ключевые слова: брендинг, историческая память, консолидация, регион, социально-культурные технологии, сфера культуры.

G.L. Tul'chinsky. Consolidation problem of the modern Russian society: socio-cultural technologies

The article is devoted to the problem of consolidation of the modern Russian society on a positive constructive basis. Among the technologies of such consolidation in addition to education, are highlighted some socio-cultural technologies, including cultural and historical potential and regional branding.

Key words: branding, historical memory, consolidation, region, socio-cultural technology, sphere of culture.

П. Сорокиным подчеркивалась роль солидарности для полноценного развития общества. В современной российской ситуации общества и экономики недоверия эта тема имеет особое значение. В этой связи в статье на основе предложенной ранее ценностно-нормативной модели социогенеза [Тульчинский, 2011, с.5–14; Тульчинский, 2013б, с.24–38] обращается внимание на несколько аспектов проблемы и пути ее решения.

Так, апелляция к этничности, неформальным институтам, основанным на обычаях, привычках, способствует формированию «сплачивающего доверия», формирующего этнические, конфессиональные, профессиональные, региональные и прочие общности и субкультуры. Между тем для консолидации социума страны (тем более такой полиэтничной, как Россия) важно доверие, «наводящее мосты» [Рикер, 2005; Инглхарт, Вельцель, 2011; Штомпка 2012; Веселов, 2011] между гражданами – носителями различных этнических, клановых и прочих идентичностей. Общую им гражданскую идентичность обеспечивают формальные институты, прежде всего – права, гарантируемые государством.

В этих условиях на первый план выходят два перспективных вектора. Прежде всего, это формирование гражданской идентичности, что связано с дей-

ственной эффективностью правовой системы, региональной символической политикой.

В 2012–2013 годах отделением прикладной политологии НИУ ВШЭ-СПб под руководством автора статьи было проведено исследование по выявлению воспринимаемого и желаемого (в перспективе ближайших 10 лет) образа современного российского государства. Были опрошены представители основных социальных сил российского социума: бюджетной сферы, политического класса, бизнеса, «силовиков», креативного класса, медиасферы, РПЦ, студенчества.

Интерпретация результатов исследования средствами упомянутой ценностно-нормативной модели [Камаев, Тульчинский, 2013, с.100–107] выявила очевидный запрос на гражданский национализм, т.е. обеспечение единой правовой рамки и равенства всех перед законом. Проведенный одновременно с этим анализ показал, что транслируемый государственными СМИ, нормативными документами и другими официальными материалами образ государства апеллирует к этническому национализму.

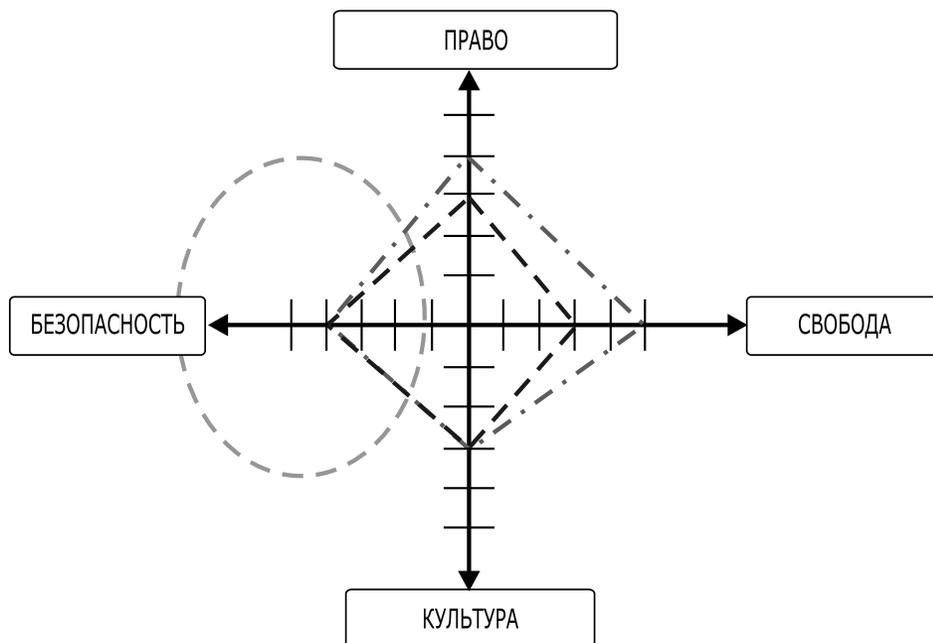

Рис. 1. Ценностно-нормативная модель транслируемого и запрашиваемого образов российского государства

На рис.1 в графическом виде представлены суммарные результаты этого анализа. Штриховой линией изображен существующий «профиль» российского социума, который был выявлен с помощью анкетирования, штрих-пунктирной – желаемый образ в перспективе через 10 лет, а окружность указывает на транслируемый властью образ государства. Таким образом, российское общество видит необходимость в развитии в сторону оси формальных институтов «право» и по ценностной оси «свобода».

При этом практикуемые апелляция к ценности безопасности, возможности манипулирования, хорроризации в этом плане ограничены. А установка на апелляции к культурно-историческому наследию, идеологии в условиях информационного общества, проектно-сетевому социуму способствуют скорее дивергенции, чем консолидации.

Результаты этого анализа соответствуют итогам проведенного недавно агентством Росбалт массового опроса относительно необходимых изменений российского общества [Результаты опроса «Как сделать, чтобы русские стали успешной и счастливой нацией?», 2013].

Какими же средствами может быть реализован выявленный гражданский запрос? Представляется, что, помимо традиционных технологий политического маркетинга (пропаганда, PR, социальная реклама), транслируемых СМИ, важную роль играют «социально-культурные технологии»: среднее и высшее образование, кинематограф, искусство (театры, литература, музыка), изобретенные традиции [Hobsbawm, Ranger, 2003, с.1–15], праздники и т.д. Помимо прочего, они позволяют на материале и в пространстве «спланивающего доверия» формировать доверие, «наводящее мосты», реализуя большой масштаб консолидации общества.

В апреле 2014 года по той же представительной выборке было проведено исследование предпочитаемых российскими гражданами технологий реализации представлений о российской гражданской нации. Респондентам предлагалось проранжировать выделенные социально-культурные технологии и характеристики гражданского национализма. Было отмечено по 10 опций, среди которых представители социальных сил должны были проставить баллы от 1 до 10, где 1 – самый значимый, 10 – не значимо.

Характеристики гражданского национализма включали в себя: факт существования гражданства; сознательный (добровольный) выбор гражданства (и право на такой выбор); признание общности исторической судьбы с государством, знание его политической истории; правовая культура, основанная на знании действующих законов; признание важности равенства всех граждан перед законами данного государства; активное участие в формировании органов власти (участии в выборах); следование определенным культурным ценностям, традициям, нормам; признание за другими гражданами права следовать иным культурным традициям, нормам; признание права нации (государства и его граждан) на контроль над определенной территорией; удовлетворенность качеством жизни в России.

В круг социально-культурных технологий при анкетировании были включены: празднование государственных праздников, введение новых государственных праздников; социальная видеореклама; формирование благоприятного информационного поля в СМИ; образование (средняя школа): отечественная история, литература; образование (высшая школа): обязательное преподавание отечественной и зарубежной истории, основ безопасности и жизнедеятельности, основ государственности Российской Федерации, федерализма в России, этнополитологии; международные и другие массовые спортивные мероприятия; работа с исторической памятью: создание памятников и мемориалов госу-

дарственным и общественным деятелям, внесшим вклад в развитие российской государственности, проведение музейных выставок; театральные постановки; художественная литература; кинематограф: создание исторических фильмов и сериалов о наиболее значимых событиях в России. Как можно отметить, основной контент в продвижении идей гражданского национализма должен был быть направлен на развитие принципов толерантности, идей общей исторической судьбы и общей государственности.

В итоге стало возможным представить наиболее востребованные характеристики национализма у всех социальных групп. Такими характеристиками являются:

- факт существования гражданства;
- признание общности исторической судьбы с государством, знание его политической истории;
- правовая культура, основанная на знании действующих законов;
- признание важности равенства всех граждан перед законами данного государства;
- признание за другими гражданами права следовать иным культурным традициям, нормам.

Что касается наиболее востребованных форм продвижения идей гражданского национализма, то такими социально-культурными технологиями являются:

- празднование государственных праздников;
- социальная видеореклама;
- формирование благоприятного поля в СМИ;
- образование (средняя школа);
- образование (высшая школа).

Важно отметить, что лидирующие позиции заняло образование, как среднее, так и высшее. Именно в период обучения усваиваются наиболее значимые идеи гражданского национализма. Сознательный (добровольный) выбор гражданства (и право на такой выбор), следование определенным культурным ценностям, традициям, нормам, удовлетворенность качеством жизни в России не воспринимаются обществом в качестве приоритетных.

В региональном плане важную роль в консолидации социума (и в известной степени, интегрируя рассмотренные выше технологии) играет региональный брендинг. Он вызывает все возрастающий интерес, ему посвящаются монографии, конференции, специальные журналы (например, *Place Branding and Public Diplomacy*).

Ранее [Модернизация России: территориальное измерение, 2011; Тульчинский, 2013а] на материале отечественного и зарубежного опыта, включая обобщение опыта реализации проектов развития «моногородов», разработки и реализации ряда региональных и межрегиональных программ социально-культурного развития, были рассмотрены общие вопросы о роли и значении регионального брендинга.

Факторы и материал формирования региональных брендов достаточно хорошо известны и изучены:

- система ярких образов местности, архитектуры;
- места регулярных событий, привлекающих широкое внимание;
- лидерство региона в каких-то видах деятельности производства, науки, культуры и т.д.;
- высокие позиции региона в авторитетных рейтингах качества жизни, инвестиционной, туристической привлекательности;
- позитивность культурно-исторического наследия; местные традиции и колорит, включая питание;
- перспективы развития; привлекательный потенциал отдыха и развлечений; яркие слоганы... [Дини, 2013]

Не менее известны и технологии продвижения региональных брендов как off line, так on line [Котлер, Апслунд, Рейн, Хайдер, 2005]. Тем не менее принципиальные особенности регионального брендинга, порождающие как довольно острые проблемы, так и нетривиальные возможности его реализации, остаются малоизученными.

Так, принципиальной особенностью регионального брендинга является проблема собственности регионального бренда, который в отличие от товарных, корпоративных, персональных брендов, выступающих «идентификаторами собственности», таковой ясной и четкой принадлежности не имеет. Фактически бренды Барселоны, Парижа, Санкт-Петербурга, Сочи, Югры принадлежат широкому сообществу, включая местные власти, бизнес, организованную общественность, просто жителей. Все они выступают не только репрезентантами соответствующих брендов, но и их акторами.

Будучи технологией консолидации социума, региональный брендинг особенно важен как фактор преодоления ситуации общества и экономики недоверия, столь острой для современной России.

Общие рекламно-маркетинговые функции бренда применительно к регионально-кластерным брендам дополняются по следующим направлениям:

- позиционирование региона, агломерации в национальном и глобальном экономическом и социально-культурном пространстве;
- формирование его привлекательности как места работы и проживания;
- интеграция товарных брендов, производимых в данном кластере, в том числе с учетом культурно-исторического своеобразия региона;
- консолидация населения практически всех возрастов, проживающего и работающего на данной территории, формирование региональной идентичности, сопричастности развитию региона, его прошлому и будущему.

Тем самым экономика региона тесно увязывается с социальным и человеческим капиталом кластера. В единое целое увязываются производство, труд, социально-культурная среда, гражданская и культурная идентичность. В результате успешный брендинг региона (кластера) создает не только потенциал информационно-маркетингового продвижения, но и мощный мотивационный фон деловой активности, рынка труда. А сам конкретный кластер предстает как социально-экономическая и социально-культурная целостность.

Поэтому в региональном брендинге особую роль играет потенциал культурно-исторической памяти, закладывающей основы как внешнего публичного

капитала (известности и узнаваемости) региона, так и гражданской региональной идентичности.

Специфика регионального брендинга (городов, регионов, стран), помимо прочего, заключается в его «естественности». В отличие от товарных брендов, которые могут носить полностью искусственный характер, региональный брендинг должен учитывать географические, ландшафтные, климатические особенности данной местности, сложившееся значимое культурно-историческое наследие. При этом население территории выступает также не столько как целевая группа воздействия брендинга, сколько как социальный и человеческий капиталы его реализации.

Именно в этой связи можно говорить о колоссальном социально-экономическом, культуральном и даже политическом потенциале брендинга. Дело в том, что бренд региона, города не может разрабатываться какой-то одной инстанцией, например, усилиями одной только администрации или даже в рамках некоего государственно-частного партнерства. Хотя бы потому, что остальные бизнес-структуры, общественные организации могут делать свои брендбуки или просто не понимать и не принимать разработки власти. Для разработки полноценного регионального бренда и его продвижения необходимо участие всех социальных сил региона (стейкхолдеров): бизнеса, туристического сектора, инвесторов, науки, образования, культуры, спорта, активных граждан, даже (как показывает опыт Торонто) иммигрантов.

Бренд региона, города не может навязываться сверху, он может и должен формироваться, выращиваться только снизу, как совместная гражданская инициатива. Не в привязке к некоей кратковременной разовой кампании (например выборам), как «длинная идея», имеющая долговременную перспективу, открытая в процессе выработки своей реализации для новых участников.

Поэтому региональный брендинг предполагает широкий многовекторный диалог, координацию множества усилий «на пользу бренду» как общему делу. В противном случае как разработка бренда, так и сам ее результат могут быть не поняты, а то и отторгнуты, могут вызывать недоверие. Успешный же региональный брендинг принципиально предполагает доверие и сплоченность, участие и сопричастность всех носителей и участников продвижения бренда.

В этом плане выстраивание корректной процедуры брендинга может рассматриваться как технология консолидации социума и формирования идентичности его участников. И это важно на всех этапах брендинга.

Например, уже на стадии выработки общего видения региона, города: его преимуществ, ценностей, целей развития, его перспектив. Без консолидации отдельных представлений об этих факторах полноценный бренд превращается в некий «бумажный дизайн», не имеющий реальных перспектив. Поэтому уже на этой стадии важны вовлечение в процесс всех социальных сил, граждан, поиск согласования их интересов, их взаимодействия.

В связи с этим возглавлять и координировать региональный брендинг не может в одиночку никакая-то госструктура, компания или НКО. Зарубежный опыт показывает, что это в каждом случае конкретная форма партнерства, иногда нестандартного формата. Примерами могут служить Liverpool City Brand

Partnership, Edinburgh Marketing Alliance... Главное – создание некоей площадки постоянного диалога, участники которого готовы собираться и решать общие проблемы. Роль такой площадки по мере продвижения выработанного бренда может усиливаться в плане координации усилий, убеждения, что процесс идет в нужном направлении, своевременной корректировке и развитии концепции бренда. Но это уже также не менее конкретная и специфическая траектория институционализации выработанного и сложившегося регионального социального партнерства как предпосылки дальнейшего углубления консолидации социума.

В этой связи опять приходится акцентировать внимание на роли сферы культуры и ее профессиональной среды. Сфера культуры наряду со сферой образования работает с тем материалом, который обеспечивает консолидацию практически всех групп населения на основе общей культурно-исторической памяти: исторических событий, знаменательных и памятных дат, праздников, памятных мест и объектов, памятников культуры, библиотечных и музейных фондов... Речь идет о возможности консолидации населения не перед лицом врага или опасности, а на конструктивной позитивной основе.

С целью активизации этого потенциала Российский творческий союз работников культуры (РТСРК) в 2014 году выступил с проектом популяризации культурно-исторических составляющих региональных брендов России (регионов, городов). Целью проекта с условным названием «Чем гордимся, о чем мечтаем!» является пропаганда культурно-исторического наследия и достижений современной российской культуры, новых перспективных проектов в сфере культуры. Реализация проекта предполагается в два этапа (тура).

На первой – региональной – стадии объявляется конкурс на представление выдающихся культурных брендов (символов) региона по нескольким номинациям:

- природный и архитектурный объект культурно-исторического наследия;
- уникальное учреждение культуры (культурно-просветительное и образовательное учреждение);
- самое яркое культурное событие в регионе за последние три года;
- самобытные традиционные народные ремесла и промыслы;
- лучший творческий коллектив;
- наиболее яркий проект в области современного искусства;
- кулинарные традиции;
- человек, внесший наибольший вклад в культурно-историческое наследие региона;
- наиболее выдающийся из ныне живущих в регионе деятелей культуры и искусства.

Материалы на конкурс (не менее чем по трем номинациям) могут подавать любые субъекты культурной деятельности: государственные учреждения культуры, НКО и общественные организации, действующие в сфере культуры, творческие коллективы и инициативные группы, граждане и группы граждан, проживающие в данном регионе. Итоги первого этапа конкурса подводит жюри, учрежденное местным отделением РТСРК по согласованию с государственным

органом управления культуры данного региона. По итогам первого тура региональные оргкомитеты выносят на конкурс предложения по всем номинациям конкурса в формате видеосюжетов.

Второй – общероссийский – этап (тур) включает в себя презентации по каждой из номинаций на одном из федеральных телеканалов. Итоги подводятся специальным жюри, а также зрительским голосованием по каждой из номинаций. При этом будет учитываться увязка представленных брендов с экономической стратегией развития региона (города), транслируемый месседж, общий мифодизайн.

Реализация такого проекта не только будет способствовать активизации регионального брендинга на местах, но и создаст новые возможности наращивания потенциала конструктивной консолидации российского социума.

Литература

- Веселов Ю.В.* Доверие и справедливость. Моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект-Пресс, 2011. – 231 с.
- Дини К.* (ред.) Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 336 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
- Камаев А.С., Тульчинский Г.Л.* Ценностно-нормативная модель социогенеза как основа политического проектирования и политического маркетинга // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Ч.1. М.: РГГУ; ЛЕЛАНД, 2013, с.100–107
- Котлер Ф., Анслунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. СПб.: СШЭ в СПб, 2005.
- Модернизация России: территориальное измерение: коллективная научная монография / под ред. А.А. Нецадина и Г.Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2011. – 328 с.
- Рикер П.* Справедливое / пер. Б. Скуратова при участии П. Хицкого. – М.: Гнозис: Логос, 2005. – 304 с.
- Результаты опроса «Как сделать, чтобы русские стали успешной и счастливой нацией?» [<http://www.rosbalt.ru/main/poll/696/results/>]
- Тульчинский Г.Л.* Total branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: СПб ГУ, 2013а. – 280 с.
- Тульчинский Г.Л.* Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре // Человек, культура, образование. 2011, № 2, с.5–14.
- Тульчинский Г.Л.* Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза // Философские науки. 2013б, № 1, с. 24–38.
- Штомпка П.* Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. – 440 с.
- Hobsbawm E., Ranger T.* The Invention of Tradition. London, 2003. P.1–15.

УДК 316.72 : 316.774

Д.В. Оксюзьян

Сыктывкар

«Наследие»
№ 2 (5) (2014)

СОВРЕМЕННАЯ РЕКЛАМА С ПОЗИЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ П.А. СОРОКИНА

Автор статьи демонстрирует возможности изучения рекламы с позиции социологических представлений Питирима Александровича Сорокина.

Ключевые слова: реклама, типы логически интегрированных культур, механическое скопление культурных элементов, социальная стратификация и социальная мобильность, типы культурной интеграции, гуманизация человека, традиционные духовные ценности, обретение способности к самоконтролю.

D.V. Oksuzyan. Modern advertising from a position of P.A. Sorokin's sociological conceptions

The author demonstrates the possibility of studying advertising from the perspective of sociological conceptions of P.A. Sorokin.

Key words: advertising, types of logically integrated cultures, mechanical accumulation of cultural elements, social stratification and social mobility, types of cultural integration, humanization of a personality, traditional spiritual values, acquisition of the ability for self-control.

Этимология слова «реклама» (от латинской производной *reklamare* – «кричать», «выкрикивать») подчеркивает, что ее главная функция – обеспечивать передачу информации в вербальных каналах социальной коммуникации. Выступая в роли одного из ведущих каналов в системе маркетинговой коммуникации, рекламные тексты появляются во всех общественно значимых местах. Одним из основных психологических методов воздействия на массовую аудиторию является убеждение, которое основано на апелляции к ценностям и мотивам человека, лежащим в основе принятия решений по совершению тех или иных действий [Орлова, 2008, с.179–181].

В качестве ведущего звена маркетинговых коммуникаций реклама – это информация, распространяемая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. По сути своей реклама – это приглашение купить конкретный товар, призыв к действию, своеобразная агитация. Конечной целью рекламы является воздействие на общественное мнение.

Гносеология рекламы восходит к началу знаково-символической деятельности человека, когда появилась социальная технология презентации личности

и группы с помощью знаков и символов, а фактически – система наглядной маркировки социально значимых свойств объекта (тотемы, амулеты, раскраска тела, татуировки и т.п.). Сохранились многочисленные рекламные объявления античной эпохи. «Чтоб глаза сияли, чтоб алели щеки, чтоб навеки сохранилась девичья краса, разумная женщина будет покупать косметику по разумным ценам у Эклипгоса», – выкрикивали глашатаи на улицах Афин. В Средневековье особое развитие получила имиджевая реклама личности и различных объединений. Ее наиболее развитой системой стала геральдика. В Новое время развитие рекламы шло параллельно с развитием печати и других технологий массовой коммуникации. В начале XVII века появилась реклама в газетах, в XVIII веке – в журналах. Цветные рекламные плакаты увидели свет в 60-х годах XIX века (после изобретения хромолитографии). Первый рекламный фильм был снят в 1898 году в Париже (мыло «Санлайт»). В 1920 году в Питсбурге (США) в эфир вышла первая радиореклама, в 1939 году в Нью-Йорке состоялся первый показ рекламы по телевидению. Сейчас бурно развивается интернет-реклама. XX веку свойственны были долгосрочные рекламные кампании, внесшие вклад в мировую культуру [Савельева, 2003, с.693].

Как показал П.А. Сорокин, меняющиеся ценности и мотивы, цели и потребности людей составляют основу ментальности чередующихся и растворяющихся друг в друге «идеационального» и «чувственного» типов логически интегрированных культур. Пришествие в средние века идеациональной ментальности знаменовалось: 1. Восприятием реальности в качестве нематериального и непреходящего Бытия. 2. В основном духовными целями и потребностями индивидов. 3. Достижением высочайшего уровня степени их удовлетворения. 4. Добровольной минимизацией большинства физических потребностей. При этом возможна полная отрешенность от собственного тела и от чувственного мира – такими чертами характеризуется *аскетический идеационализм*. При *активном идеационализме* реализация жизненных целей происходит не только путем минимизации телесных потребностей и бегства от мира. Индивиды прикладывают усилия для преобразования социокультурного мира в направлении духовной реальности и целей, избранных в качестве основной ценности, – спасение своих душ и душ других людей и максимальное приближение их к Богу.

Приход современного общества в точку расцвета чувственной ментальности отмечается тем, что люди считают реальностью только то, что воспринимаемо их органами чувств. Чувственная культура не верит ни в какую сверхчувственную реальность и не ищет ее. Потребности и стремления носителей чувственной ментальности в основном физические, и люди готовы на все, чтобы эти потребности в наивысшей степени удовлетворить. Способ реализации этих потребностей заключается в преобразовании или эксплуатации внешнего мира. Доминирование пассивного «эпикурейства» характеризуется стремлением удовлетворять потребности и достигать цели не путем внутреннего преобразования «себя» и не путем эффективного реконструирования внешнего мира, а путем паразитической эксплуатации и утилизации внешней реальности в том виде, как она есть, рассматриваемой всего лишь как средство для получения удовольствий. В то же время активное «эпикурейство» ищет удовлетворение

своих потребностей и достижение жизненных целей на пути наиболее «эффективного» преобразования, настройки, перестройки и реконструкции внешней среды. Преобразование неорганического и органического мира (технология, медицина и прикладные науки), культуры и общества является орудием этого вида ментальности [Сорокин, 2006, с.61–66].

Два типа ментальности (если не рассматривать промежуточный «идеалистический») всегда сосуществуют в общественной жизни при доминировании одного из них. Сегодня реклама причудливо отражает многогранность желаний, потребностей, ценностей, идей современного человека, которые в целом соответствуют определенному критериальному набору чувственной культуры.

Рекламные фирмы занимаются изготовлением световой наружной рекламы и световым праздничным оформлением городов. Размещают информационные стенды, монтируют декоративные установки, создают интуитивно-удобную навигацию в больших торговых павильонах. Цветовой ряд исполненных работ дает возможность мысленно оказаться перед иконостасом и представить внешнее оформление музея. Постоять у подножия декорированного Поклонного креста и увидеть праздничное оформление конференц-залов и отдельных видов автотранспорта. В продукции рекламной мастерской наблюдаются, таким образом, стремительные, взаимно пересекающиеся переходы из «идеационального» в «чувственный» тип культуры.

Современная реклама пестрит многообразием выбора не только конкретных вещей, но и сувенирных, символических – от настольных флажков и значков до элитной продукции (одежды, мебели, автомобилей). Потенциальный покупатель способен осуществить межпрофессиональную стратификацию – ощутить себя и государственным служащим, и спортсменом, и журналистом, и коллекционером. Такой человек легко будет пользоваться открытым, пластичным, проницаемым или мобильным типом социальной стратификации, не застревать подолгу на одном «социальном этаже», а при помощи огромнейших лестниц передвигаться «вверх и вниз», зачастую даже не отрываясь от своего насиженного «геометрического пространства». Как не вспомнить в этой связи отдельные положения «Социальной стратификации и мобильности» П.А. Сорокина [Сорокин, 1992, с.297, 377]. Моментальная воображаемая возможность продвижения по карьерной лестнице впечатляет. Награда за приобретение такой продукции является почти всегда гарантированной. Однако ее эффективность будет соизмерять сам покупатель по силе удовлетворенности тех потребностей, которые он испытывал до совершения той или иной покупки.

Часто рекламные полосы газет, стенды, баннеры, листовки представляют механическим скоплением культурных элементов. На самом деле подобный феномен является, по учению П.А. Сорокина, одним из типов культурной интеграции. Подобное объединение является более тесным, когда ряд элементов культуры граничат в пространстве. На первый взгляд они не имеют функциональной или логической связи, однако связываются друг с другом благодаря соединению с неким общим фактором – с климатическими особенностями или с фольклорными традициями, – внешним по отношению к ним обоим. Подобный культурный синтез признается реально существующим, когда «устранение

одного из важных элементов заметно влияет и на структуру, и на функции всего синтеза. Когда отдельный элемент, будучи перенесен в совершенно иную комбинацию элементов, или не может существовать, или должен радикально измениться, чтобы стать ее частью» [Зюзов, 2005, с. 125].

Из нашей повседневной жизни очень трудно устранить как повсюду выкрикиваемые текстовые, так и цветочные, слуховые сочетания навязчивой рекламы. Зачастую реклама является тем культурным синтезом, который не столько способен обеспечить действительно необходимым товаром, сколько имеет целью заглушить невротическую тревогу людей по поводу отсутствия в быту той или иной вещи или продукта питания. Желание производителей и предпринимателей удовлетворить самые экзотические и необычные потребности очень часто приводит к тому, что реклама становится средством или «заставить людей нуждаться в том, о чем они раньше не слышали», или «фантазировать об обычном предмете в извращенной форме»* [Афоризмы...]. В то же время встречаются случаи естественного отказа от подобного вида рекламной информации. Посетителям некоторых сайтов в Интернете предлагается самостоятельно совершить определенный набор действий для устранения рекламного текста или видеоматериала из поля зрения. 5 сентября 2013 года «Российская газета (неделя)» рассказала об усилиях, предпринимаемых сотрудниками департамента СМИ и рекламы города Москвы для устранения некачественной рекламы. Результатом стало исчезновение 2,5 тыс. безвкусных рекламных растяжек, снятие 2 тыс. панно со зданий и 28 тыс. вывесок с заборов [Мелешенко, 2013, с. 5].

Широко известная пирамида «базовых потребностей человека» в учебниках по маркетингу предстает как методологическая основа деятельности специалистов по рекламе. Пирамида потребностей делится на пять частей по высоте. Каждая часть (снизу вверх) символизирует пять главнейших устремлений человека – физиологические потребности, инстинкт самосохранения, сексуальные потребности, социальные и самосовершенствование. Этой схемой рекомендуют пользоваться рекламные деятели, чтобы затрагивать в процессе своей деятельности возможность удовлетворения этих «главных» потребностей, создавать новые и новые желания. Нет необходимости говорить о том, что в перечень потребностей входят и те, которые с точки зрения религиозной традиции расцениваются как «греховные». Получается, что рекламодатели специально ищут «слабые места» человеческой природы и прицельно бьют по ним. Даже термины, которыми пользуются специалисты по рекламе, звучат агрессивно: «внедрить в сознание», «манипулировать», «создать мислевиррус», «психологическое воздействие», «заставить человека захотеть», вплоть до гипноза и нейролингвистического программирования.

В условиях современной России развитие чувственной культуры достигло своего апогея и продолжает эволюционировать благодаря предоставлению все более комфортных условий для жизни. С одной стороны, согласно воззрениям П.А. Сорокина, человечество должно быть благодарно чувственной культуре за ее замечательные достижения. С другой – эти достижения дали человеку

* По мнению финского писателя и журналиста Марти Ларни (1909–1993) и с точки зрения советского специалиста в области юриспруденции Рауиля Аллеева (р. 1963).

ужасающую власть над природой, обществом и культурой, не обеспечив его ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами и инстинктами. Поэтому в руках такого человека чувственная культура – со всеми достижениями науки и техники – становится чрезвычайно опасной как для него самого, так и для всех его ценностей.

Понятно, что выход из создавшегося положения заключается не в тотальном отказе от рекламы, а в соблюдении рекламной этики. Реклама может и должна нести добро. Вместе с товаром или услугой важно пропагандировать социально значимые идеалы, например, идеал многодетной семьи, здоровый образ жизни, любовь и милосердие, взаимопомощь и поддержку по примеру многих русских дореволюционных промышленников и меценатов. Не нужно исключать того, что реклама со знаком «плюс» будет лучше запоминаться и способствовать более успешной реализации товаров или услуг. Важно помнить: сфера рекламы – это сфера, которая пересекается с искусством, творчеством и с деловой этикой [Шарапов, Улыбышева, 2011, с.276–277, 279, 280–281, 285].

В связи с этим совершенствование многих сфер жизнедеятельности российского общества, в том числе и рекламного бизнеса, желательнее осуществлять на основе консерватизма, т.е. путем возвращения к традиционным духовным ценностям. На основе этих ценностей Россия сможет определить цели, идеалы, перспективу общественного развития. Найти подобную систему ориентиров и ценностей – значит обрести смысл исторического существования. Это станет свидетельством реального перехода общества от чувственной культуры к культуре идеациональной или идеалистической. Гуманизация человека, как писал П.А. Сорокин в своей книге «Главные тенденции нашего времени», должна стать средством кардинального изменения общественной жизни, и реклама может сыграть в этом процессе не последнюю роль.

Литература

- Афоризмы о рекламе / Рекламное агентство «Креативный Север» в Сыктывкаре [<http://reklamark.ru/statya-3.shtml>].
- Зюев Н.Ф. Философия Питирима Сорокина. Сыктывкар: Эском, 2005.
- Мелешенко А. Рекламы меньше – денег больше // Российская газета (неделя). 5 сентября 2013 г., № 6174(198).
- Орлова Т.М. Реклама. Маркетинг // Большой толковый словарь. М.: Омега-П, 2008. – 261 с.
- Савельева О.О. Реклама. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 2003. – 863 с.
- Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность / Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
- Шарапов С., Улыбышева М. Реклама со знаком «плюс» / Бедность и богатство. Православная этика предпринимательства. М.: Ковчег, при участии АНО «ПЕРЕПРАВА», 2011. – 416 с.

ИМЯ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

УДК 316.2 (092)

В.И. Бочкарёва
Санкт-Петербург

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СОЦИОЛОГИ-СОВРЕМЕННОКИ (Н.И. КАРЕЕВ – П.А. СОРОКИН)

В статье анализируются взгляды отечественных социологов этико-социологического (Н.И. Кареев) и бихевиористского (П.А. Сорокин) направлений на фундаментальные теоретико-методологические проблемы социологии по созданию «общей» научной теории об изучении социальных явлений.

Ключевые слова: этико-социологическая («субъективная») школа, позитивизм, неопозитивизм/бихевиоризм, «принцип личности», понимание, «методологический монизм», «методологический плюрализм», символическая форма взаимодействия.

V.I. Bochkareva. Domestic sociologists-contemporaries (N.I. Kareev – P.A. Sorokin)

The article analyzes the views of domestic sociologists of ethical and sociological – N.I. Kareev and behaviorist – P.A. Sorokin schools on fundamental, theoretical and methodological problems of sociology in creating «basic» scientific theory to study social phenomena.

Key words: ethical and sociological («subjective») school, positivism, neopositivism/behaviorism, «principle of personality,» understanding, «methodological monism», «methodological pluralism», symbolic interaction.

Возникновение и развитие «новой науки» – социологии – в России сопровождалось сложным процессом становления социологического сообщества. Этот процесс занял относительно короткий отрезок времени (середину 60-х годов

XIX – начало 20-х годов XX века). При отсутствии профессионального социологического образования* это сообщество формировалось в 60-е годы в сфере передовой журналистики, «более научной, чем публицистической» [Кареев, 1996, с.354], а в 70-е – в академической, университетской среде, особенно интенсивно на юридическом, историческом и философском факультетах. Университетские ученые («молодая профессура»), занимавшиеся социологией, использовали для ее пропаганды преподавательскую, издательскую деятельность, в том числе и прогрессивные органы периодической печати: «Отечественные записки», «Знание», «Дело», «Критическое обозрение», «Юридический вестник» и др. В целом социологическое сообщество было представлено различными теориями, школами, направлениями, стадиями развития со сменой теоретико-методологических установок (позитивистской, неокантианской, неопозитивистской/бихевиористской).

Рост социологической литературы (статей, монографий, рецензий, переводов работ зарубежных социологов), полемика в печати, научные дискуссии при обсуждении докладов, диссертаций свидетельствовали не только о борьбе мнений в этом сообществе, но и об эволюции взглядов социологов и их ориентации, по сути, на фундаментальные, базовые проблемы социологии, на общетеоретическую интеграцию разных теоретико-методологических позиций.

Н.И. Кареев, сам активный участник процесса становления социологии, был лично знаком с представителями разных школ, направлений по совместному участию в издательской, преподавательской деятельности в процессе институализации социологии. Он подчеркивал, что социология, как особая самостоятельная наука, прежде всего «требовала» создания «общей теории общественного бытия и развития» и решения чисто социологических вопросов «в области методологии новой науки» [Кареев, 1996, с.47].

В этом сложном процессе формирования социологического сообщества мы выделяем контакты между «молодым социологом» неопозитивистского, бихевиористского направления П.А. Сорокиным, имя которого уже было известно в российских научных кругах, и «патриархом» российской социологии Н.И. Кареевым, чья научная деятельность была основана на знании процесса развития социологии в России и на Западе. Он часто бывал в зарубежных командировках для работы в архивах, чтения лекций и докладов, в том числе и в «Вольной русской школе общественных наук», организованной М.М. Ковалевским при участии Е.В. Де Роберти и Ю.С. Гамборова, дважды принимал участие в работе Международных социологических конгрессов в Париже. Отечественные социологи считали Кареева основоположником «русской традиции» в социологии.

В.П. Золотарёв в статье «Н.И. Кареев и П.А. Сорокин», опубликованной в 2013 году в журнале «Наследие», анализирует личные отношения и прочные научные связи Кареева и Сорокина [Золотарёв, 2013, с.78–89]. В развитии этой темы в настоящей статье речь пойдет о контактах, полемике Кареева и Сорокина в контексте их разного теоретико-методологического подхода к созданию

* В России официально преподавание социологии как самостоятельной науки в учебных заведениях было разрешено только после февральской революции. В 1918 году на заседании Социологического общества К.М. Тахтарев выступил с сообщением о введении преподавания социологии в высших и средних учебных заведениях. К 1921/1922 учебному году «буржуазная социология» была изъята из системы образования.

общей социологической теории и решению ее методологических задач. О теоретико-методологической полемике виднейших российских социологов свидетельствуют их публикации (монографии, статьи, рецензии), отчет о научном диспуте по работе Сорокина «Система социологии» и критические рецензии на эту работу его оппонентов.

Кареев относил себя к «пионерам» социологического знания в России, к представителям «этико-социологического» направления, в котором позитивизм представлен «в более широком» его понимании, и возражал против получившего в России ее названия «субъективная социология» за применение ею «так называемого субъективного метода».

Он считал, что о «субъективной социологии» можно говорить, когда она принимает «какую-либо профессиональную, конфессиональную, партийную и т.п. окраску». Это «пристрастие», «вплоть до пристрастия к отдельным личностям в истории», противоречит научности социологии [Кареев, 2008, с.389]. Применительно к социологии как научной дисциплине это означает, что «не должно быть разных социологий в Англии или Франции, у буржуазии или пролетариата, у консерваторов или радикалов, ибо социология может быть только одна: научность ее зависит от ее соответствия с действительностью, а не от того, насколько она совпадает или не совпадает с национальными особенностями и стремлениями англичан и французов, с традициями и интересами того или иного класса, с принципами и программами той или другой партии» [Кареев, 2008, с.397–398].

Что касается «субъективного метода», то в науке, в том числе и в социологии, такого «метода» исследования не существует, сам термин «субъективный метод» необходимо устранить, поскольку он только вносит «путаницу» в социологическую методологию. Фактически речь идет о фундаментальных теоретико-методологических проблемах социологического знания – о специфике объекта социологии, социального («надорганического», «особого») мира. В этом мире социальные явления кроме формы имеют свою «материю», в их формировании и изменении задействованы реальные личности как познающие и созидающие субъекты взаимодействия со своими потребностями, чувствами, стремлениями, и социология не может игнорировать этот совершенно реальный «факт» (а не «метафизическую сущность»), что требует от исследователя «понимания социальных явлений». Причем речь не идет о полной свободе в деятельности личностей, исключаяющей «необходимость» воздействия на нее социальных форм. «И зависимость личности от общества, и воздействие общества на личность могут быть и большими, и меньшими, смотря по личности и по обществу, смотря по свойствам данного отношения. Нет только личности, абсолютно независимой от общества; нет только общества, абсолютно поглощающего личность. Личность и общество находятся в непрерывном взаимодействии: одно другим обуславливается, определяется, создается» [Кареев, 2008, с.397–398, с. 341,515].

Кареев и в своих историко-философских книгах и статьях «при всяком удобном случае» высказывался против всякого “незаконного” субъективизма, какой бы ни был его источник: вероисповедный, национальный, партийный, классовый, высказывался во имя требования научного объективизма и единственно признаваемого ... субъективизма этического, не обрекая этим, однако, историю на морализирование» [Кареев, 1990, с.250].

А в области истории свой интерес к крестьянскому вопросу и Французской революции он объяснял тем, что крестьянский вопрос имел большое значение для России после освобождения крестьян, а интерес к Французской революции тем, что «рано или поздно и у нас должна произойти революция» [Кареев, 1990, с.250].

Название «этико-социологическое» направление (школа) было предложено С.Н. Южаковым, поддержано и использовано Кареевым [Бочкарёва, 2011, с.19–28].

Позитивизм в «более широком его понимании» Кареев аргументировал, ссылаясь на «основоположника» социологии О. Конта.

В России запрет на работу Конта «Курс позитивной философии», писал Кареев, «был так определен, что даже в близкое к нам время было трудно его достать», а его совсем «ненаучная» «Система положительной политики» «бросила подозрительную тень на весь позитивизм» [Кареев, 1996, с.30]*.

В 1898 году столетняя годовщина со дня рождения Конта отмечалась в Петербургском университете на заседаниях Исторического общества, где с речью выступил Кареев, и Философского общества, где выступил В.С. Соловьев.

В своей магистерской диссертации 1874 года «Кризис западной философии» Соловьев резко нападал на позитивизм Конта. И в речи по случаю его 100-летнего юбилея он подчеркивал, что у него нет причин раскаиваться в этом, поскольку позитивизм как «умственная мода» охватил тогдашнее общество, к тому же выдавая «за целого Конта» только «первую половину его учения», изложенную в «Курсе». В 1890-е годы Соловьев вновь взялся за изучение Конта, особенно его «Системы», и его мнение о Конте несколько изменилось. (С позиции «положительного всеединства» он считал, что совершенством контовского «Великого Существа» (человечества) может быть богочеловечество, а идея прогрессирующего человечества не может заменить идею абстрактной сущности.)

Несмотря на различие во взглядах социолога Кареева и религиозного философа Соловьева на оценку творчества Конта**, их объединяло одно – оба называли Конта «великим мыслителем», выделяя значимость его «целого учения», и не считали, что «Система позитивной политики» противоречит его «Курсу». Сам Конт говорил о своих работах как о единстве «дела его жизни», и российские мыслители были с ним согласны, они это единство признавали.

* Работа Конта «Курс позитивной социологии» имела русский перевод «Курс положительной философии». Опубликовано 1-й и 2-й тома этой работы (СПб.: Экон.Тип.1899–1900). «Система позитивной политики», Т.1.Ч.1 опубликована в 1910 г. (Родоначальники позитивизма. СПб.: Изд. «Брокгауз-Ефрон». Вып.2).

** С Соловьевым Кареев был дружен, они вместе учились в московской гимназии и университете, где Кареев слушал лекции по русской истории его отца – «знаменитого С.М. Соловьева». Вместе они преподавали в Петербургском университете, редактировали «Большой Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, в котором публиковали свои статьи. Так, Соловьев опубликовал в словаре большую статью о Конте. Но они по-разному относились к религии, а Кареев не позволял себе чем-либо оскорбить религиозное настроение Соловьева. У Кареева отсутствует обращение к религиозному компоненту контовской «Системы», так как, по его признанию, еще в 6-ом классе гимназии совершился «перелом» в его мировоззрении – «полное исчезновение из него всякой мистики и романтизма и замена их самым “трезвым реализмом”». Но у него «сохранилось уважение к религии как к культурному явлению, могущему иметь и часто имеющему моральную ценность, а также к религиозному чувству других, к свободе человеческой совести» [Кареев, 1990, с.105–106, 107].

Последователи Конта (и в России, и на Западе) разделились на два лагеря: одни признавали только «Курс», другие – «Курс» и «Систему», т.е. «целого Конта». Так, Кареев считал его «Систему» тем необходимым «дополнением», в котором заключается «сущность позитивизма», и все свои крупные работы по социологии и истории российской социологии («Введение в изучение социологии», «Общие основы социологии», «Основы русской социологии») начинал с критического анализа взглядов Конта.

Позитивизм в «Курсе» Конт обосновывал тем, что социология как наука должна изучать общество так же, как естественные науки изучают явления природы, – «объективным методом», на основании фактического материала. Это обоснование было новым, так как до появления социологии считалось, что между естественными науками и обществознанием существует пропасть. В «Системе», по словам Кареева, Конт «прибег к другому способу мышления, дав ему название “субъективного метода”, что было не чем иным, как творчеством моральных и социальных идеалов» [Кареев, 1996, с.37–38]. Применение термина «метод» и в первом, и во втором случае оказалось неудачным, и «понятия методов объективного и субъективного» внесли «особенную путаницу в социологическую литературу» [Кареев, 2008, с.227]. (Сам Конт считал, что при изучении общественных явлений необходимо использовать «сравнительный метод», частный его вид – «исторический метод», наблюдение и эксперимент.)

В «Системе» Конт обратился к специфике общества как «социальной системы», «социального организма», существующего реально только в полноте «духовно-телесной жизни». Цельность общества и его порядок обеспечиваются не только внешним единством, но и внутренней («субъективной») связностью. Внешнее, объективное единство общества реализуется в статическом и динамическом его существовании. Внутренняя, существенная, «субъективная» связность («социальная душа») общества, человечества обеспечивается психической связностью между людьми, социальным чувством и его высшей формой («принципом») – действенным альтруизмом. Эпиграфом «Системы» Конт поставил слова: «Любовь как начало; порядок как основание и прогресс как цель». Социальное чувство, проявляясь в действиях и результатах деятельности людей, делает общество реальным явлением, к которому применимо научное объяснение.

Эта идея привлекла внимание российских социологов, прежде всего этико-социологического направления, в том числе и Кареева. Однако они пошли дальше. «Общая теория общественного бытия и развития» с ориентацией на «цельное, системное» знание о социальном мире должна учитывать не только социальное психическое взаимодействие между людьми в обществе, но и «принцип личности», значимость отдельной человеческой личности – носительнице всех психических переживаний. Разработка «принципа личности» меняла онтологические представления в социологии о социальной реальности. В методологическом плане речь шла о необходимости дополнить «объясняющую» социологию «понимающей» и использовать при исследовании социальных явлений не только количественные, но и качественные методы исследования, интроспекцию. В свою очередь, интерес к человеческой личности требует от исследователя не только теоретического, но и этического к ней отношения [Бочкарёва, 1998, с.131–143].

Аргументация в пользу «принципа личности» в социологии обосновывалась тем, что личность не является исключительно частью, подчиненной целому, средством, которым пользуется общество, осуществляя некое объективное стремление своей природы. От состояния личности, ее сознания, чувств, воли, как и от условий ее существования, зависит сам процесс социального (практического и психического) взаимодействия и результаты этого взаимодействия. Свобода, человеческое достоинство, потребности, инициатива, независимость, уровень сознания, волевые процессы как признаки психического состояния личности оказались в центре внимания российских социологов.

Интерес к личности проявляли представители не только этико-социологического, но и позитивистского, натуралистического направления. Кареев в рецензии на книгу А.И. Стронина «История общественности» [СПб., 1885] писал, что и Стронин «дает известное место принципу личности в своей теории. Человек для него не “особь”, не “индивидуум” только, не простая “клеточка” социального организма, не просто носитель культурных форм, но именно личность». Правда, замечает Кареев, он эту идею в своей книге не развивает [Кареев, 1886, с.116].

Кареев считал, что социологические теории, которые не достаивают «своим вниманием человеческую личность, могут, пожалуй, гордиться своим объективизмом, но в этом объективизме нет большой заслуги. Напротив того, он искажает представление о социальной действительности, отнимая у нее то, что придает ей наибольший интерес. Если в социологическом субъективизме, дополняющем собою объективизм, проявляется этическое отношение к личности, взятое в положительном смысле, то социологический объективизм, требующий устранения такого субъективизма, заключает в себе этическое отношение к личности уже чисто отрицательного свойства, т.е. прямо несправедливое отношение к личности, именно приравнивая ее к вещи, что и теоретически неверно» [Кареев, 2008, с.395–396].

Теоретико-методологическая позиция Кареева в социологии стала формироваться рано. До поступления в университет под влиянием работ Писарева он знакомился с сочинениями по естествознанию, работами Ч. Дарвина, В. Вундта и «общими идеями Конта». В студенческие годы его внимание «сосредоточилось» на изучении социологии и философии истории. Он «штудировал» работы не только западных ученых (Ч. Дарвина, Т. Вайнца, Э. Тейлора), но и российских социологов (П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, В.В. Лесевича, С.Н. Южакова), что и приучило его «относиться критически к модным иностранным теориям» [Кареев, 1990, с.131–132]. В университете он выступал с критикой социальной динамики Конта как процесса «спонтанно-эволюционного», происходящего произвольно, непреднамеренно («самотеком»).

Когда после окончания университета Кареев 4 года (1873–1877) «учительствовал» в 3-й московской гимназии, он и там пробовал «пропагандировать» позитивизм и однажды вкратце изложил ученикам «основные идеи Конта» [Кареев, 1990, с.136].

В дальнейшем в своей преподавательской деятельности Кареев активно использовал социологию. Так, по отзывам Н.С. Тимашева, который слушал лекции Кареева по истории в Александровском лицее, эти лекции читались «на явно ощутимой социологической основе» [Тимашев, 1994, с.124]. В.М. Хвостов

отмечал, что Кареев делал предметом изучения «социологический тип, под который можно подвести известное количество отдельных общественных организаций, данных в истории» [Хвостов, 1917, с.331]. Историк и культуролог Н.П. Анциферов, вспоминая годы учебы на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1909–1915), пишет, что университет в эти годы переживал подъем, а «его кафедры были заняты выдающимися учеными, которыми гордилась русская наука». Он называет имена этих ученых: Н.О. Лосский, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Л.И. Петражицкий, М.И. Туган-Барановский, А.С. Лаппо-Данилевский и др. Лекции профессора Кареева по новой истории отличались тем, что их автора «интересовали обобщенные социологические схемы... и конкретные исторические факты, которыми он подкреплял свои схемы» [Анциферов, 1992, с.163]*.

Теоретико-методологическая позиция Сорокина также формировалась в студенческие годы.

Сорокин приехал в Петербург в 1907 году с целью поступить в университет. Но для этого предварительно требовалось сдать экзамены за восемь классов гимназии. Решить эту проблему ему помогла учеба на Черняевских вечерних курсах, куда он поступил при содействии профессора К.Ф. Жакова («первого из коми, получившего звание университетского профессора»). С 1906 года на вечерних курсах лекции читали по университетской программе известные профессора: С.А. Венгеров, В.М. Бехтерев, Н.Е. Введенский, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, К.Ф. Жаков и др. Здесь состоялось знакомство Сорокина с Кареевым, который «с удовольствием читал общеобразовательные исторические курсы» на этом «университетском отделении» [Кареев, 1990, с.252].

После окончания курсов и сдачи экзаменов Сорокин в 1909 году поступил в частный Психоневрологический институт, созданный по инициативе В.М. Бехтерева. При активном участии М.М. Ковалевского в институте было организовано преподавание университетского типа с чтением курсов лекций по социологии. М.М. Ковалевский, по замечанию Кареева, видел в этом «как бы возобновление своей Парижской вольной высшей школы» [Кареев, 1990, с.253]. Кареев в институте занимал должность декана словесно-исторического отделения, но лекций не читал (из-за «дальности расстояний»), а ограничился организацией преподавания и заполнением преподавательских вакансий с привлечением видных профессоров.

Сорокин в первый год учебы обратил на себя внимание активным участием в семинарских занятиях, общением с преподавателями на консультациях при обсуждении научных проблем. У него сложились хорошие отношения «с основателем института, всемирно известным психологом и психиатром В. Бехтеревым и всемирно признанными лидерами мировой науки М.М. Ковалевским и Е. Де Роберти, специалистами в области социологии, антропологии, философии и экономической истории. Эти дружеские отношения окрепли в последую-

* Анциферов, который поддерживал отношения с Кареевым и после окончания университета, называл его такими характеристиками «жреца науки»: «Прямой и искренний, безукоризненно честный, он верил в науку как высшее, что создано культурой». Дочь Кареева рассказала ему о последнем часе жизни отца: «Последние слова Кареева были из “Вакхической песни” Пушкина: “Да здравствует солнце, да скроется тьма!”» [Анциферов, 1992, с.164–165].

щие годы и привели к тесному научному сотрудничеству, длившемуся до самой смерти выдающихся ученых» [Сорокин, 1992а, с.54–55]. Это научное сотрудничество оказало влияние на формирование теоретико-методологической позиции Сорокина, как и влияние Л.И. Петражицкого, особенно в университете.

Поступление на юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1910 году, помимо «нежелания быть призванным в царскую армию» (от призыва освобождались студенты только университетов, а не частных институтов) и невозможностью оплачивать учебу, Сорокин объяснял тем, что на юридическом факультете, «несмотря на отсутствие официального признания социологии как науки, многие социологические проблемы обстоятельно рассматривались в лекционных курсах, посвященных праву, экономике, теории и философии истории, политическим наукам, криминологии, этнографии и т.д.».

В студенческие годы он изучал «классические труды по социологии» западных авторов (Э. Дюркгейма, Г. Тарда, Г. Зиммеля, М. Вебера, В. Парето и др.) и особенно выделил «дружеское руководство» его занятиями в университете со стороны Л.И. Петражицкого и М.М. Ковалевского, у которого он получил должность секретаря и ассистента в исследовательской работе. Кроме того, он получил предложение быть соредактором сборника «Новые идеи в правоведении» (от Л.И. Петражицкого), журнала «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (от В.М. Бехтерева) и предложение Е.В. Де Роберти быть соредактором сборника «Новые идеи в социологии».

В «краткой хронике своей студенческой жизни» Сорокин не упоминает имени Кареева, однако о его знакомстве с социологическими работами последнего и их высокой оценке свидетельствует его статья 1912 года «К основанию социологической секции Исторического общества при СПб. Университете», где он в ряду известных социологов Запада – Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, О. Вормса, А. Фулье и др. – называет и российских социологов – М.М. Ковалевского, Е.В. Де Роберти, Л.И. Петражицкого, Н.И. Кареева [Сорокин, 2000, с. 22].

Но теоретико-методологическая позиция Сорокина уже была ориентирована на бихевиоризм и, по его словам, представляла собой «разновидность эмпирического неопозитивизма или критического реализма, основывающегося на логических и эмпирических методах познания» [Сорокин, 1992а, с.55–56, 57]. Эти основания базировались:

- на позитивизме Конта с требованием развивать социологию по модели естественных наук и обоснованием их методологического единства – исследованием объективного, причинного объяснения явлений – «сущего» (внешне наблюдаемых явлений), а не «должного»;

- на «объективной психологии», «рефлексологии» Бехтерева – науки, направленной на изучение «внешних явлений – актов и поведения человека». Подобное развитие психологии, по Сорокину, происходит «и в Англии, и в Америке» и оказывает влияние на социологию как науку «без всякой субъективной психологии» [Сорокин, 2000, с.184];

- на «социологизме» Дюркгейма с его требованием изучения социальных явлений как «предметов», действующих принудительно на индивида, и определением индивидуального сознания как феномена по своей природе «насквозь» социально детерминированного;

- на классификации психологического взаимодействия Де Роберти, который «с дидактическими целями и в генетической постановке вопроса» выделил в этом взаимодействии стадию психофизическую и психологическую (коллективную, поскольку индивидуальная психология по своей природе есть психология коллективная).

Свою позицию Сорокин реализует во всех работах русского периода.

За время обучения в 1914 году он опубликовал свой «основательный труд» «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали». Предисловие к этой работе написал М.М. Ковалевский и особо подчеркнул, что ее автор исследует эмпирический материал с «тем научным беспристрастием», которое свойственно представителям естественных наук и «редко встречается в сочинениях по обществоведению».

В этой работе, а затем и в «Системе социологии» Сорокин обращается к обоснованию психологической тематики в социологии. Он согласен с Г. Тардом, М.М. Ковалевским, Е.В. Де Роберти в том, что область социологии определяется следующим образом: «Все процессы взаимодействия, обладающие психической природой, совершенно независимо от того, между кем или чем они совершаются, представляют социальное взаимодействие и тем самым являются объектом социологии» [Сорокин, 1992б, с.37]. Недостаток этого определения – неясность понятия психического в социологии.

Социология, по Сорокину, заявляя о психической природе социальных явлений, имеет дело только с внешней, символической природой этих явлений, не с внутренними, «непредметными», индивидуальными переживаниями, а с сознательными внешними признаками психического взаимодействия в «символической форме» (с психикой, уже включающей сознание и «реализовавшейся», «застывшей» во взаимодействии). Эта «застывшая» психика объективируется в звуковой, цветовой, предметной, двигательной символизации, выполняя роль «проводников», стимулов передачи акций-реакций во взаимодействии, и им необходимо подчиняться как необходимости. Не индивидуальная, а «застывшая» в символической форме психика объединяет психологическими связями во взаимодействии индивидов. «Выражаясь кантовским языком, можно было бы сказать, что психическое есть априорная посылка социальных явлений» [Сорокин, 1992б, с.41]. В качестве примера предметной символизации он ссылается на работу своего учителя профессора М.А. Рейснера «Государство», который связывал скипетр, гербы, знамена, короны, петлицы, аксельбанты и т.д. («предметные» символы, выражающие непредметные психические переживания) с государством как социальным явлением [Сорокин, 1992б, с.45]. Позднее М.А. Рейснер в рецензии на «Систему социологии» будет обвинять Сорокина в неокантианстве.

Кроме того, Сорокиным и в студенческие годы, и после окончания университета было опубликовано большое количество статей, обзоров, рефератов, рецензий по российской и западной научной литературе, написанных с позиции неопозитивизма (в журналах «Запросы жизни», «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма», «Заветы», «Вестник Европы» др.).

Сорокин не писал рецензий на работы Кареева. Но его теоретико-методологическая позиция хорошо представлена в рецензии на монографию Б.А. Ки-

стяжковского «Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (1916). Элементы ее критики свидетельствуют о его разногласии не только с Кистяковским, но и с представителями этико-социологического направления, о чем свидетельствуют рецензии на «Систему социологии» Сорокина.

Кистяковский, представитель неокантианского направления в социологии, считал монографию своей «основной» работой. Это был текст магистерской диссертации, над которой он работал несколько лет, а некоторые ее части были опубликованы в виде статей в разных журналах, а также отдельными изданиями. Книга была представлена к защите на юридический факультет Харьковского университета в феврале 1917 года, где на диспуте с учетом высокой оценки научного исследования Кистяковскому была присуждена сразу степень доктора государственного права.

В рецензии 1916 года, опубликованной в журнале «Вестник Европы», Сорокин пишет о книге Кистяковского, посвященной вопросам методологии социальных наук, как о «цельном и законченном труде», «интересной и ценной работе». Он особо выделяет научную значимость обоснования автором «методологического плюрализма» и причинного объяснения в исследовании социальных явлений и, в частности, права. Анализ «причинного изучения социальных явлений» (категории необходимости), представленный в работе, он называет «превосходным и исчерпывающим» [Сорокин, 2000, с. 196].

Критика Сорокиным этой «глубоко интересной работы», на которой «лежит печать вдумчивого и философски воспитанного ума, прошедшего дисциплину школы Виндельбанда-Риккерта», сводится к следующему. «Спорными» он считает и теоретико-познавательную концепцию этой школы, и выдвигаемое Кистяковским требование, что при научном изучении социальных явлений необходимо пользоваться не только причинным объяснением (категорией необходимости), но и ценностно-нормативной их оценкой (категорией должного), имеющей приоритет в исследовании, так как она включает и причинность.

Согласно позиции Сорокина того времени, при исследовании социальных явлений необходимо ориентироваться только на категорию причинности (причинное объяснение) «общезначимой, естественнонаучной теории» – бихевиоризма. Нравственные оценки, оценочные суждения, категории «должного» «логической общезначимостью» не обладают и элементами науки не являются. Они выражают только субъективное «словесное волеизъявление, о котором нельзя сказать ни того, что оно истинно, ни того, что оно ложно». А так как наука не может быть нормативной дисциплиной и «говорить» в повелительном наклонении, они имеют ценность, но «вне сферы познания или науки» [Сорокин, 2000, с.197].

Поскольку Сорокин «не нашел» в рецензируемой работе «обоснования общезначимости» категории должного, следует остановиться на аргументации Кистяковского в пользу ее использования.

Кистяковский уже в предисловии к книге подчеркнул, что методологический плюрализм выполняет в его работе служебную роль по отношению к ее главной задаче – «обнять в научном знании, с одной стороны, стихийность социальной жизни, с другой – участие в ней человека с его сознанием и творчеством» [Кистяковский, 1998, с.7].

Согласно Кистьяковскому, социальные явления, как и природные, имеют причинную обусловленность и причинно-функциональные соотношения (непространственные и вневременные), поэтому при исследовании социальной жизни необходимо использовать категории причинности (необходимости). Они объясняют возникновение, изменение, исчезновение, взаимосвязь тех или иных явлений. Разница между социальным миром и миром природы начинается там, где обуславливающим элементом социального мира («особого мира») является сознание человека, которое «создает оценки, устанавливает согласно с ними подлинно непреложные цели» [Кистьяковский, 1998, с.399]. Телеологическая природа и смысл социального бытия определяются сознательной, целенаправленной деятельностью – «должно совершающимся», значимыми ценностями, нормами. Содержание «должно совершающегося» относительно и определяется необходимостью – условиями места и времени, способностью и направленностью индивидуальной психики на участие в созидании (ее творческим порывом, разумом, напряжением чувств, усилиями воли), что не лишает саму категорию «должного» общезначимости. Поэтому основными, исходными методологическими принципами, средствами социально-научного исследования являются категории и причинности, и долженствования (которая уже включает причинность).

Явления природы никакой цели не преследуют, и «основное положение современного естествознания гласит: “Природе чужды какие бы то ни было цели”» [Кистьяковский, 1998, с. 400]. Но само естествознание есть продукт сознательной и целенаправленной деятельности человека, и люди представляют природу такой, какой ее «изображает естествознание». И перед естественными науками стоит задача не только бескорыстного познания научной истины, но и «подчинения ее человеческим целям», обстоятельствам жизни, что привело к созданию специальной отрасли знания – технологии. Каждой развитой отрасли естествознания «соответствует опирающаяся на нее не менее развитая область технологии», которая, «оперируя с тем, что необходимо совершается, создает долженствующее быть. Основной методологический принцип технологии заключается в том, чтобы исследовать и открывать, как созидать долженствующее быть, пользуясь необходимо совершающимся» [Кистьяковский, 1998, с.400, 401].

Долженствование как активное, сознательное использование сил природы (необходимости) в своих интересах для созидания «безусловно нового» («долженствующего быть») реализовывалось в социальном мире задолго до появления науки, «когда человек приучается пользоваться огнем, строить свои примитивные жилища, создавать первые орудия и приручать домашних животных. С появлением и развитием научного знания это примитивное приспособление к окружающему миру и использование его для своих нужд приобретает характер вполне планомерной и целесообразной деятельности» [Кистьяковский, 1998, с.400].

Поэтому, согласно Кистьяковскому, нельзя обосновывать «социологический универсализм» исключительно на естественнонаучных началах, переносить естественнонаучные понятия на социальные науки, не учитывая деятельного, сознательного участия человека в социальной жизни, в социальном процессе.

Полемика Сорокина с Кистяковским была, по сути, связана с его исходной онтологической позицией – утверждением о двойственной природе социального мира (объекта социологии) и включением в научные принципы его изучения категории должного.

Однако в разработке теоретико-методологической проблематики у Сорокина существовало и прямое сходство как с неокантианством, так и с представителями этико-социологического направления. Прежде всего, это касалось вопроса о значимости применения в социологическом исследовании «методологического плюрализма» в отличие от «методологического монизма» (органической школы и особенно экономического детерминизма). Именно отрицание экономического «методологического монизма» в социологии стало одной из главных причин ее ликвидации в 20-е годы.

В 1917 году в статье «Теория факторов М.М. Ковалевского» Сорокин не только анализировал теорию факторов Ковалевского, но одновременно объяснял свою методологическую ориентацию на эту проблему в контексте критического обзора основных теорий (и западных, и российских). Он был согласен с позицией Ковалевского, который не был сторонником методологического «монизма», а в своих «позднейших» работах делал «ударение» на использовании «множественности факторов» в социологических исследованиях. «Монизм» в исследовании, по Сорокину, есть выделение основной независимой переменной, главного фактора (субстанционального «по своей природе»), которым дается причинное объяснение всей общественной жизни, всего общественного строения и развития. Все другие факторы объявляются «надстройкой», зависимыми переменными, что особенно свойственно экономическому материализму. Этому субстанциональному пониманию факторов следует противопоставить «методологическое конструирование», когда в качестве независимой переменной можно взять любой «фактор или любое условие». «Речь здесь может идти лишь о научной продуктивности исследования той или иной связи, а не о какой-то предопределенной важности того или иного фактора “в силу его природы”» [Сорокин, 2000, с.116].

К сторонникам «методологического плюрализма», «плюралистической точки зрения» в отечественной социологии Сорокин относил П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, В.М. Чернова и М.М. Кистяковского [Сорокин, 2000, с.125, 126, 128].

Кареев в книге «Введение в изучение социологии» (1897) использовал термин «факторная классификация», а к сторонникам «методологического плюрализма» относил и В.М. Хвостова, который считал, что в социологии нет оснований сводить все содержание социальной жизни к экономике и считать ее единственной причиной, определяющей ход и направление общественной жизни [Кареев, 1996, с.233].

Однако бихевиористскую позицию русского периода научной деятельности Сорокина нельзя считать догматичной.

В 1920 году «нелегально» была опубликована «Система социологии» Сорокина (его друзьями из издательства «Колос»). В автобиографии он писал, что, несмотря «на отдельные недостатки», у него возникала необходимость перечитать и повторить ее теоретические положения во время работы над «Соци-

альной мобильностью» (1927), «Социальной и культурной динамикой» (1937–1941), «Обществом, культурой, личностью» (1947).

«Умеренный бихевиоризм» Сорокина в этом «исследовании» противопоставлялся прежде всего неокантианству (хотя, по сути, это противопоставление относилось и к этико-социологическому направлению). Социология, по Сорокину, должна быть безоценочной, опытной и точной наукой и изучать акты массовой жизни и поведения, доступные наблюдению и измерению. Термины индивидуальной психологии, нормативно-оценочные суждения исследователей не являются научными «по своей логической природе» и не должны присутствовать в теоретической социологии. Все внутренние, «субъективные» психические процессы, о которых известно лишь из показаний интроспекции, необходимо свести к объективно наблюдаемому взаимодействию, поведению по схеме «стимул – реакция».

Но, считает он, в прикладной, практической социологии категория «должного» применима, так как указывает на средства проведения реформ во всех областях общественной жизни и борьбы с социальными болезнями. А метод интроспекции – это вспомогательный, дополнительный метод при исследовании явлений, которые выходят за рамки массовой, повседневной, повторяющейся жизни и поведения.

Что касается реакции в академической, университетской среде на «Систему социологии» Сорокина, то здесь кроме рецензий в печати и публичного диспута по этой работе следует обратить внимание на следующий факт.

В 1920 году Сорокин избирается заведующим кафедрой социологии на факультете общественных наук и профессором этой кафедры без защиты магистерской диссертации. Для получения им звания профессора была создана комиссия, которая решала этот вопрос на основании оценки преподавательской и научной деятельности Сорокина.

В состав комиссии вошли профессор, специалисты в области государственного права – М.И. Боголепов, Н.И. Лазаревский и И.Ф. Цызырев. Все члены комиссии проголосовали за присуждение Сорокину звания профессора.

Самым обстоятельным был отзыв профессора Цызырева. К несомненным «достоинствам научного творчества» Сорокина он относил его начитанность и ориентацию в литературе (социологической, смежных с ней дисциплин, зарубежной), эрудицию, ясность изложения, мастерски выполненную классификацию, последовательность выводов, «глубокую веру в свою специальность» и др.

Из представленных работ Цызырев особо выделил «Систему социологии» «как по научной содержательности своей, так и по значению для суждения о духовной личности автора как писателя и преподавателя социологии» [Голосенко, 1992, с.105].

Прежде всего, он отметил, что во всех работах и в «Системе социологии» прослеживается одна теоретико-методологическая позиция автора: «Он категорически отрицает существование нормативных наук и нормативного метода. Полемизируя с Виндельбандтом, Риккертом, Кроче, Наторпом, Б. Кистяковским и др., он указывает, что нормативные науки построены на “оценочных суждениях” или “суждениях ценности”, которые не могут быть признаны суж-

дениями в истинном смысле слова, ибо они не относятся к логической деятельности («логическому бытию»)» [Голосенко, 1992].

Конечно, замечает рецензент, методологические воззрения, связанные с тяготением к опытной, точной науке и обоснованию чистого знания, – «это хорошие задатки для социолога *ex professo*, хотя последнему не обязательно отрицать то, что лежит за пределами мира его специального ведения и кругом его задач и приемов» [Голосенко, 1992, с.109].

По его мнению, этому «стройному ходу мысли автора» можно противопоставить и иной способ рассуждения. Нельзя в человеческом мире абсолютно разделять мир сущего и мир должного. Область «логического бытия», которая отождествляется с научной теорией, также имеет свои нормы (правильного мышления), а все научные теоретические суждения предполагают «цель и ценность в истине». Что касается общезначимых естественнонаучных законов, то они сами становятся нормой («общезначимость» в науке – это вопрос нормы, а не факта).

Автор работы выдерживает позицию понимать «психическое» как априорную посылку социального явления, социального взаимодействия, имея в виду не субъективные психические переживания, а их внешнюю, объективную, общезначимую, «предметную» символическую форму.

Но он не исключает «начисто» исследования и субъективных психических переживаний для объяснения того или иного явления. И рецензент делает вывод: «Защищая ту скромную роль субъективного метода, который он предполагает ему резервировать, автор развивает, по-видимому, не замечая этого сам, такую сильную аргументацию и приводит столь убедительные примеры, что совершенно подрывает сам свой окончательный вывод о соотношении методов объективного как основного и субъективного как субсидиарного».

А далее рецензент высказывает свое мнение по этому вопросу: «Социология для изучения поведения людей должна, казалось бы, не только внешне их описывать и следить за их внешним сосуществованием и последовательностью, но прежде всего их понимать, а доступ к этому пониманию один – через психику действующего» [Голосенко, 1992, с.116].

Этот отзыв интересен тем, что Цызырев выделяет те моменты в теоретико-методологической позиции Сорокина, которые легли в основу его «интегральной социологии». Сорокин сам признавал, что «следы» интегральной модели «заметны уже в ... “Системе социологии”» [Сорокин, 1992а, с.150].

Что касается опубликованных в печати рецензий на «Систему социологии», то здесь нельзя не учитывать условий того времени в социологическом образовании, когда «методологический плюрализм» представителей этико-социологического направления, неокантианства и бихевиоризма в социологии объявлялся несовместимым с историческим материализмом марксистской доктрины. Было несколько рецензий на работу. Основной пафос авторов некоторых рецензий (Н.А. Рожкова, В.И. Невского, М.А. Рейснера, Н.И. Боричевского) был направлен на критику используемого Сорокиным «методологического плюрализма» и защиту марксистского монизма в изучении общества [Голосенко, 1992, с.90–95; Золотарёв, 2013, с.82–84].

В данной статье следует обратиться к рецензии юриста М.А. Рейснера, университетского учителя Сорокина, и историка Н.А. Рожкова, который, по оценке Кареева, занимал положительную позицию по отношению к социологии. И Рейснер, и Рожков имели большие связи в академической среде с Кареевым и Сорокиным.

Рожков, как и Кареев, закончил историко-филологический факультет Московского университета и был известен как специалист в области экономической и аграрной истории. Кареев в «Основах русской социологии» обращается к анализу его взглядов в главах «Отношение историков к социологии», «Появление экономического материализма» и «Марксистская социология». По Карееву, научная позиция Рожкова эволюционировала от «критического позитивизма» к марксистскому историческому монизму и выделению экономики как основного фактора общественного развития. Однако марксистский монизм в изучении общества у Рожкова дополнялся контовской социальной статикой и динамикой и значимостью фактора «коллективной психологии» («теорией психических типов», позволяющих отличать одно общество от другого). И хотя Рожков считал себя историком-марксистом, «среди правоверных марксистов он не получил признания» [Кареев, 1996, с.172–174, 234, 320].

Рожков в рецензии на первый том «Системы социологии» критиковал Сорокина за то, что, выдвигая в качестве «принципа» своей исходной позиции «изгнание» всякого нормативизма, одновременно справедливо выделил в социологии два «отдела» – теоретическую и практическую социологию. Теоретическая изучает явления сущего, практическая исследует эти явления с точки зрения должного. Но если большой отдел социологии имеет дело с категорией должного, то не может из социологии быть «изгнан» всякий нормативизм. Серьезные возражения у рецензента вызвало требование Сорокина о «разрыве» с «несчастной идеей монизма». Отказ Сорокина от цельного мировоззрения с требованием «выбросить монизм» делают безнадежными его старания «построить социологию как точную и опытную науку». Методологический плпорализм, используемый Сорокиным, приводит «к малосодержательности и бедности его выводов», а «неправильный метод никогда не даст возможность сделать ценное общее построение» [Рожков, 1920, с.469, 471].

Рейснер был специалистом в области государственного и конституционного права (с выделением им значимости социально-психологического аспекта права). На его работу «Государство» Сорокин ссылался в «Преступлении и каре, подвиге и награде» при описании предметного символа психического взаимодействия применительно к государству. У Рейснера интерес к социально-психологическому аспекту права формировался под влиянием Г. Еллинека, который считал, что все социальные явления, в том числе и право, имеют социально-психологический характер. (Рейснер стажировался под руководством Еллинека в Гейдельбергском университете, где произошло знакомство с взглядами Еллинека и у представителя неокантианского направления Кистяковского.) Кроме того, своим учителем (как и Сорокин) Рейснер считал Л.И. Петражицкого, концепция «интуитивного права» которого, по его мнению, является «особо удобной» для теории марксизма. В 1917 году по предложению В.И. Ленина он

работал в Народном комиссариате юстиции и принимал активное участие в разработке первой Советской конституции 1918 года. В научной деятельности этого периода пытался совместить психологическое правопонимание с марксистской доктриной в концепции «пролетарского интуитивного права» в виде «революционного правосознания».

В рецензии на «Систему социологии» он назвал работу «предприятием воистину грандиозным», а ее автора бесспорным реформатором, поскольку в отличие от современной социологии, которая слишком увлеченно занимается «социальной эволюцией», он взялся за анализ социальной системы, «социальной статике». Критиковал Рейснер автора за «панический страх перед экономизмом, историческим материализмом, а еще пуще марксистским монизмом». При полном отрицании нормативных суждений Сорокин, по его мнению, в беспорядке «перемешал» суждения теоретические и нормативные, сущее и должное и сам «сползает на рельсы столь поруганной им школы Риккерта и его многочисленных последователей» [Рейснер, 1921, с.157]. При этом в работе нет ссылок на представителей «русской психологической школы» Лаврова и Михайловского, которые «задолго до Виндельбанга-Риккерта, Зиммеля и Джеймса отметили, во-первых, все своеобразие социального “факта” в отличие от естественного явления, а во-вторых, насущную необходимость пользоваться оценочными критериями» [Рейснер, 1921, с.157–158]. Вывод рецензента: в работе вместо выяснения общественной жизни – «полное ее затемнение», а вместо «естествознания – самая подлинная метафизика» [Рейснер, 1921, с.160].

Кареев опубликовал две рецензии на «Систему социологии» Сорокина в 1920 и 1921 годах (соответственно на первый том и второй, с которым он знакомился в корректуре). Кроме того, он выступил официальным оппонентом на научном диспуте по работе Сорокина в 1922 году. Отчет о диспуте («Диспут профессора П.А. Сорокина») был опубликован в том же году в последнем (перед запрещением) сдвоенном номере журнала «Экономист», на который Сорокин ссылается в автобиографии [Сорокин, 1992а, с.70–71, 248–253].

В рецензиях Кареев называет работу Сорокина «одним из значительнейших трудов по общей социологии в настоящем фазисе ее эволюции». Он пишет о своем положительном отношении к данному автором определению предмета, задачи и плюралистического метода социологии [Кареев, 1920, с.8]. Оба тома, по терминологии О. Конта, представляют «социальную статику» в социологии. Первый том посвящен учению о строении простейшего социального явления, которое автор определяет (совершенно правильно) как взаимодействие между индивидами, второй анализирует строение сложных социальных агрегатов с классификацией социальных группировок. Кареев высоко оценивает плюралистическую позицию Сорокина против всякой «монистической “однобокости”», а свое несогласие выражает по поводу увлечения автора «выводами рефлексологии» [Кареев, 1921, с.9].

В выступлении на диспуте о работе «Система социологии» Кареев прежде всего отметил ее ценный вклад в науку, особенно в разработку социальной статике. Его критические замечания относились к увлечению автора «behavior’измом», его желанию работать только с помощью объективных методов, упразднению проблемы «личность и общество» [Сорокин, 1992а, с.251–253].

В автобиографии Сорокин один раз упоминает имя «заслуженного ученого, историка и социолога профессора Н.И. Кареева» в связи с его выступлением в качестве официального оппонента на диспуте по работе «Система социологии». Но этим не ограничивается его оценка научной деятельности Кареева.

После «высылки за рубеж» в 1922 году в Берлине в очерке «Состояние русской социологии за 1918–1922 гг.» среди «интересных социологических работ» за этот период он называет «Общие основы социологии» Кареева. А в 1927 году, находясь уже в США, в статье «Русская социология в XX веке» связывает имя Кареева с «психологической школой» и школой «социологической методологии». Среди работ этой школы, представляющих «особую ценность» в области методологии, он выделяет работу Кареева «Типологическая и всемирно-историческая точка зрения в изучении истории» [Сорокин, 2000, с.23, 33, 36].

Кареев в своих мемуарах также упоминает имя Сорокина один раз. Когда в университете в 1919 году зашла речь о чтении курса социологии, то сначала кандидатом на его чтение «намечался» Кареев, но после слияния университета с Психоневрологическим институтом, «где этот предмет преподавали П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев, весьма естественно было передать им этот предмет и в университете». Здесь же Кареев отмечает их активное участие в работе Социологического общества [Кареев, 1990, с.285]*.

Оценка научной деятельности Сорокина не ограничивалась рецензиями и участием Кареева в диспуте. В своей последней работе «Основы русской социологии» в главе «Русские юристы-социологи» Кареев дополняет «обзор юристов, принимавших участие в социологическом движении», именем Сорокина, «о котором речь еще впереди». В этой главе он связывает его имя с «уголовной социологией», с применением социологической точки зрения к преступности как социальному явлению (Он, конечно, имеет в виду работу «Преступление и кара, подвиг и награда».)

Затем он дает оценку взглядам Сорокина в главе «Социологическая литература начала XX века», где речь идет о «Системе социологии». Диспут по этой работе Кареев называет «первым академическим диспутом прямо по социологии». Он особо выделяет ценность разработки Сорокиным социальной статистики, особенно его «тонкий и глубокий анализ простейшего социального явления». Тем самым он заполнил «пробел» в социологии, которая «чуть не вся уходила в область изучения эволюции общества». Положительно Кареев оценил и «плюралистическую точку зрения» Сорокина. Недостатки, отмеченные Кареевым, касались пренебрежительного отношения автора («последователя американских социологов») к русской социологической литературе, его желания устранить «субъективную психологию», чтобы заменить ее чисто «объективной рефлексологией». А в заключение этой главы Кареев останавливается на анализе «рефлексологического учения Бехтерева, оказавшего такое сильное влияние на Сорокина» [Кареев, 1996, с.274, 275, 279].

В 30-е годы при разработке концепции «интегральной социологии» («генерализующей науки» по изучению социокультурных явлений) Сорокин подверг

* В 1920 году по инициативе Сорокина в Петроградском университете была создана кафедра социологии, где лекции читали Сорокин (систему социологии), Кареев (историю социологических учений).

резкой критике бихевиоризм, неприменимый к ценностному миру человеческой жизни. Он считал, что необходимо синтезировать, соединить все ценное, что существует в теоретико-методологических позициях представителей разных социологических направлений по важнейшим, фундаментальным проблемам социологической науки (реализм и номинализм, понимание и «объективизм»).

В заключение следует отметить, что Кареева и Сорокина, несмотря на их принадлежность к разным направлениям, объединял (помимо совместного участия в преподавательской деятельности, в процессе институционализации социологии) интерес к фундаментальным проблемам социологии, к созданию «социологического универсализма» – общей теории социологии и разработке ее методологии, понятийного аппарата. Теоретико-методологическая полемика в печати и в ходе диспута между ведущими отечественными социологами давала возможность прояснить различие и сходство в их взглядах, уточнить собственную аргументацию или изменить (как это произошло с Сорокиным) свою позицию относительно создания модели, научного подхода в исследовании социального мира. Поэтому выделение в качестве предмета исследования сложного процесса взаимоотношений, контактов в научной деятельности российских социологов-современников дает материал не только информационно, но и содержательно полезный для изучения истории российской социологии.

Литература

- Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. – 512 с.
- Бочкарёва В.И.* «Принцип личности» в российской социологии // *Отгуст Конт.* К 200-летию со дня рождения. СПб.: Петрополис, 1998. – С.131–143.
- Бочкарёва В.И.* Методология этико-социологической школы // *Бочкарёва В.И.* Социология пореформенной России. Середина XIX – начало XX в. СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. – С.19–28.
- Голосенко И.А.* Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности). Самара: Социологический центр «Социо», 1992. – 154 с.
- Золотарёв В.П.* Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // *Наследие.* Сыктывкар, 2013, № 3. – С.78–89.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1990. – 384 с.
- Кареев Н.И.* Чем должна быть теория прогресса? Рецензия на «Историю общественности» Стронина // *Русское богатство.* 1886, № 3. – С.115–116.
- Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. – 368 с.
- Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. – 815 с.
- Кареев Н.И.* Книга о социальной аналитике. Проф. П.А. Сорокин. «Система социологии». Т.1 // *Вестник литературы.* 1920, № 7. – С.7–8.
- Кареев Н.И.* О системе социологии П.А. Сорокина // *Вестник литературы.* 1921, № 1. – С.9.
- Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1998. – 800 с.
- Рейснер М.* Проф. П.А. Сорокин. Система социологии. Т.1. Социальная аналитика // *Печать и революция.* Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1921. Кн.2. – С.155–160.
- Рожков Н.* П.А.Сорокин. Система социологии. Т.1 // *Дела и дни.* Исторический журнал. 1920. Кн.1. Петербург. – С.469–471.
- Сорокин П.А.* Дальняя дорога: автобиография. М.: Наука, 1992. – 303 с.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
- Сорокин П.А.* О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000. – 221 с.
- Тимашев Н.С.* Как я стал социологом // *Социологические исследования.* 1994, № 4. – С.124–128.
- Хвостов В.М.* Социология. Введение. Ч.1. Исторический очерк учений об обществе. М.: Изд. Моск. науч. ин-та, 1917. – 341 с.

УДК 316 (092)

В.П. Золотарёв
Сыктывкар**М.М. КОВАЛЕВСКИЙ И П.А. СОРОКИН***

Источники позволили реконструировать отношения М.М. Ковалевского и П.А. Сорокина на четырех уровнях: 1) учитель – ученик; 2) старший коллега – младший коллега; 3) друзья по науке и 4) заботливый «отец» – любимый «сын».

Ключевые слова: М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Д.И. Каченовский, С.М. Соловьев.

W. P. Zolotarev. M. M. Kowalewski and P. A. Sorokin

Rare sources allowed reconstructing M.M. Kowalewski and P. A. Sorokin's relationships at four levels: 1) teacher – student; 2) senior colleague – junior colleague; 3) friends on science and 4) careful «father» – beloved «son».

Key words: M.M. Kowalewski, P.A. Sorokin, D.I. Kachenovsky, S.M. Solovyov.

Отношения и взаимовлияние исторических личностей в процессе их жизнедеятельности – интереснейшая, необъятная, сложнейшая и полезнейшая для современности и ... вопреки всему этому, мало изученная проблема. К тому же сегодня она «зауживается» и сводится хотя и к крупному, но частному ее вопросу «учитель – ученик». Причем этот вопрос понимается и трактуется в стесненных рамках. Например, когда к крупному ученому, основателю научной школы (независимо от области знаний) приходит группа молодых исследователей, он предлагает им изучать определенные вопросы науки, учит их «технологии» исследования, передавая им свой опыт. В то же время своими делами, поступками, поведением он формирует лично-нравственные черты своих учеников. Перефразируя известную сентенцию, можно сказать: «Скажи мне, кто твой учитель, и я скажу тебе, кто ты».

Наблюдая за жизнью российского общества, в который раз убеждаешься в мудрости и правдивости приведенных слов. Все сказанное относится к любой сфере человеческой деятельности: от тачания башмаков до выпекания пирогов. Опытный человек, образно говоря, «учит жизни» птенцов, только что научившихся колебать воздух еще неокрепшими, слабыми крыльями. В описанном случае все более-менее ясно. А как совершается влияние выдающихся личностей на этих самых птенцов?

* Литература о М.М. Ковалевском представлена достаточно широко. Выделим только монографии: М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. статей. Пг., 1917. – 274 с.; Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. М., 1960. – 263 с.; Куприц Н.Я. Ковалевский. М., 1978. – 119 с.; Бодров О.В. Профессор М.М. Ковалевский: У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России. Казань, 2006. – 325 с.

О П.А. Сорокине написано тоже много. Укажем только монографии о нем: Голосенко И.А. Питирим Сорокин: Судьба и труды. Сыктывкар, 1991. – 248 с.; Голосенко И.А. Социология П.А. Сорокина. Русский период деятельности. Самара, 1992. – 146 с.

Такое направление исследования проблемы, как «учитель – ученик», автор осветил в статьях «Н.И. Кареев и П.А. Сорокин» [Золотарёв, 2013, с.78–88], «П.Л. Лавров и П.А. Сорокин» [Золотарёв, 2014, с.103–108].

Поскольку вектор «учитель – ученик» является главным двигателем прогресса во всех сферах функционирования общества (вряд ли кто-то отважится не согласиться с этим), хотелось бы еще раз вернуться к нему, привлекая редкие источники и забытые факты из взаимоотношений «дорогого учителя и обожаемого друга» (слова Сорокина о Ковалевском) [Сорокин, 1916а]. Исследование непосредственного влияния учителя на ученика с использованием редких источников и новых фактов, а также в сравнении, несомненно, полезно для реконструкции смыслового содержания биографических фактов.

Например, отношения Кареева и Сорокина были типичными для того времени. Выдающийся ученый и недюжинная личность (Кареев), видя талант Сорокина – простолюдина, считал естественным для себя ввести способного молодого человека в большую науку, помочь найти в ней свое место, поддержать в сложнейших жизненных пертурбациях. Сорокин это ценил, был признателен «пионеру русской социологии» (слова Ковалевского о Карееве), но нигде и никогда не писал о нем как о «дорогом учителе и обожаемом друге».

Отношения же Сорокина и Ковалевского хотя и были не столь длительными, как его и Кареева, но они реализовывались, как будет показано далее, на дружественном, очень личностном уровне, можно сказать, как отношения заботливого отца и любимого сына. Это обобщение верно, оно основано на фактах (как будет показано далее), причем следует помнить о том, что Ковалевский был и остался холостым, т.е. не имел семьи, и по-человечески понятна его забота о молодом Сорокине, бывшем его секретарем в последние шесть лет его жизни, как о сыне.

Реконструируя отношения Ковалевского и Сорокина, их результаты, можно отметить, что они весьма схожи с теми, которые сложились у студента юридического факультета Харьковского университета Максима Ковалевского с выдающимся русским профессором, юристом-международником второй половины XIX века Дмитрием Ивановичем Каченовским (1827–1872).

Питирим Александрович Сорокин
(1889–1968)

Окончив в 1868 году классическую гимназию в Харькове, Ковалевский думал, как он пишет в своих воспоминаниях, избрать исторический факультет Харьковского университета, но посещение первых лекций профессора-историка Александра Петровича Рославского-Петровского (1816–1872) по всеобщей истории изменило его планы. Профессор излагал имена фараонов тридцати двух династий, стараясь привести в соответствие списки Манефона с греческими источниками. Не лучше изучалась и русская история. Ее читал в то время Геннадий Карпов.

Он брал летописи Нестора и читал их с кафедр, говоря, что в этом именно и состоит метод его учителя С.М. Соловьёва [Ковалевский, 1895, с.63–64]. Попробуем смягчить оценки Рославского-Петровского и Карпова, данные Ковалевским, основываясь на других источниках. Ученик первого Михаил Назарович Петров (1826–1887), выдающийся русский историк-новист, писал о Рославском-Петровском, что его сочинения «представляют лишь незначительную часть тем, богатых содержанием, которые он передавал в своих лекциях, стоя всегда на высоте новейших открытий» [Петров, 1899, с.106]. Что касается Карпова, то это правда, поскольку подобной манерой преподавания грешил не только он, но даже такой известный фактолог русской старины, каким был профессор М.П. Погодин (1800–1875) [Соловьёв, 1983, с.265].

Соловьёв же широко пользовался и в научных исследованиях, и при чтении лекций другим методом – сравнительно-историческим. Студент А. Танков, прослушавший полный курс русской истории Соловьёва и проштудировавший все 29 томов «большой» его истории, в своих воспоминаниях специально отметил: «Основной метод моего курса, – сказал он [Соловьёв] на первой же лекции, – будет сравнительно-исторический» [Танков, 1910, с.349–350]. В другом месте своих воспоминаний А. Танков в пику М.М. Ковалевскому, отметил, что «в лекциях С.М. говорил собственными словами, весьма редко прибегая к цитатам, и то небольшим» [Танков, 1910, с.351].

Сравнительно недавно были опубликованы тексты лекций Соловьёва, читанные им в 1873/1874 учебном году [Соловьёв, 1998, с.6–246]. Если заглянуть в них, то без всякого преувеличения можно сказать, что в них ярко проступает выдающееся лекторское мастерство Соловьёва, о котором здесь говорить не к месту. Однако к месту упомянуть, что слова Г. Карпова, приведенные в воспоминаниях Ковалевского, о том, что в чтении документов «лежит метод его учителя Соловьёва», не находят подтверждения.

Факт из начала его студенческой жизни, упомянутый Ковалевским, убедительно показывает, насколько мемуары хлипки, если их авторы полагаются только на свою память, не подвергая ее проверке историческими источниками, разного рода справочными изданиями, а также мемуарами других авторов на эту тему (если таковые имеются).

Ковалевский раскрыл тему о преподавании своего университетского учителя Д.И. Каченовского. В одной из статей Ковалевский утверждал (с немалым преувеличением), что истории в Харьковском университете в его студенческие годы «легче было научиться на юридическом факультете, где тон преподавания давал незабвенный Дмитрий Иванович Каченовский. Его лекции по истории международных отношений и по истории государственных учреждений давали возможность обхватить одним взглядом в его главных и существенных чертах

Дмитрий Иванович Каченовский
(1827–1872)

Максим Максимович Ковалевский
(1851–1916)

прогрессивный ход развития общественно-политических форм» [Ковалевский, 1895, с.64]. Но это, вероятно, не самое главное, что влекло Ковалевского к Каченовскому. Главная сила последнего заключалась в другом – в его обширной эрудиции, основательности, художественном изложении, красноречии. Эти его качества настолько прочно врезались в память Ковалевского, что спустя почти два десятилетия после окончания университета он констатировал: «В России я не слышал лучшего профессора» [Ковалевский, 1895, с.64], чем Каченовский. Эти особенности преподавательской манеры профессора не являлись даром Божьим, они были результатом того, что он «ревностно следил за литературой своего предмета и сам был первостатейным исследователем...» [Ковалевский, 1895, с.64]. А чтобы быть таковым, надо быть еще «натурой художественной». Это сразу же подметил впечатлительный студент Ковалевский. «Это сказывалось [у Каченовского] не только в удачном выборе эпитетов, в красивой и стройной периодичности его речи, но и в увлечении, с которым он изучал не только Шекспира и Сервантеса на их родном языке, но и творения первых флорентийских зодчих, скульпторов и живописцев» [Ковалевский, 1895, с.64].

Но уже в 1864 году у 37-летнего Каченовского обнаружили признаки чахотки. Усталый и слабый, он искал и находил утешение в искусстве. Профессорские обязанности ему стали не по силам. Каченовский был назначен руководителем основанного им при Харьковском университете Музея изящных искусств. Однако дни его были сочтены: 21 декабря 1872 года (2 января 1873 года) он скончался. Заканчивая краткий экскурс об университетском учителе Ковалевского, следует присовокупить к нему еще то, что Каченовский был и остался в гуманитарной отечественной науке не только выдающимся профессором, но и не менее выдающимся ученым, прежде всего в области международного права. В докторской диссертации «О каперах и призовом производстве» (1855) на фоне глубокого изучения исторического развития принципов международного права Каченовский наметил и предсказал содержание Парижской декларации 1856 года. Его заветной мечтой было осуществление кодификации международного права и создание соответствующей международной организации по его развитию. Примечательно, что Каченовский не дожил одного года до реализации выдвинутой им идеи создания международной организации по развитию и кодификации международного права – Института международного права [Каченовский..., 1971, с.38].

Зададимся вопросом: мог ли юный Ковалевский, стремившийся стать ученым, профессором, не подражать своему столь неординарному учителю? Ответ ясен. И Ковалевский, уловив особость Каченовского, всю свою жизнь помнил о «незабвенном Дмитрие Ивановиче» и так же рьяно и постоянно «следил за

литературой своего предмета», что сделало его «первостатейным исследователем», энциклопедически образованным ученым, профессионалом во многих областях гуманитарного знания – социологии, истории первобытного времени, истории Англии и Франции, политической экономии и многих других, всего не перечислить, – профессором, овладевшим высоким искусством ведения университетских занятий, неугомонным, обаятельным человеком (не случайно наблюдательный П.Л. Лавров назвал его «толстым профессором-мотыльком») [Письмо П.Л. Лаврова..., 1921, с.49].

Неудивительно, что юноша из глухой деревни, увидев Ковалевского и послушав его увлекательные, образцовые, вдохновенные лекции, одинаково сильно бьющие и по разуму, и по чувствам, твердо решил пойти в ученики к знаменитому ученому. Это большое событие в жизни Сорокина произошло в сентябре 1909 года, а несколько позже Ковалевский, разглядев трудолюбие, большие способности, ответственное отношение к делу, неутомимую жажду познания, пригласил молодого человека к себе личным секретарем, чему Сорокин был несказанно рад.

Работа, возложенная Ковалевским на Сорокина, была не очень обременительной, поскольку профессор практически все время был занят вне дома – в Академии, университете, политехническом институте, Императорском Вольном Экономическом обществе (где президентствовал), «Обществе мира» (где председательствовал), в Государственном Совете, в «Вестнике Европе», председательствовал на всех торжественных общественных событиях; выступал на благотворительных вечерах с докладами... Он вечно занят, он – в постоянном движении [Сорокин, 1916а]. Так что общение Сорокина с Ковалевским приходилось на позднее вечернее время и, что было не редкостью, – на глубокую ночь. Оно становилось для Сорокина интеллектуальной роскошью и помогало ему в его общем и специальном научном развитии.

Сорокина весьма интересовали широкие научные и личные связи Ковалевского с западными учеными, общественными и государственными деятелями.

Ковалевский как никто другой из его современников имел связи с очень широким кругом западных ученых, «и о всех он мог порассказать и рассказывал немало ценного и интересного. “Мой друг такой-то”, – было обычной фразой в лекциях М.М. Недаром один из его слушателей шутил: “Только Спиноза да Платон не приходились друзьями Максиму Максимовичу”. Помню, когда мне приходилось редактировать его литографированные лекции, читанные в политехникуме [Ковалевский, 1909], то приходилось из них выкидывать целые страницы, излагавшие по тому или иному поводу какой-либо факт его личных воспоминаний о каком-либо деятеле или исследователе вопроса... Такие отступления, превращавшие лекции ... в увлекательные беседы, на которых временно отдыхала мысль слушателей, в печати были неудобны, и потому он просил меня вычеркивать их» [Сорокин, 1916в].

Известно, что Ковалевский не раз и не два и подолгу бывал в Англии. Частенько у него с Сорокиным заходила речь об этой полосе его жизни, и он с удовольствием вспоминал ее, в особенности встречи за обеденным столом с учеными специалистами. «Более лучшей обстановки для научной работы, –

говаривал Ковалевский, – едва ли можно желать. Вам нужна справка по такому-то вопросу – обращайтесь к соседу направо, по другому – к соседу налево. Одни обеды, – шутил он, – дадут вам больше, чем год самостоятельной работы» [Сорокин, 1916в]. Более, чем о других своих «западных друзьях», Ковалевский говорил Сорокину и писал для широкой публики о Карле Марксе. Скорее всего, он это делал по двум причинам. В коротеньком введении к длинной статье «Мое научное и литературное скитальчество» [Ковалевский, 1895, с. 61] он извещал читателей: «... семья Маркса часто журила меня за то, что, будучи весьма близок с их покойным родителем, я не напечатал о нем своих воспоминаний». И вот теперь он исправлял свою оплошность. В упомянутой статье Ковалевский значительное место отвел описанию своих множественных встреч с К. Марксом, они являются весьма ценным историческим источником по этому вопросу. Спустя около полутора десятилетий Ковалевский в работе «Две жизни» [Ковалевский, 1909, № 6, 7] вновь вспоминал К. Маркса и признавался в его благотворном влиянии на свои научные штудии: «Очень вероятно, – приводит Сорокин лишь одно предложение по этому поводу из “Двух жизней”, – что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы» [Сорокин, 1916в]. И это – вторая причина, заставившая Ковалевского взяться за перо, вспомнить Маркса и написать о нем.

Надеемся, наше обобщение не покажется натянутым: как К. Маркс плодотворно повлиял на научные интересы Ковалевского, так же Ковалевский определил проблематику научных исследований Сорокина. Направления научной работы, которые завещал он своему ученику, стали для Сорокина делом всей его жизни.

Сорокин старался изучить и перенять педагогическое мастерство Ковалевского. «Его лекции, – вспоминал он, – были скорее похожими на беседу. Прочитав вечером новую работу по истории, утром он цитировал ее на лекции. Необычайная начитанность и редкая эрудиция позволяли ему свободно и легко “гарцевать” по истории, частный факт путем смелых сопоставлений – возводить в общее явление, от какого-нибудь древнего института переходить прямо к его живым пережиткам. И эта способность быстро схватывать сходство, казалось бы, весьма различных явлений – была одной из черт, благодаря которой его лекции никогда не утомляли...» [Сорокин, 1916б, с.20].

Ученик Ковалевского С. Гогель так вспоминал о его педагогическом искусстве: «Есть три типа лекторов. Одни – начинающие или безнадёжные – выносят перед слушателями не переваренную духовно, не освещенную собственными взглядами лоскутную компиляцию. Другие, наоборот, превращаются очень легко в то, что французы называют *conterenciers*, слишком часто украшают стекла трамваев своими фамилиями, говорят о чем угодно, не имеют научных произведений, и их отношение к науке сомнительно. Третий тип, к сожалению не столь частый, людей знающих, что аудитория не состоит из специалистов в данной науке, что их надо заинтересовать, но именно данной наукой, что для этого надо, прежде всего, иметь выработанную ясную систему изложения, слушатели – стоящие, чтобы о них думали, всегда это оценивают. Нечего и говорить, что Максим Максимович принадлежал к этой категории. Он всегда гото-

вился к лекции и сам же признавался, что ночь перед первой лекцией в учебном заведении плохо спал» [Гогель, 1917, с.118].

Ковалевский требовал – от всех, кто занимается наукой, – писать и говорить ясно, понятно и по возможности образно, сторониться двусмысленностей. Повторяя мысли одного московского профессора (по всей вероятности, В.О. Ключевского), он шутя говорил о тех, кто этого не умел и не старался делать: «Их надо было бы сечь и приговаривать: пиши яснее». Диктуя отрывки из подобного рода работ, «он от души хохотал над ними и не раз характеризовал их как “фирменное сумасшествие”» [Сорокин, 1989, с.109]. (В скобках не удержусь заметить: эти требования Ковалевского к языку научных исследований актуальны сегодня чрезвычайно!). Ковалевский обрывал всякие отношения с теми, кто, вспоминая Сорокин, «под видом служения истине продавали ее за 30-ть сребреников или же делали ее средством для достижения целей, весьма далеких от науки» [Сорокин, 1989, с.109].

Современниками Ковалевский воспринимался как человек сложный, противоречивый, энциклопедически образованный, добрый и разумный, хлебосол, готовый поддержать порядочных коллег своих и морально, и материально (многого стоит, к примеру, внесение им залога в 1000 рублей за В.В. Водовозова и предложение ему скрыться за границу). Современники видели, что политическая деятельность Ковалевского выходила за черту обычного либерала.

Выдающийся ум, материальная независимость ни от кого и ни от чего (харьковское имение давало ему большие доходы, которые переводились за границу и там хранились), всеевропейская известность и авторитет, дружба со многими политическими деятелями и учеными Запада позволяли ему смело и уверенно отстаивать свои принципы. Он всех и каждого стремился «учить конституционализму». Царская бюрократия в связи с этим считала Ковалевского «опасным человеком». Характерен в этом отношении факт из гимназической жизни, который приводит Ковалевский.

На одном занятии по словесности М. Ковалевский чествовал И.А. Крылова. Чтобы превознести Крылова, «лучший ученик-словесник» попрекнул Сумарокова «за дурные басни». На уроке присутствовал в качестве почетного гостя один из профессоров университета. Он выразил недовольство порицанием учеником Сумарокова. Это порицание директор гимназии в смягченной форме передал ученику. «Позднее, – вспоминал Ковалевский, – отношения с директором обострились, и он уже кричал на меня: “ваше поведение доведет вас до выведения из заведения”, – пророческие слова, которым суждено было сбыться двадцать лет спустя, и не в гимназии, а в Московском университете» [Ковалевский, 1895, с.63]. И действительно, независимое и высоконравственное поведение Ковалевского в 1887 году «вывело» его не только из Московского университета, но и из России. Он называл свою жизнь в 18 лет за границей «литературным и научным скитальчеством». Революция 1905 года вернула Ковалевского в Россию. Он – депутат Первой Государственной Думы. Председатель правительства И.Л. Горемыкин также считал Ковалевского «опасным человеком», а С.Ю. Витте говорил Николаю II: «Возьмите в министры человека вроде Ковалевского, он насадит Вам разные свободы, польются потоки крови, и тог-

да сами освободители узнают, что значит поносить бюрократию, не доверять ей, заменять ее общественными деятелями» [Ковалевский, 1969, с.91]. Эти слова Витте, вероятно, были произнесены в октябре 1905 года, под сильным воздействием грозных событий того времени. Много позже, во время написания третьего тома «Воспоминаний» за границей, Витте, находясь в обстановке, располагающей к спокойным суждениям, характеризовал Ковалевского словами «культурный, образованный, либеральный ученый..., член Государственного Совета, самой левой группы» [Витте, 1960, с.304–504].

После роспуска Первой Государственной Думы 8 июля 1906 года донельзя уставший Ковалевский уехал за границу. «В Берлине, – как вспоминал он, – у известного доктора Боиса узнал...лично касавшуюся меня новость. Я успел за месяцы волнений в России приобрести и новую болезнь – сахарную» [Ковалевский, 1969, с.78]. Так в то время называли сахарный диабет, который и стал через 10 лет причиной его смерти. (Автор этих строк склоняется к другой версии возникновения у Ковалевского сахарной болезни, см. далее.)

Историки общественных наук признательны Сорокину за то, что он с исключительной точностью запечатлел образ своего благодетеля в последние дни и часы его земного пути. В этом отношении очень ценна статья Сорокина «Памяти дорогого учителя и обожаемого друга», опубликованная на следующий день после кончины М.М. Ковалевского в уважаемой газете «Русские ведомости», выходившей в Москве. Сорокин сообщил читателям, что угрожающие признаки расстроенного здоровья Ковалевского были заметны уже весной 1915 года. Чтобы поправить его, профессор решил отдохнуть в своем «родовом гнезде» – обширном и богатом имении в Харьковской губернии, которым он владел по наследству и которое давало ему солидный доход. Полуторамесячный отдых на лоне природы благотворно сказался на его самочувствии, но уже в августе 1915 года болезнь снова начала давать о себе знать. Однако Ковалевский не обращал никакого внимания на это и по-прежнему неутомимо работал. Одно только перечисление обязанностей, которые он выполнял, впечатляет: лекции в университете, работа в Академии наук, Государственном Совете, «Вестнике Европы», сотрудничество в ряде газет и специальных журналах и т.д., и т.д. В феврале 1916 года ему стало гораздо хуже, и он впервые пригласил профессора-медика В.Н. Сиротина, который мало чем мог помочь ему от «сахарной болезни», унаследованной им от отца, полковника императорской армии, участника Отечественной войны 1812 года, служившего тогда прапорщиком в армии М.И. Кутузова [Ковалевский, 1912, с.193–224].

В последний месяц жизни (март 1916 года), будучи тяжело больным, Ковалевский продолжал работать и участвовать в заседаниях Государственного Совета, членом которого состоял от «академической курии». В среду, 9 марта 1916 года, его уговорили не ехать на заседание, но на другой день он все-таки поехал: «Идет подходящий налог, не могу не быть», – кратко сказал он. Этот выезд оказался роковым. В пятницу, 11 марта, ему стало хуже. Но в среду, 16 марта, ему опять вдруг стало хорошо... «Кажется, на этот раз я вывернулся из беды», – сказал он Сорокину [Сорокин, 1916]. Дежуривший у постели своего учителя Со-

рокин уехал около 3-х часов дня к себе на квартиру, а в 2 часа ночи 17 марта его вызвали к Ковалевскому по телефону. Он приехал. «Спасибо, мой друг, – сказал тот, подав руку. – Кажется, мой час пришел». Один взгляд на него, вспоминал Сорокин, говорил о том, что слова его были правдой. Это был уже не богатырь, а утомленный, измученный и ослабевший старик (хотя, добавим от себя, ему не исполнилось еще и шестидесяти пяти лет), все еще великий в своей слабости. Здоровье его ухудшалось день ото дня, и 23 марта 1916 года в 2 часа 10 минут дня М.М. Ковалевский скончался от сердечной недостаточности в полном сознании и памяти.

Сорокин свидетельствует, что он с удивительным спокойствием переносил мучения, сохраняя бодрость духа, и даже иногда подшучивал над собой. Однажды, выпив шампанского по совету врачей, он улыбнулся и тихо произнес: «Кончаю самоубийством, ем икру и пью шампанское» [Сорокин, 1916]. И только однажды он разрыдался во время чтения Сорокиным знаменитого стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ангел», после заключительных двух строк: «И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли» [Лермонтов, 1988, с.95].

Сорокин, постоянно находясь у постели умирающего Ковалевского, вероятно, фиксировал день за днем изменение физического и умственного состояния ученого, разговоры с ним, и на следующий после кончины учителя день почти одновременно в прессе обеих столиц появились три его статьи о последних днях и часах профессора: «Воспоминания» (День), «Последние дни М.М. Ковалевского» (Биржевые ведомости), «Памяти дорогого учителя и обожаемого друга» (Русские ведомости). Спустя четыре дня читатели ознакомились со статьей Сорокина «Исповедь М.М. Ковалевского» [Сорокин, 1916д]. 30 апреля «Русские ведомости» публикуют уже упомянутую статью Сорокина «М.М. Ковалевский и его западные друзья». Однако этого, по убеждению Сорокина, было мало для сохранения образа Ковалевского в памяти почитателей его недоужинного таланта. Он и его коллега К.М. Тахтарев тотчас после участия в похоронной процессии задумали основать в честь своего учителя Социологическое общество имени М.М. Ковалевского. Нужен был заглавный доклад, которым было бы открыто общество. За подготовку взялся Сорокин. Он быстро сформулировал название – «Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя». К сожалению, мы не располагаем информацией, был ли прочитан этот доклад в день открытия общества, однако его текст сохранился в личном архивном фонде Сорокина. Его отыскал А.Ю. Согомонов и опубликовал в журнале «Социологические исследования» [Сорокин, 1989, с.107–111] с коротенькой вступительной статьей [Согомонов, 1989, с. 105–106]. К сожалению, этому проекту не суждено было осуществиться. Однако П.А. Сорокин написал 4,5-страничную статью, заголовок которой идентичен замысленному труду о Ковалевском-мыслителе.

Потрясенный кончиной своего учителя, сознавая, сколь многим он ему обязан, Сорокин задумал написать объемный труд «Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя». По словам А.Ю. Согомонова, это было весной 1916 года, к моменту организации Сорокиным и Тахтаревым русского Социологического общества имени М.М. Ковалевского [Согомонов, 1989, с.106].

Подведем некоторые итоги. Привлеченные источники позволили установить, что отношения Сорокина и Ковалевского далеко выходят за рамки уровня «учитель – ученик». Эта формула «работала» во время студенчества Сорокина, но затем (около 1913 года) трансформировалась в иную: «старший коллега – младший коллега», о чем свидетельствует предисловие Ковалевского к выпускному университетскому сочинению Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» [СПб., 1914]. Чуть позже вторая формула как бы сама собой (независимо от обоих) в последние годы жизни Ковалевского работала в виде «друзья по науке» и «“заботливый отец” – “любимый сын”».

Вряд ли возможно отыскать примеры подобного рода отношений в среде русских интеллектуалов конца XIX – первых двух десятилетий XX века. Фактический материал, почерпнутый из источников разных жанров, убеждает в том, что Ковалевский был примером и образцом для Сорокина, каковым был для Ковалевского Каченовский. И в первом, и во втором случае безусловно работала «теория подражания», которая требует от учеников подражать своему учителю (делай, как я, – неперемное требование наставника). Затем, в случае если Вседержитель заложил в ученика искру Божью, он становится вровень со своим учителем и может даже превзойти его во всем.

В предложенной статье автор попытался реконструировать лишь остов (не более того!) взаимоотношений двух недожинных русских интеллектуалов. Читатель теперь может судить, насколько это ему удалось. Надеемся, что читатель поймет: чтобы остов превратить в привлекательную вещь, его надо «одеть» в красивую, надежную и прагматическую одежду, для чего необходимо специальное исследование, которое будет чрезвычайно полезно для нынешней российской интеллигенции.

Литература

- Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3-х т. М.: Изд-во соц.-эконом. лит.-ры. Т.3. 1960. – С.304, 504.
 Воспоминания М.М. Ковалевского [Предисловие В.М. Шевырина] // История СССР. 1969, № 4. – С.61.
Гогель С. Одно из крупных дел М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917.
Золотарёв В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013, №3. – С.78–88.
Золотарёв В.П. П.Л. Лавров и П.А. Сорокин // Наследие. 2014, №1(4). – С.103–108.
Каченовский Д.И. // Дипломатический словарь. Т.2. М.: Политиздат, 1971. – 592 с.
Ковалевский М.М. Две жизни // Вестник Европы. 1909, № 6, 7.
Ковалевский М.М. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895, № 5. – С.61–81.
Ковалевский М.М. Моя жизнь. Тетрадь XXII // История СССР. 1969, № 4. – С.78.
Ковалевский М.М. 1812-ый год (Посвящается памяти моего отца, прапорщика в армии Кутузова) // Вестник Европы. 1912, №7. – С.193–224.
Лермонтов М.Ю. Ангел // Лермонтов М.Ю. Соч.: в 2-х томах. Т.1. / сост. и коммент. И.С. Чистова. М.: Правда, 1988. – 719 с.
 М.М. Ковалевский в Петрограде [б.л.] // Русские ведомости. 1916, 24 марта.
Петров М.Н. Рославский-Петровский (Александр Петрович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.53. СПб., 1899. – 480 с.
 Письмо П.Л. Лаврова к Н.И. Карееву от 12 января 1881 г. из Парижа // Материалы для биографии П.Л. Лаврова. Вып. 1. Пг., 1921.

- Соловьёв С.М.* Лекции по русской истории (1973–1974 гг.) // Соловьёв С.М. Соч.: в 23 кн. М.: Мысль, 1988–2000. Кн. 21. М.: Мысль, 1998. – 246 с.
- Соловьёв С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьёв С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во МГУ, 1983. – 437 с.
- Сорокин П.А.* Духовный облик М.М. Ковалевского // Социологические исследования. 1989, № 3. – С.109.
- Сорокин П.А.* Памяти дорогого учителя и обожаемого друга // Русские ведомости. 1916а, 24 марта.
- Сорокин П.А.* Ковалевский как профессор // Путь студенчества. 1916б, № 2. – С.20.
- Сорокин П.А.* М.М. Ковалевский и его западные друзья // Биржевые ведомости. 1916в, 30 апреля. Утренний выпуск. – С.2.
- Сорокин П.А.* Последние дни М.М. Ковалевского // Биржевые ведомости. 1916г, 24 марта.
- Сорокин П.А.* Исповедь М.М. Ковалевского // Биржевые ведомости. 1916д, 28 марта.
- Танков А.* Сергей Михайлович Соловьёв (Из воспоминаний студента Московского университета) // Вестник Европы. 1910, №10. – С.348–353.
- Шевелёв Эд.* Необходимое возвращение (к 150-летию со дня рождения Евгения Чирикова) // Советская Россия. 2014, №83 (31 июля). – С.9.

СОХРАНИТЬ НАСЛЕДИЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ»

10 декабря 2013 года «Центр «Наследие» имени Пителима Сорокина» провел круглый стол на тему «Интеллектуальное и культурное наследие в контексте общественного развития». В работе круглого стола приняли участие ведущие ученые, общественные деятели и представители органов государственной власти.

Участниками круглого стола был выдвинут ряд предложений о необходимости выработки концепции, которая позволит защитить и сохранить интеллектуальное наследие. Также прозвучали ценные предложения по наполнению журнала «Наследие» и расширению его тематики. Была подчеркнута необходимость углубления темы интеллектуального наследия как важного компонента общественного развития.

О.Ю. Кузванова,
директор ГБУ РК «Центр «Наследие»
имени Пителима Сорокина»,
кандидат исторических наук

Тема круглого стола – «Интеллектуальное и культурное наследие в контексте общественного развития» – выбрана не случайно. И наш центр, и журнал называется «Наследие», а деятельность центра так или иначе направлена на реализацию концептуальных идей, связанных с наследием. Между тем недостаточно определено как само понятие «интеллектуальное наследие», так и чем оно является для общества, в чем его важность. Кем создается наследие, прежде всего, интеллектуальное? Несомненно, оно создается выдающимися учеными

и общественными деятелями. Неважно, какую форму имеет наследие. Форма, в которой оно оставлено, определяется особенностями эпохи: тексты, написанные от руки, напечатанные на машинке, на компьютере, изданные в виде печатных трудов, сохранившиеся на аудио- и видеоносителях, – все это имеет определенные качественные характеристики. Во-первых, наследие является общественно признанным, т.е. происходит общественная легитимация наследия, оно определяется как ценное и важное для общества, для молодого поколения. Во-вторых, в общественном сознании такое наследие оценивается как богатство не только интеллектуальное, но и духовное – без духовной составляющей нет наследия в полном понимании этого слова. В-третьих, наследие, как мы его понимаем, всегда привязано к какой-то конкретной территории. Родился ли здесь автор или жил какое-то время, главное, что его наследие имеет непосредственную связь с этой территорией. И поэтому ценности, которые содержатся в этом наследии, не отторгаются, как чужеродные. Они не отторгаются именно потому, что само это интеллектуальное наследие как-то связано с данной землей, с народом и культурой. Я не случайно делаю акцент именно на этом, потому что фигура Питирима Александровича Сорокина знаменательна в этом отношении. Это человек, который родился и вырос в Коми крае, жил определенное время на территории России, кстати, сформировался как видный ученый-социолог именно в российский период. В детстве и отрочестве были заложены те ценностные моменты, которые он пронес через всю свою жизнь. Многие исследователи творчества Сорокина считают, что мировоззрение, заложенное в детские годы, впоследствии отразилось в его социально-философской концепции интегрализма.

Кроме того, наследие включает в себя жизненный опыт: ученый, общественный деятель через свои труды может передавать свой опыт сознательно, более того, он постоянно это делает именно потому, что хочет передать последующему поколению что-то очень важное. Конечно, П. Сорокин знал, что его имя находилось под запретом на территории Советского Союза, и по этому поводу он говорил: «Лично я не страдаю от того, что мои идеи слабо известны русским, но они, как мне кажется, теряют нечто очень важное».

Действительно, такой талантливый и выдающийся человек, который прошел сложный жизненный путь, стал свидетелем и очевидцем коренных поворотов и российской истории, и мировой, не мог не отразить этого в своих трудах. И похоже, что наследие как раз обладает еще одной характеристикой, еще одной чертой – в нем закодировано нечто очень важное, что требует раскодирования. И если нам удастся его раскодировать, – а происходит это может через обсуждение, через научные и общественные дискурсы, – мы постигнем что-то очень существенное для нас сегодня. Столь глубокие труды можно изучать годами, десятилетиями, столетиями и черпать из них очень много нового, в том числе о нас самих.

После общественной легитимации «наследие», как правило, институционализируется государством. Как, в сущности, и произошло с «Центром «Наследие» имени Питирима Сорокина». В советские времена имя Сорокина было под запретом, в 90-е годы XX века благодаря общественному резонансу завеса молча-

ния была прервана (произошла общественная легитимация), и уже в 2010 году пришло признание на государственном уровне. Был создан «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина». Такой путь проходят многие выдающиеся имена. Безусловно, в республике есть и другие ученые, писатели, общественные деятели, наследие которых имеет общественное значение, но они еще ждут своего общественного и государственного признания. Такие люди, наверное, есть и в районах республики. Если посмотреть на регион, на республику в целом, то имя не только Питирима Сорокина, но и других общественных деятелей можно поставить в ряд тех выдающихся ученых-мыслителей, которые формируют наследие. Наша задача – способствовать общественному осознанию наследия таких исторических деятелей, ученых, которые внесли непосредственный вклад в осознание прошлого, настоящего и будущего не только своего села, города, но и республики и страны.

У Центра «Наследие» есть много традиционных направлений деятельности. Это и издательская, научная деятельность (научно-организационная в том числе), это популяризация научного и творческого наследия П. Сорокина. Очень не хотелось бы, что называется, «затеоретизировать» проблему наследия. Наследие сохраняется только в живом дискурсе.

Определенная наша надежда также связана с возможным восстановлением творческой активности интеллектуальной интеллигенции, у которой пропала пассионарность. В конце 80-х – начале 90-х годов особенно пассионарной была интеллигенция, открытая новым идеям и ценностям. Сегодня наблюдается спад. Возможно, через призму обсуждения и изучения идей П. Сорокина удастся повысить интерес общественности к активному обсуждению актуальных проблем современности.

**В.А. Сулимов,
профессор кафедры культурологии
и педагогической антропологии
ФГБОУ ВПО СыктГУ,
доктор культурологии**

Роль интеллектуального и культурного наследия в контексте общественно-го развития абсолютно актуальна. Если говорить о степени актуальности, если вспомнить о том, какая персона лежит в основе всех наших штудий и разговоров – персона Питирима Александровича Сорокина, то не говорить об актуальности просто невозможно. Ничего, кроме актуальности, невозможно найти в работах П.А. Сорокина. Если культурное наследие сегодня в нашей стране понимается недостаточно широко, – это следствие того, что культура понимается недостаточно широко. Тем не менее, если судить по некоторым проектам законов, выступлениям (например, президента, который много говорил о наследии в своем выступлении 2 октября 2013 года), работа в области культуры идет. Интеллектуальное наследие – это еще большая проблема, и нет ни отдельного документа, который говорил бы о роли интеллектуального наследия,

ни традиции выносить уроки из того интеллектуального богатства, которым мы обладаем. Первое богатство, которым мы обладаем в отношении наследия П.А. Сорокина, – это то, что мы его понимаем. П.А. Сорокин не мог полностью отрешиться от своих корней, от своих ранних идей и взглядов, он к ним возвращался, у него была очень объемная, многоаспектная память. Все его идеи и воспоминания предназначались не только для него одного, он сам говорил об этом. Речь шла не только о тех студентах, которые приходили на его занятия, или тех ученых, которые слушали его в академической среде американской, а, может быть, иногда и не столько о них. Речь шла о нас с вами и о будущих поколениях. Идеи, альтернативные господствующей философско-культурологической картине мира, которая была представлена большевиками и оппонентом которой являлся всю свою жизнь П.А. Сорокин, все более сегодня актуализируются.

Вот его первая идея о роли знаний из научной работы «Задачи и ведомства народного просвещения»: «В ряду множества кризисов, переживаемых теперь государствами, едва ли не самым острым является кризис культурных сил, кризис знания... Всякая демагогия, не имеющая возможности привиться в стране культурной, у нас процветает и приносит пышные плоды в виде бесконечных эксцессов, то больших, то малых. Сотни кризисов, которые не имели бы места при достаточном запасе знания, у нас с каждым днем растут, с каждым днем обостряются...» Мы не понимаем роли знания, думаем, что его роль заключается в успешной сдаче ЕГЭ. Мы представляем, что это что-то отчужденное от нас, нечто инкорпорированное в наше сознание, в нашу систему. На самом деле знания представляют собой систему жизнеобеспечения и безопасности (и никак не меньше).

Второе – роль национальной идеи. Речь о национальной идее идет повсеместно, все время. Вот что сказал П.А. Сорокин в речи на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 года: «Теперь, когда история грозит нас обезличить, когда другие народы готовы исключить нас из числа главных действующих лиц и перевести нас на роль простых статистов, мы начинаем понимать великую ценность национального лица».

Сегодня обостряется проблема морали и нравственности. У правоохранительных органов не хватит сил, если в прежних масштабах будут идти нарушения законопорядка, а вместе с тем Питирим Сорокин говорил: «Отправляясь в путь, запаситесь ... совестью, моральными богатствами. Не о высоких словах я говорю: они дешевы... Иначе вы будете иметь ту вакханалию зверства, хищничества, мошенничества, взяточничества, обмана, лжи, спекуляции, бессовестности, весь тот “шакализм”, в котором мы сейчас захлебываемся и выдыхаемся».

П. Сорокин отмечал важнейшую роль культуры. Сегодня речь идет о том, что культурная политика начинает актуализироваться, о ней все чаще говорится. Встают вопросы: как ее формировать, что входит в это понятие? До сих пор ведутся дискуссии. Я считаю, что нужно выделять деньги для конкретных эффективных программ. Сам Сорокин писал по этому поводу: «Должно быть предельно ясно, что все умонастроения человеческого общества – особенно

в отношении того, что считать истинным или ложным, знанием или невежеством, а отсюда образование и все школьные программы – все это различается в соответствии с доминирующей истиной, принятой данной культурой и обществом».

Меня волнует также вопрос мировоззрения. По результатам молодежных дискуссий и круглых столов можно сказать, что с момента, когда надо перестать приводить примеры «Вот тот герой, я знаю того, я знаю этого, я никого не знаю» и нужно подумать, возникают огромные трудности. И когда задаются вопросы «Что вы понимаете под ценностью, что для вас ценность?», очень небольшое количество студентов способны дать актуализированный, структурированный ответ. Обычно они сразу задают встречный вопрос: «А вот Вы ради чего могли бы совершить поступок?» У них нет пространства для мыслительного процесса. Мировоззрение не сформировано. Или же оно ложное. Сорокин утверждал: «Если индивид не обладает твердыми убеждениями по поводу того, что правильно, а что нет, если он не верит в Бога или в абсолютные моральные ценности ... если его поиски удовольствий и чувственных ценностей являются наиважнейшими в жизни, что может вести и контролировать его поведение по отношению к другим людям? Ничего, кроме желаний и вождления. Что может удержать его от нарушения прав, интересов и благосостояния других людей? Ничего, кроме физической силы. Как далеко пойдет его ненасытная жажда чувственного счастья? Она пойдет ровно настолько далеко, насколько позволяет противопоставленная ей грубая сила других». Скажите мне, что здесь не актуально?

В творчестве Сорокина огромное количество актуальных идей. Это касается в первую очередь его работ в области социальной мобильности и экономики. В нашем обществе часто закрыты возможности социальной мобильности; понижается общая планка; маргинализируется общая масса, молодежь; практически нет высоких целей – их все меньше и меньше; молодежь не верит в возможность новых социально-культурных достижений. Я не знаю ни одного раздела творчества П. Сорокина, который бы не актуализировался сегодня. Думаю, и в дальнейшем эта ситуация актуальности теории социальной мобильности, не говоря уже о его теории динамики, теории переходности культуры, которая цитируется постоянно, не изменится.

Наследие П. Сорокина является наследием не библиографического, а собственно интеллектуального типа, т.е. интеллектуальным генератором, каким он и был. Он был научным прагматиком, на мой взгляд, он создавал научные вещи, которые могут быть сегодня употреблены в дело. И полагал, что в этом есть его практическая польза. Он хотел видеть некоторую конструкцию, создавать ее. Для того, чтобы наш Центр работал в этом направлении, его не нужно переориентировать, так как наследие есть и библиографическая, наследие есть и кумулятивная сила, которая собирает это все, обращает в себя. Необходимо продолжить работу над его развитием как такого научно-практического центра, который ведет активную научную работу. И эта работа заключается не только в проведении конференций, которые приурочены к юбилеям или каким-

то событиям, не только в выпуске журнала, но в работе собственно научной, может быть, грантовой.

П. Сорокин двигался в сторону расширения границ своих исследований, расширения границ социологии и гуманитаристики. В данном случае мы имеем дело с феноменологией интеллектуальной экспансии. Интеллектуальная культура, как понимал ее П. Сорокин и как понимаем ее мы, есть часть культуры. Культурология – в некоторой степени – не гуманитарная наука, она – естественная наука в той степени, в которой она изучает феноменологию сознания (причем в ее истории, формах выражения). Возьмем, к примеру, историю математики. Это – философская феноменология, которая в школе (да и в вузе) у нас обходится молчанием. Пифагор и его теория равенства и симметрии является отражением философско-культурологических представлений древних греков о симметрии совершенного мира. Разрывы и вихревые потоки в сознании породили асимметрию математики Лобачевского или Гаусса в конце «классического» XIX века.

Экспертный совет Центра становится все более генерирующим. Мы переходим после долгих разговоров к цепи конкретных и очень интересных проектов. Я считаю, что наследие геологов, наследие знаменитых на всю страну ученых и деятелей культуры также должно быть освещено. И наследие тех, кто сейчас работает активно, тоже нужно иметь в виду. Тексты культуры могут уходить, исчезать. Центр «Наследие» должен проявлять в этом плане активность, сохраняя их. Приведу пример. Эстония, смерть Ю.М. Лотмана. Он русский еврей, не эстонец. Но попал в список лиц, которые входят в понятие «наследие». Он в нем оказался как выдающийся ученый-семиотик. Были проблемы с семьей, с университетом. Но закон – есть закон. В Эстонии собрали его наследие, они его хранят и издают. Законодательное закрепление роли государства в сохранении интеллектуального наследия – важная вещь. Необходимо это продумать и в нашей республике.

В.М. Теребихин,
Общественный эксперт Общественной палаты Республики Коми,
кандидат философских наук

Учитывая регламент, тезисно изложу ряд научных и практических предложений по впервые обсуждаемой в регионе проблеме интеллектуального культурного наследия.

Во-первых, хотелось бы заметить, что сегодня в российской гуманитаристике, в российском обществоведческом дискурсе основные категории, касающиеся рассматриваемой проблемы, такие как «наследие», «интеллектуальное наследие», «культурное наследие», «нематериальное культурное (и этнокультурное) наследие», «духовное наследие», «гуманитарное наследие», «научное наследие», «историко-культурное наследие народов», «научно-культурное наследие» и ряд других, не имеют общепризнанных определений. Сколько исследователей, столько и мнений.

Во-вторых, не прояснена и проблема соотношений и типологии этих категорий. В частности, «культурное наследие» – это более широкое понятие, чем «интеллектуальное, духовное наследие»? Далее, тема нашего круглого стола «Интеллектуальное и культурное наследие». Мы эти понятия разделяем или соединяем? Как они соотносятся?

Или другой вопрос. Включает ли в себя «интеллектуальное наследие» «научное наследие»? А «научное наследие» является ли компонентом «культурного наследия»? Пока вопросов больше, чем ответов на них. Сегодня эти проблемы пока не обсуждались. Кроме того, есть ряд понятий, близких к наследию, например, категории «социальная память», «социально-историческая память», «память науки», «традиция» и ряд других. И здесь проблема соотношения понятий «наследие и память», «наследие и традиция».

Причем это, казалось бы, теоретические проблемы, но без их разрешения сложно решать научно-практические задачи, в том числе проектировать концепции и осуществлять на их основе программы государственной политики Республики Коми в области интеллектуального (духовного) научного наследия. Актуальность же их проектирования и реализации имеет, как говорил Питирим Сорокин, «множественную каузацию».

Актуальность проектирования и реализации концепции государственной политики в сфере интеллектуального научного наследия детерминируется и тем, что сегодня как на федеральном, так и на региональном уровне нет системной государственной политики в области культурного (интеллектуального, духовного, научного) наследия.

Необходимо пояснить, что после принятия Конвенции ООН об охране нематериального культурного наследия и Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы на общедоказательном уровне и в регионах, в том числе и в Республике Коми, постепенно формируются основы государственной политики по сохранению и развитию нематериального культурного наследия (в Республике Коми – это подпрограмма общей программы «Культура в Республике Коми»).

Но ни в федеральной концепции, ни в нашей региональной подпрограмме нет раздела «Сохранение и развитие интеллектуального (научного) наследия как важнейшего вида нематериального культурного наследия». На мой взгляд, причину следует искать в ведомственном подходе к госуправлению. В программу включено только то, что причислено к министерству культуры. Указанное направление не отражено и в Государственной программе Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы, но, кажется, есть Программа Президиума РАН, принятая 6 лет назад, «Научное наследие России».

При этом, безусловно, отдельные мероприятия как на уровне федерального Центра, так и в нашей республике проводятся. Например, можно отметить проведение в мае 2013 года в Коми научном центре Уральского отделения РАН Всероссийской научной конференции «Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов», приуроченная к 60-летию Научного архива.

На пленарном заседании выступили: академик РАН М.П. Рощевский с докладом «Архив, библиотека, музей – основа сохранения научных знаний в изменившемся мире», директор Центральной научной библиотеки УрО РАН П.П. Трескова с докладом «Научное наследие в современном информационном пространстве» и др.

Но это, как я уже отмечал, лишь отдельные компоненты. Целостной же политики в сфере сохранения и использования научного наследия пока не существует. Не осуществляется координация деятельности организаций, участвующих в этом процессе. Что же есть? Есть набор отдельных мероприятий в этой сфере, например, юбилейные мероприятия, посвященные тому или иному деятелю науки и культуры. Хотя и это важно само по себе, но проблема опеки «интеллектуального научного духовного наследия и наследования» не решается в системном виде.

Что в данном случае понимается под системной, целостной государственной политикой с точки зрения теории и практики госуправления?

Основные (минимальные) требования, компоненты и алгоритм:

- имеется разработанная и принятая как на федеральном, так и региональном уровне концепция данной политики. Для разработки концепции создается экспертная группа, проводится научно-практическая конференция по обсуждению основных концептуальных идей и принимаются научно-практические рекомендации. На их основе разрабатывается и принимается концепция.

- в соответствии с концепцией и на ее основе разрабатывается стратегия или (и) принимается целевая комплексная программа осуществления этой политики;

- разрабатывается система нормативных актов, регулирующих правовые отношения в сфере этой политики;

- создается институциональная государственно-общественная система управления, в том числе и координации осуществления данной политики, и ряд других компонентов.

Итак, первое, что необходимо сделать, – начать проектирование Концепции государственной политики Республики Коми в сфере сохранения и использования интеллектуального научного наследия (или Концепции государственной политики Республики Коми в отношении духовного интеллектуального потенциала региона).

Инициатива должна принадлежать, на мой взгляд, Коми научному центру совместно с ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина». Проектирование и практическая реализация концепции позволит создать условия для выявления, сохранения, развития, популяризации и актуализации научного наследия, вовлечения в научный оборот всего ценного, что создано учеными республики и что хранится ныне в библиотечных, музейных и архивных фондах.

В общую структуру концепции можно включить следующие компоненты:

- миссия Республики Коми в сфере интеллектуального научного наследия;
- стратегическая цель политики;
- цели и задачи политики;
- основные направления политики;

- принципы политики;
- функции политики;
- основные понятия концепции;
- субъекты политики (Коми научный центр, «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина», органы госвласти, институты гражданского общества, в том числе краеведческие, СМИ как субъекты политики);
- механизмы реализации концепции, индикаторы эффективности реализации концепции и другие компоненты.

Задача сохранения научного наследия и создания условий его эффективного освоения должна рассматриваться как составная часть общей стратегии развития региона, стратегии развития науки в республике.

В общий комплекс форм осуществления государственной политики в сфере научного наследия можно включить:

- создание электронной библиотеки «Научное наследие Республики Коми» как части формируемой электронной библиотеки «Научное наследие России». Это – одно из важнейших направлений формирования свободного и открытого доступа к научному наследию, к интеллектуальной собственности, культурным и духовным ценностям, обеспечения сохранности и предоставления публичного доступа к научным трудам известных российских и зарубежных ученых и исследователей, работавших на территории республики;

- создание системы отдельных сайтов, посвященных известным ученым Коми края;

- рекомендуется принять закон Республики Коми «О сохранении и использовании научного наследия в Республике Коми» (или «О мерах государственной поддержки по сохранению и использованию научного наследия в Республике Коми»);

- разработку и осуществление в республике научного проекта «Исследование интеллектуального научного наследия Коми края», посвященного изучению духовного, интеллектуального наследия деятелей культуры и науки Коми края, которые внесли заметный вклад в развитии науки;

- проектирование комплексной целевой республиканской программы с условным названием «Изучение, популяризация и актуализация наследия идей выдающихся деятелей науки Республики Коми» и целый комплекс других мероприятий.

В рамках реализации государственной политики Республики Коми в сфере научного интеллектуального наследия актуализируется задача разработки и реализации Концепции деятельности Государственного бюджетного учреждения «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина», которую необходимо рассматривать как научную основу эффективного функционирования Центра.

В концепции необходимо:

- определить содержательно-функциональный статус Центра. Во-первых, как одного из государственных институтов Республики Коми, участвующих в осуществлении ее государственной политики по сохранению и развитию регионального гуманитарного научного наследия, формированию социально-

исторической памяти. Во-вторых, как регионального (республиканского) центра «опеки» гуманитарного научного, интеллектуального наследия. При этом правовой статус Центра как государственного бюджетного учреждения должен быть определен в его уставе;

- сформулировать миссию Центра. Как я полагаю, миссией, высшим смыслом деятельности Центра как одного из институтов, участвующих в формировании и использовании гуманитарного интеллектуального научного наследия социально-исторической памяти, является обеспечение активной, насыщенной, «долгой» жизни идей П. Сорокина и других выдающихся деятелей гуманитарной науки республики;

- сформулировать основные цели и направления деятельности Центра, в том числе изучение гуманитарного научного наследия и его популяризация;

- актуализировать гуманитарное интеллектуальное наследие, внедрять научное наследие в современную практику (в том числе и в практику государственного управления);

- осуществлять «тестирование» гуманитарного научного наследия на применимость к анализу актуальных проблем современности;

- осуществлять деятельность по увековечиванию памяти П. Сорокина и других выдающихся деятелей гуманитарной науки региона.

В концепции также желательно отразить принципы, функции, формы и методы деятельности, основные механизмы реализации концепции, индикаторы эффективности функционирования и ряд других элементов.

В завершение хочу подчеркнуть, что сохранение и сбережение духовно-интеллектуального научного наследия, создание благоприятных условий для его сохранения и дальнейшего развития, эффективного интеллектуального освоения, поддержания в актуализированном состоянии, его научное изучение, популяризация, использование его смыслообразующего духовного потенциала для жизни современного человека и общества должно быть неотъемлемой частью региональной государственной политики в сфере управления нематериальным культурным наследием, деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по развитию человеческого потенциала, духовно-нравственному преображению, осуществлению системной социогуманитарной модернизации региона.

И.Е. Фадеева,
зав.кафедрой культурологии
и педагогической антропологии
ФБГОУ ВПО СыктГУ,
доктор культурологии, профессор

Я совершенно согласна с тем, что нужно начинать с концептуального определения интеллектуального наследия, в том числе и наследия П.А. Сорокина, не пытаясь подменить частностями действительно серьезную проблему. Пробле-

ма же заключается в том, что надо не просто переписать или переиздать труды знаменитого социолога, философа культуры и нашего земляка, а извлечь из них методологические подходы и, что не менее важно, нравственные основания для исследования и понимания современности.

Бесспорно, Питирим Сорокин выдержал проверку временем, и его наследие будет востребовано. Остановлюсь на критериях этой востребованности. Подчеркну, что следует отделить собственно исторические исследования, имевшие в прошлом место фактов, например, биографических (которые в дальнейшем могут стать – или не стать – толчком для новых научных изысканий), исследования прошлого как такового от того, что становится актуальным именно сейчас. Сохранение наследия – это прежде всего *диалог* с прошлым, герменевтическая задача конструирования контекста (контекстов – социальных, интеллектуальных, экзистенциальных) и включения в современные интеллектуальные практики и культурные горизонты – прошлого; изменение своего «горизонта понимания» путем взаимодействия с актуальным прошлым. Иными словами, наследие – это не вообще все, что существует в виде текстов (что написано, что сохранилось в виде рукописей или публикаций), а то, что способно вступить с нами в диалог. Наследие – вещь *исторически подвижная*: актуальность прошлого зависит от настоящего. И в этом смысле наследие П. Сорокина актуально, поскольку сегодня наше общество не только пожинает плоды того, о чем он писал в 20-е годы и в середине XX века, но и сталкивается с теми же проблемами и переживает подобные катаклизмы. Мне представляется, что один из почти не рассматриваемых применительно к П. Сорокину вопросов – это вопрос о природе человека, о возможности соскальзывания человека – во внечеловеческое. В этом смысле П. Сорокин – современник не только войн и революций прошлого столетия, но и авторов, для которых проблема человека также стала основанием политической и социальной философии. Я имею в виду, прежде всего, социально-философские идеи Ханны Арендт, экзистенциальный опыт которой стал не последним фактором ее знаменитых книг о происхождении тоталитаризма и банальности зла.

Считаю, что наследие П. Сорокина полностью включено в ситуацию диалога с современностью, потому что множество идей, которые он высказал, действительно являются актуальными. Эту проверку на актуальность, на валидность, я думаю, выдержит далеко не каждый представитель культуры прошлого. Наследие становится наследием тогда, когда оно актуализировано в настоящем. Когда оно не просто напечатано, сохранено в архивах, спецхранах или музеях, но и актуализировано в последующей деятельности ученых или, что не менее важно, в исторической реальности происходящего.

В этой связи мне бы хотелось отметить несколько тем, которые актуальны и могут стать основанием для деятельности Центра. Я не раз говорила на предстоящих заседаниях о том, что задача Центра – не только сохранение наследия, не только публикация собственно трудов П. Сорокина, что, конечно, очень важно, но прежде всего разработка исследовательских программ социокультурных исследований. Причем задачей является и сохранение неразрыв-

ности связи культуры и общества, на которой, как известно, настаивал П. Сорокин. На мой взгляд, это то, чем мы должны заниматься или, по крайней мере, наметить пути к такого рода деятельности.

Считаю, что самой болевой точкой современности является распад системы ценностей. Как известно, П. Сорокин рассматривал ценности в качестве основы культуры (культура – это то, что зиждется на системе ценностей как глубинном уровне существования человека и цивилизации). Но сегодня как никогда очевиден аксиологический кризис – кризис, связанный с характером переходной эпохи. Добавлю, что именно Сорокину принадлежит идея хаоса как источника возникновения новых социальных и культурных форм. Современная синергетика, в определенной мере отталкиваясь от идей Сорокина, выдвигает понятие хаоса как основания построения матрицы для исследования нелинейных процессов, постулируя, как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «открытый характер истории», ее «фундаментальную неопределенность». Если говорить о сегодняшнем дне, то эта открытость проявляется в том кризисном состоянии, в котором оказалась система ценностей постсоветской культуры, лишенной идеологической «арматуры» «марксистско-ленинского» учения, но и не вернувшейся ни к «подлинному» Марксу с его антропологическим проектом, ни к традициям русской философской антропологии и в то же время не усвоившей новой интеллектуальной парадигмы информационного общества.

Говоря о сегодняшнем состоянии российской социокультурной аксиологии, нельзя не повторить вслед за целым рядом исследователей: вся культура России, вся история России – это бесконечная переходная эпоха, затянувшийся кризис, всегда порождающий, с одной стороны, великие идеи и великие тексты (Толстого и Достоевского с его «вихревой», как писал Н.А. Бердяев, антропологией), с другой стороны – великие потрясения. «Вихревая» антропология, осмысленная на художественном уровне Ф.М. Достоевским, проявилась в сотрясавших Россию социальных практиках начала и первой половины XX века, но в теоретическом плане была отрефлексирована в том числе и П. Сорокиным. Возникает вопрос: какими катастрофами чреват нынешний ценностный кризис? Или, может быть, можно говорить о ценностном вакууме? С этой точки зрения наследие П. Сорокина – источник не только методологических подходов к анализу общества, но и, прежде всего, к анализу человека, его ценностей и зиждущейся на этих ценностях культуры.

К сожалению, наши дети, студенты, которых я наблюдаю, школьники, с которыми я иногда работаю, обнаруживают полное отсутствие каких бы то ни было представлений о *системе* ценностей. Мой преподавательский опыт в этом плане даст основания для не слишком утешительных выводов. Например, на вопрос о наиболее значимых ценностях студенты отвечают, говоря только об одной ценности – ценности семьи. Наверное, это хорошо в качестве преодоления дурно понятого коллективизма, подчинения личного общественному и прочих советских стереотипов, и хорошо, что начиная с хрущевской оттепели, а затем в перестроечной России роль семьи стала пропагандироваться. Другое дело, что в реальной жизни семья, видимо, все-таки не играет столь значительной роли,

которую студенты ей отводят. Во многом, на мой взгляд, это компенсаторная реакция, так как статистические данные говорят о далеко не благополучном состоянии дел в сфере современной семьи: об огромном количестве брошенных или беспризорных детей, об алкоголизме и т.д. Доминирование ценности семьи в сознании студентов демонстрирует *наличие проблемы*, а не ее отсутствие. Печально то, что, кроме ценности семьи, студенты вообще не отмечают никаких ценностей. Никто не говорит о добре и зле, о ценности другого человека, другой личности, о ценности, например, демократии или свободы или еще каких-то ценностях – политических, социальных, даже эстетических. Я считаю, что задача нашего Центра заключается не в том, чтобы объяснять, что такое хорошо и что такое плохо, объяснить это нельзя ни на пальцах, ни при помощи презентаций, интерактивных форм или технологий, которые сейчас пропагандируются. Для начала следует определиться, какие ценности, какие идеалы мы, старшее поколение, учителя, воспитатели, преподаватели, ученые, можем предложить. В этом смысле актуальной представляется теория альтруистической любви П. Сорокина, причем не только потому, что нужно и можно соглашаться с его идеями (на мой взгляд, они в полной мере продолжают русскую социально-эстетическую утопию, очевидно коррелируя с религиозной философией рубежа XIX–XX веков – философией В.С. Соловьёва, Н.О. Лосского и др.). Эта теория актуальна самим обращением к вневременному (но и исторически изменчивому) экзистенциалу – к любви, который, что очевидно, все больше «вымывается» из нашей культуры.

Приведу пример. Я была недавно оппонентом на защите докторской диссертации по культурологии. Темой диссертации была репродуктивная культура человека. Речь шла о социальных аспектах этой (признаю, очень важной) темы – о рождаемости и ее социальной регуляции, о мотивации рождения ребенка и т.д. Но при этом в работе не было ни одного слова о любви. Ни о любви родителей друг к другу, ни о любви к ребенку и т.д. Продуктивность рассматривалась как биологическая функция.

Полагаю, что, когда мы говорим об альтруистической любви, речь идет не только о любви матери к ребенку или о любви к ближнему, но и о любви, например, к знанию, любви к интеллекту, любви к искусству. Связь ценности любви и познания, о чем говорил, как известно, еще Платон, демонстрирует современная система образования, хотя и методом «от противного». Если мы ставим во главу угла прагматику (будь то экономические резоны, такие, как инвестиции в интеллектуальный капитал как способ повышения доходности предприятия, или в сфере частной жизни – получение образования с целью иметь высокую заработную плату), то за бортом остается мотив бескорыстной любви к мысли, любви к изучаемому предмету (что в случае гуманитарного знания наиболее значимо). И отсутствие любви приводит к отсутствию знания.

В заключение хочу сказать о том, что продуктивное – диалогическое – изучение наследия П. Сорокина отнюдь не сводится к тому кругу вопросов, которые мне показались актуальными. Углубляться в эту проблематику можно бесконечно долго, и, видимо, это и должно стать программой деятельности «Центра «Наследие» им. П. Сорокина».

А.К. Кошухов,
заместитель директора ГБУ РК
«Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина»,
кандидат социологических наук

«Наследие»
№ 2 (5) (2014)

Мы несколько заикливаемся на альтруистической любви, хотя сам П. Сорокин рассматривал ее как вид любви, т.е. встраивал в более общую классификацию. Он рассматривал любовь как общую ценность и дал классификацию ее различных видов, в том числе альтруистической. Что такое любовь матери к ребенку? Это в высшей степени альтруизм. К сожалению, когда мы начинаем говорить об альтруизме, это отталкивает молодежь. Но ведь альтруизм можно понимать по-разному. На мой взгляд, любовь – это ценность, которую необходимо рассматривать с разных сторон, в том числе и с репродуктивной.

При Центре «Наследие» действует дискуссионный клуб для студентов вузов Сыктывкара, где проходят дискуссии на общеполитические темы. Ребята показывают неплохой уровень владения и оперирования социально-политической информацией. Но, как мне кажется, с ними надо больше говорить о ценностях, поскольку именно ценности определяют жизненные стратегии, особенности восприятия социального окружения, в конечном счете, определяют человеческую судьбу. Кстати, когда я читаю курс социологии в университете, я задаю студентам вопрос: «Можно ли измерить любовь?» – «Нет». Тогда говорю: «А Сорокин измерил». Так можно ли измерить ценность? В принципе, можно. Но для этого, во-первых, надо иметь глубокое собственное понимание этих ценностей, возможно, опыт длиной в жизнь. Во-вторых, каждое понятие в социологическом исследовании требует теоретического осмысления и разложения на отдельные составляющие (в социологии это называется операционализация). В-третьих, необходимо знать исторические особенности складывания ценностно-нормативной основы нашего общества. То есть, чтобы перейти к собственно социологическому исследованию, надо иметь всеобъемлющее понимание объекта исследования, а для этого надо начинать с малого – с дискурса, с обсуждения того, что является ценностью сегодня.

Далее. По заданию Министерства национальной политики Республики Коми мы провели исследование по межнациональным отношениям и получили интересные цифры. С одной стороны, в республике наблюдается отток населения трудоспособного возраста. Увеличивается количество молодежи, и сокращается количество людей трудоспособного возраста. Основная причина нелюбви к мигрантам – культурологическая. Невосприятие людей, отличающихся от тебя.

Возвращаясь к постановке проблемы: что такое любовь к ближнему? Снова говоря о ценностях, хотел бы провести различие между общественно-политическими ценностями и традиционными. Государство на каждом историческом отрезке времени выдвигает своих лидеров и свои ценности. Сегодня актуален Ленин, завтра – Сталин и т.д. Поэтому внимательно нужно изучать то, что провено временем.

Следующий момент: под культурой мы всегда понимаем нечто узкое. П. Сорокин под культурой понимал цивилизацию, а мы понимаем под культурой от-

расль экономики со своими финансами, министерство, денежные потоки и т.д. Культура требует не только организационной деятельности, но и постоянного осмысления, здесь узость восприятия может только навредить.

В этом плане изучение трудов П. Сорокина как никогда актуально, потому что он понимал культуру интегрально, его социокультурная система включала в себя все вплоть до экономики. Когда читаешь его работы, то понимаешь, что он общество, культуру и человека рассматривает в неразрывном единстве. Для него самым главным в общественном развитии является именно социокультурный процесс. В этом плане труды П. Сорокина действительно очень актуальны, поскольку они о современности. Предлагаю экспертам Центра подумать о возможности проведения социологического исследования по ценностным предпочтениям современной молодежи.

В.П. Марков,
Первый заместитель Председателя
Государственного Совета Республики Коми

То, что я услышал, очень интересно. Если говорить просто о сохранении наследия – у нас есть Национальный музей, архивы. А если говорить о сохранении наследия в более широком смысле слова, то в наши дни это все направления работы Центра «Наследие». Как Сорокин пришел к своей системе ценностей? Ведь она не была дана ему свыше. Он с малых лет занимался разными видами деятельности. Был молодым исследователем. Именно тогда к нему пришло понимание того, на чем строятся человеческие взаимоотношения, ценности. Мне кажется, к исследовательской работе Центра нужно привлекать молодежь, студентов, потому что это действительно интересно – исследовать истоки известных всему миру сорокинских концепций. По мнению многих авторитетных ученых, эти истоки надо искать в социальном, интеллектуальном и духовном окружении П. Сорокина в молодости – в Коми крае.

Нужно начинать и собственную исследовательскую работу Центра «Наследие», для чего предлагаю использовать все возможности для получения гранта. Неважно, будет ли это грант республиканский или российский, начинать такую работу надо.

Для реализации задачи Центра по популяризации наследия Сорокина необходимо максимально эффективно использовать юбилейные даты, например, в 2014 году – 125-летие со дня рождения П. Сорокина; 4 февраля – день рождения ученого по новому стилю надо отмечать ежегодно. Дело в том, что сегодня люди еще очень мало знают о П. Сорокине, так как многие годы, весь советский период, ученый считался врагом советской власти и память о нем сохранялась исключительно в нескольких строчках учебника по истории страны, и то в негативном ключе – как о контрреволюционере.

Как важнейшую общественную инициативу я вижу сбор средств на установку памятника П. Сорокину в Сыктывкаре – перед главным входом Сыктывкарского государственного университета. Поучительна история создания

этого памятника. Дело в том, что конкурс проектов памятника был проведен в Сыктывкаре еще в 1999 году. Выиграл его тогда еще не очень известный в художественной среде скульптор А. Ковальчук. Сегодня это народный художник России, председатель Союза художников России. Только сейчас принято окончательное решение об установке памятника в год 125-летия П. Сорокина.

Значительную роль в популяризации наследия ученого, в распространении его идей должны сыграть произведения П. Сорокина, как научные, так и автобиографические и художественные. Поэтому мы ожидаем от Центра активизации издательской работы.

М.П. Рощевский,
академик, советник РАН,
заместитель председателя

Мне кажется, что мы сместились несколько в другую область. Я думаю, что музеи, архивы, плюс то краеведческое движение, которое есть у нас в республике, – это государственное и общественное. А вот «Наследие» – это единственная государственная организация, которая занимается интеллектуальным наследием вообще, причем не только гуманитарным. Культурология в Сыктывкаре находится на подъеме. Но если мы только на этом будем строить работу «Центра «Наследие» имени П. Сорокина» – это неправильно. Второе, нам нужно превращать журнал «Наследие» в активно действующий научный журнал. И раскрывать как наследие интеллектуальное во всех сферах деятельности. Пока Государственный Совет Республики Коми идет на сотрудничество, видит перспективу, нужно момент использовать. Нас ведь никто не сдерживает с тиражом и периодичностью.

Мы трижды проводили общероссийские конференции по архивам. На мой взгляд, нам нужна именно архивология, а не архивоведение. Вроде бы все это понимают, но архивы в своей деятельности особой поддержки не ощущают. Тематика научного интереса каждого ученого сугубо личная, но журнал нуждается в отработанной концепции. Я считаю, что в журнале «Наследие» нужно публиковать и такие материалы, которые формально не относятся к истории нашей республики. Например, сейчас мы готовим к изданию первый русский учебник по физиологии XVIII века. Он написан очень красивым языком, но никакого отношения к Коми не имеет, издан в Кронштадте. Это наследие? Да, однозначно. Этот учебник помнят, он отмечен в музейных реестрах. Копаясь в чем-то другом, вы обнаруживаете что-то, что не относится к республике. Куда мы это денем?

Например, значение личности Ю.А. Спиридонова неоспоримо. Когда его сняли с работы, были заготовлены коробки, и из его кабинета все бумаги понесли на свалку. Мы часть сумели забрать в свой архив. Юрий Алексеевич поставил условие, что опубликует архив через 25 лет, он продолжал пополнять его, пополняла и его супруга. Времена тоже были жесткие. Часть архива попала в университет. Наше наследие должно и в таких случаях сохраняться.

С.В. Бандура,
заместитель директора
Национального музея Республики Коми

Когда проходят заседания, посвященные сохранению нематериального наследия, мы, работники музея, со своим желанием сохранения музейных ценностей не можем вписаться ни в какую подпрограмму. В этом и заключается парадокс, хотя материальное и духовное едино. Рукописные памятники XV–XVI веков – что это, как не соединение материального и нематериального? Любую книгу нужно сначала сохранить, а потом уже сделать доступной для любого ученого и исследователя. Всем эта последовательность понятна, но мало что в этом отношении делается. Возможно, решится проблема генерального хранилища Национального музея, куда в будущем переместят фонды. Это поможет сохранить коллекции.

Об актуализации наследия П. Сорокина можно сказать следующее. На будущий год в музее запланирована выставка. В 1999 и 2009 годах уже были выставки, посвященные биографии и научному наследию социолога. Выставка, запланированная на следующий год, имеет другой ракурс. Ее название – «Современные зыряне». Хорошо известна одноименная этнографическая работа П. Сорокина, опубликованная в 1911 году в журнале «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Это была первая попытка тогда еще юного исследователя проанализировать социокультурную ситуацию на территории проживания коми. Интересно, что спустя почти 100 лет мы хотим увидеть элементы традиционной культуры у современных коми – в начале XXI века. На выставке будут представлены фотографии этнографов начала XX века (Сергея, Сидорова и др.). Нам предстоит собрать и современные фотографии, чтобы отразить материальную и духовную культуру «современных коми». Мы уже обратились к ученым Коми научного центра, которые занимаются этнографическими исследованиями в XXI веке, чтобы представить на выставке визуальный ряд. Если прозвучат результаты социологических исследований, то, на наш взгляд, они тоже заинтересуют посетителей. Выставка станет хорошей площадкой для диалога.

Еще один момент: в следующем году будет отмечаться 70-летие освобождения Ленинграда от блокады. У Сорокина есть работа «Голод как фактор» и еще ряд работ, где он пытается осмыслить тему войны, голода, человеческих страданий. Об этом нужно говорить и сегодня. Это актуально – говорить о войне не только как о сражениях, но и о голоде как составляющей войны. Этот аспект (физиологический и биологический) в осмыслении Сорокина – очень важная и малоизученная составляющая его большого научного наследия.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 316.334.55 : 316.334.56

М.В. Ломоносова
Санкт-Петербург

РОССИЙСКИЕ ИСТОКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В АМЕРИКАНСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена научному вкладу П.А. Сорокина в процесс становления сельской социологии как отрасли социологического знания. Отражены основные результаты российских исследований конца XIX – начала XX века, повлиявших на развитие сельской социологии. Доказана значимость российского вклада в американскую академическую социологию.

Ключевые слова: история социологии, сельская социология, российская социология, миграция, социология П.А. Сорокина, социологическая теория.

M.V. Lomonosova. The Russian sources of the development of the rural sociology in the American academic sociology

Article is devoted to a scientific contribution of Pitirim Sorokin to process of formation of the rural sociology in America as a branch of sociological knowledge. Article reflects the main results of the Russian researches in late XIX – early XX centuries, which influenced the development of the rural sociology. The scientific facts in the article prove the importance of the Russian contribution to the American academic sociology.

Key words: history of sociology, rural sociology, Russian sociology, migration, P.A. Sorokin's sociology, sociological theory..

Питирим Александрович Сорокин стоял у истоков многих современных социологических теорий и отраслевых социологических дисциплин, являясь

русским классиком западной социологии. Ему следует отвести особое место в плеяде мыслителей, чьи труды оказали фундаментальное влияние на развитие социологии как научной дисциплины в теоретико-методологических вопросах и институциональных аспектах. Характерно, что российские традиции социологического образования, заложенные в начале XX века М.М. Ковалевским, Е.В. Де Роберти, Л.И. Петражицким, Н.И. Кареевым и другими выдающимися российскими учеными, несмотря на то, что в России начиная с 20-х годов прошлого века и вплоть до 1982 года социология была полностью вытеснена из корпуса гуманитарного знания и заменена историческим материализмом, все-таки получили свое дальнейшее развитие благодаря научной и организационной деятельности П.А. Сорокина. Ярким подтверждением этого являются его пионерские исследования в области проблем сельской социологии*.

В своем письме к Д.А. Лутохину от 21 октября 1924 года он писал, что один из курсов, преподаваемых им в этом году в университете Миннесоты, – курс «Rural Sociology» (Социология села), и отмечал, что «штат Миннесота – фермерский и считается одним из самых радикальных. Но, опять-таки, этот радикализм рабочих, приезжающих в собственных автомобилях, и фермеров, имеющих не только автомобили, но – огромное большинство – дорогое радио... Этот радикализм, я говорю, не похож на наш. Российский радикализм – это либо анархия, либо упадочничество, либо подлость, либо – глупость (извините – такова его история, сущность и общ. роль). В здешнем радикализме – подчас очень здравомысленном – вы чувствуете реализм; баланс, силу, напор свежих сил. Он не отрывается от реальности, он очень по-своему консервативен. Такой радикализм я понимаю и принимаю» [Дойков, 2009, с.33–34]. Спустя же пять лет в своем письме к Н.Е. Шаповалу от 20 октября 1929 года он гордо пишет о том, что теперь он не только читает лекции в университете Миннесоты, но его труды публикуются и переводятся на многие языки: «“Principles of Rural-Urban Sociology”** единогласно признаны лучшей книгой в этой области в мировой литературе. “Социологические теории”, по-видимому, тоже признаны лучшей в этой области в мировой литературе... За последнюю неделю я получил четыре предложения: быть главой факультетов социологии в университетах Мичигана, Иллинойса, Гарвардском университете и почетное профессорство в Университете Висконсина. <...>После ряда колебаний я вчера остановил свой выбор в пользу славнейшего из американских университетов – Гарвардского. Американцы даже говорят: “Всякий магометанин мечтает о Мекке, и всякий американский профессор мечтает о Гарварде”. <...> Таким образом, за шесть лет русский беженец достиг вершины в смысле академической карьеры. <...> Не удивляйтесь, если через год-два Вы увидите меня выбранным в Президенты Американского социологического общества. <...> И я лично очень рад, что даю кое-что для поддержки престижа русской науки...» [Дойков, 2009, с.61–62]. Характерно, что в письмах П.А. Сорокин только констатирует факты и не пишет о той ключевой роли, которую сыграли его исследования в развитии мировой социологии и «социологии села и города» как отраслевой дисциплины.

* В данной статье термин «сельская социология» используется как синоним термина «социология села и города».

** «Основы социологии села и города».

плины. Если принять во внимание тот факт, что в это время он еще не владел свободно английским языком и сталкивался со всеми сложностями адаптации к новой, непривычной для него университетской среде, то его достижения изумляют. Кроме этого, нельзя не обратить внимания и на еще одну черту научного творчества П.А. Сорокина – взаимосвязанность его практической деятельности, профессиональной академической и научно-исследовательской. В каждый момент своей жизни и деятельности он кропотливо и безостановочно собирает материал для своих будущих исследований. Так, чтение курса по сельской социологии не только позволило ему задействовать весь его жизненный опыт в России, где перед ним развернулась целая эпоха с ее переломными событиями и выступила в качестве идеального предмета для исследований, но и помогло собрать материал для будущего научного труда. Кроме того, если использовать терминологию, введенную в социологический корпус знания Сорокиным, скорость его «индивидуальной мобильности», намного превышающая скорость «мобильности целого поколения», позволила ему переместиться из самых низких «страт» дореволюционной России XIX века в самые высокие «страты» Америки середины века XX. Крестьянская жизнь на своей северной родине в конце XIX века; жизненные стратегии и уклад уездных городов России начала XX века; жизнь в Санкт-Петербурге – столице Российской империи; жизнь в городе, охваченном революцией и голодом; пребывание в Европе в статусе эмигранта и, наконец, жизнь в индустриально развитой Америке 20–30 годов XX века – все это выступило в качестве эмпирического материала, который был активно использован П. Сорокиным в своей профессиональной деятельности. И прежде всего это нашло отражение в его классическом фундаментальном труде «Социальная мобильность» (1927), на основе идей которого он и разработал основные принципы социологии села и города. Также в появлении этого нового направления исследований принципиальное значение имело знакомство и сотрудничество Питирима Сорокина с социологом Университета Миннесоты Карлом Циммерманом (ставшим его другом на всю жизнь), в соавторстве с которым были подготовлены работы «Основы социологии села и города» (*Principles of Rural-Urban Sociology*) (1929) и трехтомное издание (в соавторстве с Циммерманом и Гальпином) «Хрестоматии по социологии села» (*A Systematic Source Book in Rural Sociology*) (1930–1932). Основное внимание они уделили проблемам урбанизации, нарастающим процессам миграции в города, разнице в уровне жизни сельского и городского населения. Сорокин впервые в истории сельской социологии США вывел ее за пределы провинциальной замкнутой науки, предприняв сравнительный анализ европейского и американского аграрных классов, анализ фермерских классов по отношению к городским классам, и, что самое важное, ввел в оборот теоретическое наследие европейской и российской социологической науки. Именно эти работы стали первыми фундаментальными работами в области теории социологии села и города, выступив в качестве основополагающей вехи в развитии этого направления в США, и до сих пор сохраняют свое значение.

Основным стержнем работы «Основы социологии села и города» стала предложенная Сорокиным и Циммерманом модель «сельско-городского кон-

тинуума», где системно связаны идеальные город и деревня, диаметрально полярные по целому ряду параметров, таких как род занятий населения, тип окружающей среды, степень социальной гетерогенности, уровень индивидуальной и коллективной мобильности, интенсивность социальных взаимодействий. В своей статье В.В. Сапов: отмечает «Несмотря на недостатки (например, демографический уклон в оценке перспектив роста городов, романтизация сельской общины, схематичность предложенной поляризации города и деревни), эта работа заложила основу целого направления в социологии» [Сапов, 1997, с.147]. До выхода в свет работ Сорокина мало кто среди аграрных социологов был знаком с работами Э. Дюркгейма, Ф. Ле Пле, Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера, В. Парето и других, теории которых были им рассмотрены в качестве теоретико-методологических основ нового направления социологии. Так, например, М. Вебер анализировал город в контексте исторического развития общества, его экономического строя, культуры и политики; Ф. Тённис теоретически противопоставлял городские и сельские формы общественной жизни; Г. Зиммель выделял наиболее характерные и основополагающие черты городской культуры. Как видно из приведенных примеров, Г. Зиммель, Ф. Тённис и М. Вебер в рамках предмета своих исследований прямо или косвенно описывали различия основных черт городского и сельского обществ посредством фиксации особенностей городской и сельской жизни, городских и сельских социальных связей и человеческих отношений. При этом эмпирическое поле классической прикладной социологии на Западе с самого начала концентрировалось на изучении рабочего класса, буржуазии и бюрократии. Деревня и аграрное

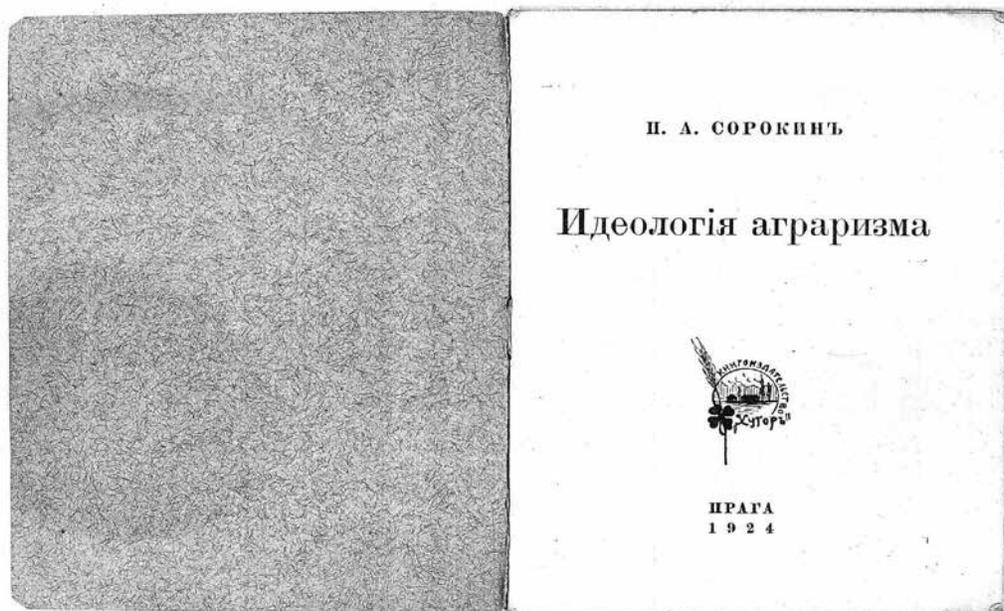
Русская Секция Международного Аграрного Бюро.

Сидяť слѣва направо): Г. И. Долгопятовъ, И. В. Емельяновъ (предсѣдатель), Ю. И. Фидлеръ и А. Г. Винничукъ.
Стоять (слѣва направо): Ф. С. Гапоновъ, А. И. Рышкинъ, И. Г. Савченко и К. П. Бельговскій.

дело интересовали социологов как источник капитализации общества. Акцент делался на противопоставлении городского и сельского обществ. Иной подход у Сорокина, поскольку им высказана мысль о сопряженности города и деревни, причем сельско-городская соотнесенность вынесена даже в заголовок его книги «Principles of Rural-Urban Sociology». Новым в области сельской социологии США стало применение Сорокиным собственной теории социальной стратификации, социальной мобильности и социального пространства к определению особенностей фермерского класса США по отношению к городским классам.

Если вернуться к словам Сорокина в письме к Д. Лутохину о том, что он «очень рад, что дает кое-что для поддержки престижа русской науки», то очевидно, что это в нем говорит не только патриотизм, но и то, что в действительности его научная продуктивность в Миннесоте за шесть лет работы имеет «русские корни». И это заслуживает отдельного внимания, так как в работах европейских и американских исследователей эта тема практически не раскрывается: вслед за биографом Сорокина Б. Джостоном утвердилось представление о том, что «русский период творчества» – это преимущественно годы «ученичества, научных поисков и революционной деятельности», в то время как с прибытием в США Сорокин получил «золотые возможности» для реализации своего научного потенциала [Johnston, 1995]. В этой связи необходимо отметить, что интерес к проблемам города и деревни возник у П.А. Сорокина еще в России. Вот только лишь факты: в 1917 году он начинает заниматься подготовкой созыва Всероссийской крестьянской конференции и организацией издания правозероветской газеты «Воля народа», в 1919 году П.А. Сорокин избирается профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства, в Праге он активно сотрудничает с Институтом сельскохозяйственной кооперации, а когда там же летом 1922 года образовалась группа «Крестьянская Россия»*, то П.А. Сорокин возглавил редакцию официального журнала этой группы с аналогичным названием. Но самое главное, что в 1924 году в Праге вышла в свет работа П.А. Сорокина «Идеология аграризма», изданная Международным аграрным бюро (см. фото из этого издания. – *М.Л.*). Эта работа практически не упоминается исследователями научного творчества Сорокина, так как со времени своего выхода ни разу не переиздавалась, а ее тираж был настолько мал, что отдельные экземпляры книги сохранились лишь в нескольких крупнейших библиотеках и являются библиографической редкостью.

* «Крестьянская Россия» – Трудовая Крестьянская партия (КР–ТКП) была создана в Москве в 1920 году и рассчитывала опереться на самый массовый слой русского населения – жителей деревни, выражая общую идеологию русского земледельческого движения. К концу 1920 года политические оппоненты большевизма из партии социалистов-революционеров (ПСР) оказались в состоянии тяжелого политического кризиса. В изменившейся обстановке после Гражданской войны потребовались новые конкурирующие с РКП(б) политические проекты, способные привлечь российское общество в условиях мирного времени. Особое значение в связи с этим приобрело создание в эмиграции несколькими видными деятелями ПСР новой политической альтернативы компартии – «Крестьянской России» – Трудовой Крестьянской партии (КР–ТКП). Период деятельности КР–ТКП – с 1920 по 1953 год. В Москве в 1920 году была создана первая группа КР–ТКП. В 1953 году в Нью-Йорке вышло в свет последнее издание группы КР–ТКП – сборник «Крестьянская Россия», после чего публичная активность ее сторонников в русском зарубежье фактически прекратилась.

Работу «Идеология аграризма», несмотря на то что она была опубликована в 1924 году в Праге, можно смело отнести к последним трудам «российского периода» научного творчества П.А. Сорокина. Она была издана на русском языке благодаря активному содействию А.Г. Винничука*

Но прежде чем перейти к анализу этой работы, необходимо очертить общий социально-исторический контекст, на который опирался Сорокин в своем исследовании. С одной стороны, начало научной деятельности Сорокина совпало с «серебряным веком» не только в искусстве и науке, но и в русской журналистике, которая переживала в начале XX века пору своего расцвета, количественных и качественных изменений. В конце XIX века Россия выпускала книг больше, чем любая страна мира, а к 1905 году, по выводам Н.А. Рубакина, она заняла первое место в мире по объему печатной продукции на душу населения (около 90 млн экземпляров в год) [Жирков, 2001, с.181]. С другой стороны, в конце XIX – начале XX века. Россия представляла собой аграрно-индустриальную страну со средним уровнем капиталистического развития, при этом развитие экономики было в основном связано с успехами в сельском хозяйстве. Увеличение посевных площадей, среднегодового сбора сельскохозяйственной продукции, численности населения (в основном за счет сельского), создание и эффективная деятельность объединений аграриев и кооперативное движение свидетельствовали о том большом значении в экономическом развитии России,

* Винничук Алексей Григорьевич (1887–1982) – юрист, сокольский деятель. Член Русской военной миссии в Чехословакии. В эмиграции жил в Праге. Активный деятель Союза русского сокольства, участвовал в издании сокольской литературы. Зам. председателя русской секции Международного аграрного бюро. Руководитель издательства «Хутор» (1922–1949), которое опубликовало «Современное состояние России» (1922), «Систему социологии», Т.1 (1923/4) и «Идеологию аграризма» (1924) П.А. Сорокина.

которое играло сельское хозяйство. Но с распространением марксистской теории начинает формироваться убеждение о том, что роль аграрного сектора в развитии общества минимальна. И уже через два десятилетия была выдвинута на уровне правительства страны глобальная стратегическая задача индустриализации аграрной многоукладной России. В решении данного вопроса победили политика и идеология, тем не менее в начале XX века проблемы развития города и села активно изучались в рамках различных научных дисциплин, составив особое исследовательское направление. Поэтому, когда Сорокин приступил к изучению этого вопроса в американский период своего творчества, он, безусловно, опирался на концептуальный базис изучения аграрных проблем, сложившийся в России в первой половине XX века. И здесь прежде всего стоит отметить имена ученых, внесших свой вклад в изучение проблем города и деревни, – В.П. Семёнов-Тян-Шанский, С.Н. Булгаков и Н.Д. Кондратьев.

В.П. Семёнов-Тян-Шанский опубликовал результаты своих многолетних исследований в работе «Город и деревня в Европейской России», в которой были подробно проанализированы зональные типы сельского расселения (в зависимости от природных условий), дана характеристика городов в зависимости от численности населения и торгово-промышленного оборота. Эта работа была удостоена Малой золотой медали им. М.Н. Ахматова Петербургской академии наук и считается первой в мире монографией по геурбанистике, являясь в настоящее время ценным источником для современных исследователей в оценке экономико-географических сдвигов, произошедших на территории Европейской России в начале прошлого века. Сам В.П. Семёнов-Тян-Шанский называл свою книгу просто «очерком по экономической географии», но история развития социальной мысли показала, что этот труд стал не только классикой российской антропогеографии и социальной географии, но и первой в мировой практике геурбанистической монографией, во многом предвосхитившей проблематику и отчасти методику этого направления – одного из ведущих в современной социальной и экономической географии.

Известный русский философ и экономист С.Н. Булгаков в начале XX века в своем исследовании «Капитализм и земледелие» (1900), которое проводилось с целью обоснования марксистского тезиса о концентрации производства применительно к сельскому хозяйству, пришел к выводу о том, что крестьянское хозяйство имеет особую природу, причем оно более, чем любая другая форма, отвечает интересам общества. Это связано с тем, что данная форма организации труда не ориентируется на получение максимальной прибыли и довольствуется тем, что развитая неземледельческая сфера экономики облегчает крестьянам доступ к благам цивилизации. С.Н. Булгаков выступал против распространенного мнения о том, что нужно видеть прогресс во всякой машине, и считал, что марксисты необоснованно считают крестьянское хозяйство историческим пережитком, обреченным на исчезновение. Он не соглашался с марксистским взглядом на крестьянское хозяйство извне – как на внутренний рынок для фабричной промышленности и как на источник формирования городского пролетариата. Кроме этого, данное исследование, поставив под сомнение не только выводы марксистов относительно тенденций развития общества, но и их основные прин-

ципы познания, оказало влияние на развитие социально-экономической мысли XX века.

Н.Д. Кондратьев и П.А. Сорокин принадлежат к тому поколению ученых, которые на практике столкнулись с результатами реорганизации общества на теоретико-методологической основе марксистской концепции. Если С.Н. Булгаков констатировал теоретическую неспособность марксизма при решении аграрных вопросов, то Н.Д. Кондратьев и П.А. Сорокин, исходя из результатов экономической и социальной политики, проводимой в стране, в своих трудах пытались показать ошибки и проблемы правительства в управлении страной, надеясь, что их мнение и оценки будут приняты во внимание руководящими структурами.

В начале 20-х годов Н.Д. Кондратьев, активно работая в области планирования и прогнозирования экономического развития страны, пришел к выводу о том, что осуществление индустриализации предполагает высокую норму накопления, а источником накопления является сельское хозяйство. По его мнению, необходимо было изменить политику планового директивного руководства аграрным сектором в сторону косвенного регулирования и учета реальных возможностей выполнения плановых требований, так как очевидно, что сельское хозяйство в наибольшей степени, чем любая другая сфера экономики, зависит от природных факторов, действие которых трудно «запланировать». Поэтому он исходил из необходимости в интересах роста всего народного хозяйства обеспечить накопление капитала именно в сельском хозяйстве и переход от экстенсивного способа ведения хозяйства к интенсивному. Н.Д. Кондратьев считал, что нельзя допускать чрезмерного перераспределения ресурсов в пользу промышленности и подрыва сельского хозяйства. Кроме этого, он выступал за расширение национального рынка сельскохозяйственной продукции и его связей с мировым рынком.

Анализируя научное наследие П.А. Сорокина в связи с его исследованиями в области аграрных вопросов, нельзя не отметить существование плодотворного сотрудничества между Н.Д. Кондратьевым и П.А. Сорокиным. Не случайно выдающийся экономист, по его собственному утверждению, следовал формуле Огюста Конта: «Знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять» [Кондратьев, 1989]. При этом он разделял взгляды П.А. Сорокина на природу общества, считая, что «жизнь общества представляет собой массовый, стихийный поток связей и взаимодействия между людьми на основе их действий или поведения... эти связи всегда и с неизбежностью, хотя в различных случаях и в различной мере, есть и связи на основе тех или иных идей» [Кондратьев, 1991, с.94]. В свою очередь П.А. Сорокин в своей работе «Идеология аграризма» (1924) находит социологическое объяснение и подтверждение идеи Н.Д. Кондратьева о том, что источником накопления, необходимым для развития страны и осуществления индустриализации, является сельское хозяйство. В начале своего исследования П.А. Сорокин утверждает, что «нацию как таковую создают земледельцы, работающие над землей, составляющей важнейший элемент понятия государства – территорию» [Сорокин, 1924, с.2]. Но, несмотря на огромную роль, которую играют «земледельцы» в жизни каждого государства, они не имеют организации, представляющей и защищающей их интересы как соци-

ального класса. Анализируя деятельность Международного аграрного бюро, П.А. Сорокин пришел к выводу: эта организация будет способствовать объединению «земледельческих группировок славянских государств», что позволит ослабить опасность войн и столкновений внутри отдельных государств и на международной арене. Источником конфликтов и подрыва благосостояния стран, по его мнению, является борьба городских рабочих и капиталистов, с одной стороны, и разных государств друг с другом – с другой. Далее П.А. Сорокин переходит к доказательству основной идеи данной работы – без экономически процветающего земледельческого класса не может экономически процветать вся страна. В качестве метода исследования он использует сравнительный анализ двух социальных институтов – города и деревни. В результате он выделяет два основных блока различий – биологические и психологические.

Анализируя биологические различия, П.А. Сорокин доказывает, сравнивая статистику профессиональной заболеваемости и смертности, что не город, а деревня является национальным резервуаром здоровья. Об этом свидетельствует и тот факт, что прирост городского населения в основном происходил и происходит за счет более высокого показателя рождаемости сельского населения и миграции этого населения в города. Этим выводом П.А. Сорокин предвосхитил результаты современных исследователей, таких как В.Р. Дольник (города действуют как демографические «черные дыры») и И.В. Бестужев-Лада (концепция города как «черной дыры»).

Более подробно П.А. Сорокин анализирует психологические различия. Он считает, что в связи с тем, что окружающая человека среда в деревне и в городе совершенно разнородна, то «не может не быть различным и поведение – акты, поступки и психические переживания – коренного горожанина и сельского жителя, в частности земледельца» [Сорокин, 1924, с.10]. На основе сравнительного анализа фактического материала он приходит к выводу о том, что город – особенно большой город – был всегда очагом новаторства, изменений, социальных волнений, проводником «моды», словом «бродильным ферментом в жизни всей страны». Деревня, напротив, кроме исключительной комбинации условий, была и остается, пока она не урбанизирована, «оплотом порядка», консервативности, носителем и хранителем «национальных черт», традиций, шире – всей истории страны. П.А. Сорокин считает, что в жизни многих народов период революций и социальных бурь начинался именно с момента их «урбанизирования», приобретения политической власти городом и его населением и падением влияния деревни и крестьянства. В связи с этим особого внимания заслуживает анализ различий в духовном облике города и деревни. Во-первых, с обстановкой современного города причинно связан критицизм и скептицизм, дух «подрывания» догм, верований, ценностей, в связи с этим в морально-правовом отношении ряд нравственных правил и норм в деревне несравненно прочнее, чем в городе. Во-вторых, различие профессий неизбежно накладывает свою печать и на характер мировоззрения города и деревни, в частности на мировоззрение рабочих и земледельцев. Таким образом, «механистически-материалистическое и атеистически-детерминистическое мировоззрение – результат городской индустриальной среды» [Сорокин, 1924, с.21]. В-третьих, из различия

среды вытекает различие городского рабочего и земледельца в их отношении к собственности, к экономическому коллективизму и индивидуализму. Рабочий, с точки зрения П.А. Сорокина, является лишь физическим исполнителем труда, ему чужды психология хозяина и заботы о производстве, он видит и понимает лишь собственную работу, он заинтересован лишь в распределении благ, в том, чтобы ему досталось больше, независимо от того, приведет ли это к ущербу или к пользе для всего народного хозяйства. Отсутствие собственности и «хозяйской» психологии делает рабочих склонными к социализму, к коммунизму и отрицанию частной собственности. Крестьянин является собственником, хозяином, индивидуалистом, но поскольку он своими силами ведет хозяйство, а не силами наемных рабочих, то является одновременно и работником. Именно в этом и заключается специфика экономического и социального положения класса земледельцев, поскольку его интересы полностью не совпадают с интересами других классов. В итоге П.А. Сорокин приходит к исходному постулату о том, что для возрождения любой страны, а в особенности России, необходима активная поддержка аграрного сектора и политическая, экономическая и культурная организация земледельческого класса как такового. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в своем исследовании «Идеология аграризма» П.А. Сорокин продолжает традицию универсализма в подходе к анализу социально-экономических явлений и доказывает, что именно от уровня развития сельского хозяйства зависит развитие экономики и страны в целом. Но, к сожалению, идеи С.Н. Булгакова, Н.Д. Кондратьева, П.А. Сорокина и многих других ученых в силу идеологических причин не получили развития, а на уровне правительства было принято в качестве основного направления развития страны положение В.И. Ленина о том, что единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. С негативными же последствиями этого политического решения, опирающегося скорее на идеологические постулаты марксизма, а не на экономические реалии аграрной страны, правительству и обществу пришлось столкнуться практически сразу, и об этом уже написаны сотни монографий.

Возвращаясь к истории становления сельской социологии, необходимо выделить еще ряд особенностей ее развития в России, что позволит подчеркнуть ее вклад в мировую науку. Как отмечает в своей статье В.И. Староверов, если «Запад к моменту создания теоретико-методологических основ прикладных социологических исследований был уже более чем наполовину урбанизирован, то Россия почти на 9/10 оставалась сельской, и потому как теоретическая, так и прикладная социология развивались здесь в основном в сельском социальном пространстве. Этому способствовала солидная предшествовавшая база опросных обследований. Они известны, согласно русским летописям, еще со времен домосковской Руси. Масштабные протосоциологические анкетирования “российских городов и весей” организовывал канцлер петровской эпохи Ягужинский. Во второй половине XVIII века в Комиссии Уложения Законов были собраны сотни “сказок”, представлявших собою мини-монографические описания социально-экономического положения отдельных сельских волостей разных гу-

берний Европейской части России. Регулярные переписи податного населения и крупномасштабные обследования состояния сельской глубинки, подобные тем, какие были проведены правительственной Валуевской Комиссией во второй половине XIX века и в больших количествах проводились земствами, логично переросли в практику социологических исследований. И потому теоретическая социология в России началась с общинно-народнических рефлексий А. Герцена, М. Петрашевского, Н. Чернышевского, а прикладная – с фундаментальной монографии В. Берви-Флеровского “Положение рабочего класса в России” (1869), в которой, несмотря на ее урбанистическое название, автор исследовал условия труда и быта сельскохозяйственного населения, особенно батрацкого, и анализировал общественные типы организации аграрного труда, производственных отношений в сельском хозяйстве, прежде всего, в помещичьем, крестьянско-общинном и кулацком хозяйствах...» [Староверов, 2008, с.41–42].

В начале XX века до Октябрьской революции 1917 года эмпирические социологические исследования различных сторон сельской жизни проводили П. Матвеев, В. Посников, А. Пругавин, М. Харузин, Н. Янчук и др. Особого внимания заслуживают уникальное по масштабам исследование российской сельской глубинки, проведенное В.Н. Тенишевым (равного ему впоследствии никто в мире провести не смог), а также имевшее большой резонанс в обществе монографическое «социально-гигиеническое» обследование воронежских сел, проведенное сельским врачом А.И. Шингаревым*. Подобные шингаревскому обследования проводили десятки врачей, агрономов, писателей, земских деятелей, активистов дворянских собраний. Так, например, Г.И. Успенский** собирал материалы для цикла своих произведений «Власть земли», используя, помимо интервью с крестьянами, паспорта социальных обследований поселений. Российские писатели А. Чехов и Л. Толстой не только принимали участие в качестве переписчиков в первой Всероссийской переписи населения, но и сами провели ряд анкетных опросов: один – на Сахалине и в калужских, другой – в тульских деревнях. После Октябрьской революции благодаря энтузиазму А. Большакова, А. Чайнова, П. Литошенко и других известных аграрников старой формации социологические исследования в стране возобновились с еще большим размахом. Массовой стала практика монографических обследований сел, волостей, уездов. Но уже

* Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – один из основателей кадетской партии (с 1908 года член ЦК партии). Всероссийскую известность получил благодаря своей кн. «Вымирающая деревня» (1901). Член II–IV Государственных дум. Во Временном правительстве – министр земледелия; с 5 мая по 2 июля 1917 года – министр финансов. Арестован в ноябре 1917 года, содержался в Петропавловской крепости. 6 января 1918 года переведен вместе с Ф.Ф. Кокошкиным в Мариинскую больницу, где они были на следующий день убиты матросами и красногвардейцами.

** Успенский Глеб Иванович – автор цикла произведений «Власть земли» (1882), имевшего большое общественное значение. Развивая мысль о влиянии земледельческого труда на жизнь крестьянина, он пришел к выводу, что основной силой, определяющей весь строй жизни и мировоззрение крестьянина, является «власть земли». В процессе ежедневного труда крестьянин ощущает свою зависимость от земли, от стихийных сил природы, которым он вынужден подчиняться, что накладывает отпечаток не только на быт, но и на мировоззрение крестьянина. Земля нужна народу не только как обеспечение его хозяйственного положения, но и как основа его нравственного равновесия; от этой власти он не может уйти не только потому, что рухнет все его хозяйство, но и потому, что жизнь его потеряет тогда всякий смысл. В установившемся веками общинном укладе сельской жизни Г. Успенский видит корень всей народной нравственности, а вторжение в общинный быт индивидуализма признает губительным и разрушительным.

в двадцатые годы в силу экономических, политических и идеологических причин социологическое изучение проблем села практически прекратилось. Последней вехой в научном осмыслении проблем города и деревни после революции были исследования ученых, опубликованные на страницах журнала «Экономист» в 1921–1922 годах, являясь коллективной реакцией ведущих экономистов страны, критически воспринявших экономические решения советской власти. Авторами журнала, одним из которых являлся П.А. Сорокин, была доказана научная несостоятельность базовых положений экономической доктрины большевизма. В своих статьях «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формацию», «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества», «Голод и идеология общества» он затрагивает острые проблемы, с которыми сталкивается общество и население страны – как городское, так и сельское. Затем, год спустя в Праге, П.А. Сорокин опубликовал две статьи – «Россия после НЭПа» и «Город и деревня», послужившие отправными точками для его будущих фундаментальных исследований в области сельской социологии.

В заключение можно сделать вывод о том, что российские традиции сельской социологии, заложенные еще в XIX веке, несмотря на то, что не нашли своего развития в середине XX века в силу множества объективных причин, получили свое продолжение уже в американской социологии благодаря научной деятельности П.А. Сорокина. В своей рецензии на «Principles of Rural-Urban Sociology» К. Тейлор «рассматривает книгу как крупнейшее достижение в истории сельской социологии, ...особое достоинство книги ...в том, что ...авторы проделали огромную работу над иноязычными источниками с целью представить сельскую социологию на основе информации из всех уголков мира» [Зюзов, 2009, с.19]. И одним из таких «уголков мира» как раз и выступила Россия, подарившая мировой науке выдающегося социолога, благодаря которому российские традиции изучения сельской жизни во всей ее многогранности не только не утратились, но и получили свое институциональное оформление в виде новой отрасли социологического знания – социологии села и города.

Литература

- Дойков Ю.В. Питирим Сорокин. Миннеаполис. Миннесота. 1924–1930. Архангельск, 2009. – 184 с.
- Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. – 368 с.
- Зюзов Н.Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. Сыктывкар: Эском, 2009. – 240 с.
- Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики (Предварительный эскиз) // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. – С.45–108.
- Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. – 523 с.
- Сапов В.В. Интегральная социология П. Сорокина // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 3. М.: Канон, 1997. – С.140–150.
- Сорокин П.А. Идеология аграризма. Прага, 1924. – 35 с.
- Староверов В.И. К истории возрождения российской сельской социологии // Социологические исследования. 2008. – С.40–46.
- Johnston B. Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. Lawrence, Kans.: University Press of Kansas, 1995.

П.А. Сорокин

«Наследие»
№ 2 (5) (2014)

ИДЕОЛОГИЯ АГРАРИЗМА*

Международное аграрное бюро

Интерес человечества к земле так же стар, как и само человечество. Поэтому и история человечества так проникнута вопросами отношения к земле, ее обработки и использования.

Земледелие в основе своей национально, потому что нацию как таковую создают земледельцы, работающие над землей, составляющей важнейший элемент понятия государства – территорию. Без территории негде было бы жить народу и он не смог бы организовать власть.

Но при всей своей глубокой национальности земледельческий класс чувствует связи, спаивающие земледельцев одной страны с земледельцами другой. Их связывает общность работы над землей, общность отношения к земле, общие вопросы владения землей. Это чувство присуще земледельцам исконно, но разбросанность земледельческого населения, трудность его организации не давали ему возможность выявить свои пожелания в такой степени, в таких размерах, как это гораздо раньше сделали другие классы.

Только в последнее время крупными шагами продвинулась организация земледельческого класса, вылившаяся в рамках отдельных государств в национальные земледельческие партии, отражающие и приводящие в исполнение требования земледельческого класса.

Земледельческие партии отдельных государств, естественно, чувствуют стремление к поддержанию связи в международном масштабе. Необходимость такой связи особенно чувствуется в государствах, где политическая земледельческая жизнь достигла высоких ступеней развития, как в Чехословакии, например, где возникла и осуществляется идея международного сближения земледельческих группировок, и в первую очередь земледельцев славянских земледельческих государств.

В Праге органом, служащим идее международного аграризма, является особая организация – Международное аграрное бюро, во главе которого стоят вождь чехословацкого земледельческого движения премьер-министр А. Швела и инженер Г. Фидлер (секретарь).

Первой задачей Международного аграрного бюро является объединение славянских земледельческих группировок для работы во имя идеи аграризма в международных масштабах. При Бюро уже организованы отделы – русский, югославский, болгарский, и налажена связь с польскими земледельческими

* «Идеология аграризма» издана в Праге в 1924 году в период изгнания из России. Анализируя деятельность Международного аграрного бюро и различные данные, П.А. Сорокин приходит к исходному постулату о том, что для возрождения любой страны, особенно России, необходима активная поддержка аграрного сектора и политическая, экономическая и культурная организация земледельческого класса как такового. Статья не публиковалась с момента издания в 1924 году.

Работа весьма содержательна и актуальна, в ней отражены основные идеи его аграрной социологии.

группами. Во главе русского отдела стоит И.В. Емельянов, являющийся в то же время председателем самой крупной за границей русской земледельческой группировки «Русский земледелец».

В задачу Бюро входит взаимное осведомление земледельческих партий и группировок о новостях земледельческой жизни, о состоянии земледельцев в различных странах, политической работе земледельцев. С этой целью Международное аграрное бюро издает ежемесячно Особый бюллетень на всех славянских языках с параллельным французским текстом. Кроме того, Бюро поддерживает письменную связь с центрами земледельческого движения за границей.

В порядке развития работы Международное аграрное бюро выдвигает проект Международного аграрного научного института, земледельческой информационной службы и ряда других предприятий, содействующих связи между земледельческими организациями и укреплению идеи аграризма в земледельческой массе.

Русская секция Международного аграрного бюро ведет, кроме того, свою работу по разработке вопросов русского земледельческого движения и прочных основ его организации, так как до настоящего времени в России не существовало здоровой земледельческой организации, объединяющей большинство земледельческого населения и выражающей действительные стремления и желания земледельческого класса, то есть такой организации, какая являлась бы истинной представительницей русских земледельцев.

Идеология аграризма

1

Город и деревня! Это два мира, то враждебных, то солидарных, но всегда резко отличных друг от друга.

Начнем с различий биологических.

Коренные жители деревни и города далеко не все равноценны с биологической точки зрения. Как общее правило, не город, а деревня является национальным резервуаром здоровья. Несмотря на то, что в городах тратится гораздо больше средств на гигиенические, санитарные и медицинские мероприятия, чем в деревнях, ряд поколений, живших в городах, уступает по жизнеспособности коренным жителям деревни. Огромная плотность населения в городах, множество фабрик и заводов, работа и пребывание их жителей в закрытых помещениях, преобладание умственной работы над мускульной, исключительная сложность городской жизни и т.д. – все это быстро «изнашивает» городского человека и на протяжении ряда поколений вырождает его биологически.

Какие факты подтверждают это предположение? Многие. Во-первых, обычное наблюдение каждого из нас. Человек физически сильный, «пышущий здоровьем, румяный» и т.д. ассоциируется у нас не с «горожанином», а с «дере-

венщиной». И наоборот: бледное, утомленное лицо, нервное, болезненное, отмеченное печатью туберкулеза и истощения, недоразвитостью и слабосильностью или, напротив, печатью нездорового ожирения и болезненной тучности – не есть ли это лицо и фигура горожанина? Есть, конечно, исключения, подчас весьма значительные, но мы говорим об общей норме, а не об исключениях.

О том же говорит и статистика профессиональной заболеваемости и смертности. Профессия земледельцев занимает в этом отношении одно из лучших мест*. Профессия индустриальных рабочих и ряда других городских профессий – одно из худших.

Вырождение города теперь скрадывается еще фактом громадного и постоянного «освежения» городского населения деревенским. Крупные города непрерывно «высасывают» из села наиболее здоровые, наиболее трудоспособные, наиболее энергичные элементы населения. Первые растут и живут главным образом за счет последних, а не свой собственный. Без такого «высасывания» крупные города едва могли бы поддерживать свое биологическое равновесие. С другой стороны, не будь этого отлива из деревень наиболее здоровых и трудоспособных элементов их населения, биологический «паспорт» последних был бы еще лучше. Иллюстрирую сказанное несколькими данными.

Из всех лиц, ушедших на отхожие промыслы из Ярославской губернии в 1893 году, 72,2% ушло в столицы. В Москве по переписи 1871 года 43% населения состояло из пришлых крестьян, по переписи 1882 года они составляли 49,2%. В Петербурге по переписи 1869 года крестьяне, т.е. пришлецы из деревень, составляли 33,9% всего населения, по переписи 1897 года – 59%. Прирост населения Петербурга за 6 лет равный 178 000 был вызван притоком 150 000 извне, из которых 85% составляли крестьяне, т.е. «деревенщина». Из этих примеров, являющихся типичными для огромного большинства стран, ясна указанная «высасывающая» роль городов, как ясно и то, что бурный рост их населения за XIX и XX столетия произошел не за счет размножения коренных горожан, а за счет населения сел и деревень, непрерывно приливающего в города, и тем интенсивнее, чем больше город.

* Вот один из многочисленных примеров.

На одно и то же количество лиц разных профессий в возрасте от 25 до 65 лет приходилось в Англии в 1900–1902 годах число смертей в силу следующих болезней.

	у земледельцев	строит. рабочих	коммивояж.	мясников	врачей
Воспаление почек	14	39	41	46	44
Болезней печени	8	21	60	60	54
Болезней пищеварения	20	24	28	29	46
Диабета	6	7	15	20	24
Ревматизма	-	3	4	5	3
Итого:	48	94	148	160	171
Принимая показатель земледельцев равный 100	100	196	308	333	356
Болезней нервной системы	54	94	125	133	132

Этот факт подтверждается и рядом других данных, которые, в свою очередь, характеризуют дальнейшее различие биологических процессов среди городского и сельского населения.

Во-первых, рождаемость городов, как общее правило, значительно ниже рождаемости сельского населения. В Германии, например, на 1 000 жителей в 1900 году приходилось рождений: в городах – 34,8%, в селах – 28,7%. То же и в других странах. То же и в России. Например, в пятилетие 1907–1911 годов естественный прирост населения в селах равнялся 17,6 на 1 000 населения, в городах – 10,2. Этот факт снова говорит о том, что основным местом «производства людей» является деревня, а не город. При этом чем больше последний, тем рождаемость его ниже. При этом в городах процент мертворожденных гораздо выше, чем в деревнях. Например, во Франции в города на новорождения приходилось в 1901–1904 годах 53 мертворождения, в деревнях – лишь 39.

То же в значительной мере относится и к брачности. Она обычно в городах ниже, чем в деревнях. Например, в России в XIX веке брачность колебалась между 8 и 10 на 1 000 населения, в 1910 году она равнялась 8,2, в 1911 году – 8,7; в Москве в 1910 году она равнялась лишь 5,8; в Петрограде в 1910 году – 5,9, 1911 году – 6,3, вообще была ниже, чем в сельской России. Это же явление наблюдается и в других странах.

Все эти факты говорят о том, что биологически город – «потребитель» населения, а не его «производитель». Он «тратит» здоровье, а не копит его.

Учитывая целый ряд подобных данных, Аммон набросал целую картину и дал некоторые детали этой «биологической эксплуатации» деревни городом. По его мнению и подсчетам, население города на протяжении нескольких поколений вымерло бы, если бы не было этого притока «деревенщины». Приток – спасает. Он заполняет ту «пустоту», которая образуется непрерывным вымиранием «горожан», имеющих за собой несколько поколений предков, живших в городе. Место отмирающих заполняется все новыми и новыми пришельцами из деревень. В первом поколении они вливаются главным образом в низшие слои городского населения; дети их уже в значительной мере входят в средние и высшие слои города, занимая «пустующие места» вымерших «горожан»; внуки их поднимаются еще выше. Но по мере этого подъема потомки «деревенщины» урбанизируются, урбанизируясь, в свою очередь, слабнут, начинают сами вымирать, как и их предшественники, и оставляют «пустые» места, заполняемые новыми приливами деревенского населения, и т.д.

Таков «круговорот» явлений в жизни городского населения и роль деревни в поддержании его биологического баланса.

Из сказанного, полагаю, ясна биологическая роль деревни в судьбах любой страны, ее различие и преимущество перед городом в этом отношении.

Отсюда понятно потенциальное преимущество «агрокультурных» стран, подобных России, перед сильно индустриализованными народами.

Факт прекращения прилива деревенской крови может грозить «захирением» чересчур урбанизованному населению. Опасность вырождения деревенским странам грозит меньше.

При 85% сельского населения мы можем позволить себе роскошь урбанизироваться. Опасности, связанные с гиперурбанизацией, от нас лежат еще очень далеко. А потому потенциально «социальные организмы», подобные населению России, имеют больше шансов на выживание в будущем, чем в странах с чересчур развитой городской жизнью.

3

Среда, окружающая человека в деревне и в городе, совершенно разнородна. А потому не может не быть различным и поведение – акты, поступки и психические переживания – коренного горожанина и сельского жителя, в частности земледельца.

Горожанин живет главным образом на «лоне культуры», земледelec – на «лоне природы». Первый находится в среде «искусственной», второй – «естественной». Железо, бетон и камни, пар и электричество, огромная скученность населения, магазины, кафе, газеты, телефон, фабрики, машины, беспрерывно движущийся поток трамваев, автомобилей и поездов, сумасшедшая толкотня и суэта на улицах – такова среда горожанина. Весь мир он воспринимает сквозь призму «культуры», сам он, так сказать, весь обернут газетами и «пеленками цивилизации» и только изредка подвергается прямому воздействию «природы». Не естественный ветер обдувает его, а струя вентиляционного воздуха, настоящее солнце ему заменяет электрическая люстра, почву – мостовая, реку – сжатый в железо и бетон, испачканный нефтью канал, лес и деревья – подстриженный, напудренно-выхолощенный сквер, чудеса и жизнь природы он видит лишь в «кино», жизнь животных – в зоологическом саду. Сам он весь «стилизован и окультурен», начиная со вставных зубов, пудры, корсета и кончая ... нефтью, машинным маслом и копотью угля...

Совершенно противоположна среда деревни... Здесь слой «пеленок» культуры или цивилизации тоньше, только частично, в виде «заплат» они окутывают человека и отделяют его от «лона природы». И потому – различен в корне характер «реакций» селянина от горожанина, потому же различны содержание и темы их психической жизни. Отметим некоторые из этих отличий. Во-первых, безумная сложность и изменчивость городской среды требует от горожанина быстроты и гибкости реакций; сложности и быстроты, изменчивости его поведения... «Не зевай» на улице, иначе будешь раздавлен толпой, автомобилем и трамваем. «Не зевай», стоя у машины, иначе останешься без пальца или головы. «Не зевай» всюду, иначе будешь прогнан со службы и останешься без куска хлеба. Ежеминутно и ежечасно тысячи раздражителей (газеты, телефон, почта, начальник, подчиненные, просители, электрические эффекты, витрины магазинов, беспрерывная толпа на улице, шум, гам, крики, рекламы и т. д.) воздействуют здесь на индивида и требуют от него быстрых, гибких и сложнейших реакций – ответных, «приспособительных» актов. Иначе – смерть. Отсюда – исключительная быстрота, суетливость, рассчитанность («время – деньги», «все по часам») и гибкость поведения горожанина.

Совсем иной является обстановка деревенского жителя. Его строй и ритм жизни бесконечно проще. Он приспособлен лишь к медленному ритму природы (день – ночь, весна – лето – осень – зима), здесь типина основательная, медленность и сильное упорство движений (волов и лошадей, пахоты, посева и т.д.); здесь «чересчур поспешишь – людей насмешишь», на улице не грозит опасность быть задавленным, газеты редки, книги также, нет огромной толчеи и давки; нужны лишь сила, упорство и основательность в выполнении ряда основных работ.

Отсюда понятно, почему поведение горожан несравнимо суетливее, быстрее и гибче, чем «степенные» движения «деревенского увальня».

В связи с этим состоит и другая черта различия. Объем «опыта», умственно-го «кругозора» гораздо шире, чем «деревенщины». Но он несравненно менее устойчив и гораздо более поверхностен, дилетантичен, чем объем опыта «последнего». Горожанин «знает все»: его газеты ему сообщают о событиях всего земного шара, его кинематографы показывают ему тысячи перипетий человеческой жизни, его музеи и театры, выставки и магазины знакомят его с многообразнейшими чудесами и явлениями, из читаемых книг он узнает многое, наконец, из лекций и митингов, из разговоров и встреч он черпает самые разнообразные сведения.

Но вместе с тем все это он знает поверхностно, и потому огромная часть его опыта, его убеждений, его вкусов и оценок неустойчива, непостоянна и изменчива. Все эти сведения схвачены им не в подлинном жизненном опыте, не в реагировании на самые эти раздражители, а косвенно только с бледных теней этих подлинных раздражителей: через посредство книг, кино, рассказов, театров, с чужих слов. Посему его «опыт» в огромной части – «псевдоопыт», его знания – «псевдознания».

Так как при таком «косвенном» знакомстве с явлениями возможны и даже неизбежны искажения последних (мало ли вздора пишется в книгах, газетах, показывается в кино, говорится на митингах и т.д.; вздора, часто рисующего вещи совершенно неверно), но нередко эти дилетантские «знания» являются губой формой невежества, гораздо более вредного, чем простое незнание.

Резким примером его могут служить многие из интеллектуалов с их «книжными» псевдознаниями, с их отрешенностью от жизни, которые уверенно предлагают «спасительные» рецепты, фактически ведущие часто к гибели (русские большевики – пример). Мудрено ли поэтому, что при таком дилетантизме этот «псевдоопыт» неустойчив. Сегодня, согласно сообщению газеты, горожанин думает так, завтра (после прочтения «опровержения» или «критики») – иначе. Сегодня у него в фаворе одни, завтра – другие. «Сенсация» – одна душа города. «Мода» – другая. Парадоксализм и экстравагантность – третья. Неуравновешенность – четвертая. Это иные названия для этой неустойчивости и изменчивости содержания сознания горожанина. «Мода» присутствует здесь всюду. «Мода» на костюмы, на пьесы, на поэтов, на танцы, на стили, на идеологии, на верования, на вкусы. И даже не просто «мода», а «последний крик моды». Одна волна «моды» на все меняет другую, чтобы немедленно уступить место новой.

Совершенно иными являются «опыт» и содержание «сознания» селянина-земледельца. Мир его «опыта» сравнительно узок, «содержание сознания» ограничено. Он не знает о смене министерств в других странах, ни того, что там делается, ни «новых течений» в поэзии и искусстве, ни новых танцев, ни новых фасонов платья и т.д. Его умственный багаж ничуть не похож на «склад разнообразных и случайных вещей», каковыми наполнена голова горожанина. Но зато то, что он знает, он знает прочно и основательно. Его опыт – прямой. И этот прямой опыт у него шире, чем прямой опыт горожанина. Первому приходится иметь дело не с книжным миром, а с «вещами», не с «теньями явлений», а с самими явлениями. С действительными животными, с действительными растениями, с действительной землей, с действительной сменой явлений в жизни природы. «Книжный», «опосредованный опыт» в его опыте реальном, практическом играет небольшую и всегда второстепенную роль. Он всему учится буквально «своим организмом», своими руками, ногами и телом, а не по «книжкам», не по «картинкам», не одними глазами. Благодаря всему этому он несравненно лучший натуралист, чем горожанин. Его познания в этой области часто таковы, что им может позавидовать специалист-ученый. В силу той же «непосредственности опыта» он у него оседает прочно, ибо он верен. Он не требует быстрых поправок и изменений. Поэтому он не подвержен быстрым колебаниям и быстрым изменениям. Вот почему земледелец-селянин неизбежно консервативен, не в специфически политическом смысле «реакционности», а в смысле большего постоянства его привычек, рефлексов, взглядов, вкусов, убеждений. Они меняются у него несравнимо медленнее, чем у горожанина. Вместо «моды» здесь царит «традиция», вместо «последней сенсации» – «заветы дедов и прадедов», следование тому, что было «испокон века», смотрение не вперед, а назад. «Сенсация» здесь не в почете. Крайность и крикливость – также. Спокойная уравновешенность и царство здравого рассудка, напротив, находят хорошую почву.

Отсюда понятно, как будет указано ниже, почему город – особенно большой город – был всегда очагом новаторства, изменений, социальных волнений, проводником «моды» – словом, бродильным ферментом в жизни всей страны. Деревня, напротив, кроме исключительной комбинации условий, была и остается, пока она не урбанизирована, «оплотом порядка», консервативности, носителем и хранителем «национальных черт», «традиций», шире – всей истории страны.

Отделите от страны ее большие города, предоставьте их самим себе – и они очень быстро потеряют «национальное лицо», в погоне за «модой» быстро забудут нравы, традиции, веру, воззрения и быт своей страны, скоро «денационализуются» или «национализуются». Этому же содействует и интернациональный состав их населения, ибо город, в отличие от деревни, всегда является «смесью народов, лиц, племен, наречий, состояний». Деревня, напротив, была и остается той «цепью», которая связывает прошлое страны с будущим, сохраняет и передает из поколения в поколение «национальные черты и свойства, быт и уклад». Город – фактор интернационализирующий, деревня – фактор национализирующий, *par excellence*.

В связи с той же исключительно сложной средой города стоит и дальнейшая черта различия города и деревни. Город в «социальном организме» страны представляет центр необычайно напряженной нервной жизни, новаторского творчества и направления, центр расходования нервной, а значит, и всей жизненной энергии; деревня, напротив, была и остается центром созидания и накопления этой энергии, мотовски расходуемой городом.

На нервную систему горожанина ежечасно падает такое огромное количество «раздражений», какое едва ли падает на нервную систему селянина в течение недели. На все эти «раздражения» нервная система, а с ней и весь организм горожанина должны реагировать. Они постоянно находятся в «перевозбужденном» состоянии. Непрерывно тратят жизненную и нервную энергию. Отсюда – его творчество, его новаторство, его созидательная продуктивность в промышленности, науке, искусстве, политике и т.д. Благодаря тому же обстоятельству сам горожанин максимально активен, смел, всегда в той или иной мере авантюрист – то хитрый, то ловкий, то жестокий. Он – изобретатель. Он – новатор. Он – ступок одних нервов. Из города идут волны новаторства.

Вместе с этим благодаря той же напряженности нервной жизни город был и остается «нервной системой страны» и в смысле регулирующего и управляющего ею центра. Связанный со страной тысячами телеграфно-телефонно-радиолиний, железными дорогами и почтой, он в лице правительства, правлений трестов и банков, всевозможных комитетов разнообразных обществ, центра «общественного мнения» посылает в страну один приказ за другим, приводит в движение «рыхлое и неуклюжее» тело последней, удерживает его от одних движений и стимулирует к другим.

Но в этой же силе города кроется и его слабость. «Мотовское расходование» нервной энергии городом ведет неизбежно к краху, «нервному банкротству» города, если этот расход не пополняется «свежими нервами», приносимыми непрерывно приливающей «деревенщиной». Высосав нервы своих жителей, он делает их негодными. Отсюда ряд частных явлений в нервной жизни города.

1. Процент нервных больных в городе обычно больше, чем в деревне;
2. Процент самоубийц – людей с плохой нервной системой – также;
3. Процент больных и «худосочных» среди коренных горожан – также;
4. Нет надобности говорить об исключительной нервности города.

Из сказанного становятся понятными и такие явления в жизни города, как большая распространенность в городе алкоголизма и разнообразных возбуждающих веществ. Все это – иногда незаметно, иногда очевидно, но верно – ведет к «нервной прострации»... Спасает от этого город, и то не всегда, лишь непрерывный приток свежих нервов, вспоенных и вскормленных деревней и ее жителями. Деревня именно представляет тот центр, где создается и копится, но не расходуется нервная энергия... Здесь последняя взращивается. Отсюда она берется городом.

Далее, город был и остается «бродильным началом» в жизни страны и очагом волнений и революционной лихорадки. Город – антипод порядка. Он всегда треплется лихорадкой волнений. И не может не трепаться. Почему? Для ясности дам несколько пояснений.

Возьмите огромный пласт городского населения – рабочих. Вдумайтесь серьезно в обстановку и среду их жизни. Работа в закрытых помещениях. Царство машин, стали и угля. Грохот и стук. Изо дня в день одна и та же работа, монотонная, механическая, не дающая ничего ни уму, ни сердцу. В такой обстановке человек не может быть доволен. Его инстинкты не находят здесь полного удовлетворения. Монотонность и механичность работы убийственны. Ни «инстинкта творчества и изобретений», ни «инстинкта разнообразия и перемены жизни». Ни любовь к приключениям, ни любопытство, ни ряд других прирожденных склонностей, которые, собственно, вопреки рационалистам и управляют жизнью и поведением людей, совершенно не могут найти удовлетворения...

Отсюда неизбежное недовольство. Отсюда непрерывные попытки найти выход. Отсюда перманентная революционная лихорадка города. Положите спать человека на острия гвоздей – он, конечно, будет стараться изменить это положение, к которому он не приспособлен. В таком же положении находится рабочий класс в современной тюрьме железа и камня, называемой городом. В этом основная причина его революционности. Обычно указываемые причины: бедность, нищета, длинный рабочий день, контраст бедности и богатства – сами по себе имеют или второстепенное значение, или временами представляют собой лишь «символы» этого недовольства, пункты, к которым придираются, чтобы сорвать и излить его*.

Пока эта неестественная среда остается или пока не будут к ней приспособлены импульсы человека, а это требует очень долгого времени, город был и останется «очагом революционности», волнений и переворотов. Неудивительно поэтому, что в жизни многих народов период революций и социальных бурь

* Ибо за XIX и XX века до войны благосостояние рабочих поднялось, по исследованиям Bowly, Wood'a, Giffen'a, Levasser'a и др., вдвое, втрое, а революционная лихорадка их не исчезла. И обратно, уровень жизни крестьян был и остается во многом ниже, чем рабочих, и однако они «спокойны». Над любимой работой человек охотно работает не 8, а 12–16 часов, и она ему не в тягость. Над нелюбимой трудно работать и 3–4 часа. С этой точки зрения, хорошо аргументированной Patrick'ом, я не могу не согласиться с ним, что пока остается эта «неестественная» обстановка города или пока в течение многих поколений человечество не приспособится к ней, ни введение 8–6–4 час. рабочего дня, ни «социализация» фабрик, ни все меры, предлагаемые социалистами, синдикалистами, коммунистами и т.д., не способны прекратить эту революционную лихорадку городов со всеми ее спутниками: классовыми антагонизмами, гражданской войной и т.д. Болезнь лежит глубже, чем обычно думают. А предлагаемые рецепты ее лечения рассчитаны на таких людей, каковых на земле, и в особенности в городах, не существует. Все они не учитывают подсознательно-инстинктивную – главную и основную – сторону жизни человека.

Подлинный человек гораздо ближе к «Человеку из подполья» Достоевского, чем к «шоколадным ангелочкам», рисуемым этими планами. Болезнь лежит не только в «общественной среде», но и в самом человеке, в мире его импульсов, рефлексов и инстинктов.

Например, в России за десятилетие 1884–1894 годов процент внебрачных рождений в городах был равен 10,89%, в деревнях – 1,84%. Наибольший процент их падал на Москву (30%), Петербург (26%), Киев (20,8%).

Сходство наблюдается и в других странах. С ростом урбанизации растет и число разводов. В Бельгии, например, в городах с населением свыше 100 000 процент их в 10 раз выше, чем в коммунах с населением менее 500. Число разводов с процессом урбанизации быстро растет во всех странах, кроме Японии, причем процент их гораздо выше в городах и в индустриальных центрах, по сравнению с деревней. Число аборт в таких центрах, как Париж, Нью-Йорк и т.д., насчитывается 100 000 ежегодно.

начинался именно с момента значительного «урбанизирования» их, приобретения политической власти городом и его населением и падением влияния деревни и крестьянства.

Деревня отлична от города и в этом отношении. Быть может, она живет беднее и скромнее города, уж наверно крестьянин работает не 8 часов в день, а больше и ... однако, кроме случаев абсолютно невозможных условий жизни, вызвавших крестьянские «жакерии» и бунты (буквального голода и т.д.), деревню не треплет «революционная лихорадка». Она, раз нет этих экстраординарных условий, останется, как норма, «оплотом порядка». Это об нее разбивалось в конечном счете большинство революций. Это она надевала на них узду. Это она вводила их в берега... Так было. Так обстоит дело и теперь... (Венгрия, Бавария, Россия).

В связи с той же средой стоят и определенные дальнейшие – не только по форме, но и по содержанию – различия в духовном облике города и деревни.

а) С обстановкой современного города причинно связан критицизм и скептицизм, дух сомнения и подрыва догм, верований и вообще всяких ценностей.

Иная картина в деревне... Душа ее свежа. Она не переполнена скептицизмом. Убеждения здесь прочны. Заветы святы... Верования живут долго... Догматизм и вера могучи.

б) В связи с этим в морально-правовом отношении ряд нравственных правил и норм в деревне несравненно прочнее, чем в городе. Возьмите, например, половую жизнь. Чистота и прочность семьи и брака стоит в деревне гораздо выше, чем в городе.

Уголовная статистика, далее, показывает, что город является более криминальным, чем деревня, и в большинстве других преступлений, особенно имущественного характера. В этом отношении город... серьезно болен.

в) То же различие среды, и в частности различие профессий, неизбежно накладывает свою печать и на характер мировоззрения города и деревни, в частности на мировоззрение рабочих и земледельцев. Профессия и профессиональная обстановка имеют громадное значение, изменяют и штампуют по своему образу и подобию всю физическую и психическую природу человека. Какова профессиональная среда городского рабочего? Камень, железо и бездушные машины. Все здесь мертво, механично, материалистично. В чем состоит его работа? Опять-таки в простой, материалистичной трансформации одной вещи в другую. Все здесь подчинено закону необходимости, все рассчитано, измерено, детерминировано. Не видно ни воли, ни души, ни свободы, люди окружены мертвыми автоматами – и сами они автоматы. Такая «профессиональная среда» неизбежно делает механистическим, материалистическим, атеистическим, детерминистическим мировоззрение рабочих. Это мы и видим в действительности. Механически-материалистическое и атеистически-детерминистическое мировоззрение – результат городской индустриализированной среды. Оно функционально с ней связано. Вот почему не приходится удивляться тому, что с ростом городов растет материализм, атеизм и т.д. Совершенно иная профессиональная среда и работа крестьянина. Он все время среди живой, а не мертвой

природы. Он имеет дело с живыми растениями, с живыми животными, с живым миром, который рождается и умирает, где есть какая-то «душа», радость и страдание, есть подобие «боли», есть свой разум и жизнь. Здесь все антимеханистично, все одухотворено. В окружающей природе есть своя «тайна» и своя мистика... Такая среда и профессиональная работа неизбежно делают мировоззрение крестьянина антимеханистическим, антимистическим, индетерминистическим, религиозно-мистическим... Оно, как общая норма, радикально отлично от мировоззрения городского рабочего, окрашено совершенно в другие цвета.

д) Наконец, из различия той же среды вытекает различие горожанина, особенно городского рабочего, и земледельца в их отношении к собственности, к экономическому коллективизму и индивидуализму.

Рабочий класс в городе имеет очень мало, а кругом его так много богатств. Кроме того, городской рабочий – не хозяин. Он лишь физический исполнитель труда. Ему чужды психология хозяина и заботы о производстве. Он видит и понимает лишь его собственную работу, он заинтересован лишь в распределении благ, в том, чтобы ему досталось больше, независимо от того, возможно это или нет, приведет ли это к ущербу или пользе для всего народного хозяйства. Это отсутствие собственности и хозяйской психологии делает их склонными к социализму, к коммунизму и отрицанию частной собственности и к всеобщему экономическому равенству. Не понимая всей сложности явлений, они думают, что достаточно будет все «поравнять» и «социализировать», чтобы наступило всеобщее довольство и материальное процветание.

Совсем иначе обстоит дело у земледельцев. Как общее правило, земледelec – собственник. Он сам хозяин, а не только работник. Как собственник и хозяин, он имеет и хозяйскую психологию. Он понимает, что важно не только распределение, но и производство. Он знает, что одним равенством и социализацией немногого добьешься. Кроме того, в земледельческой работе огромное значение имеет личность и индивидуальность хозяина. В городах все делают машины. Они сильно «уравнивают» работников. Иное дело в сельском хозяйстве. Урожай здесь в огромной мере зависит от забот, трудолюбия и внимательности хозяина.

Вот почему крестьянин является собственником, хозяином, индивидуалистом. Вот почему все опыты коммунизма обычно разбивались об скалу деревни. Эти черты резко отличают земледельческий класс от рабочего класса и сближают его с капиталистами и предпринимателями.

Но, с другой стороны, ряд черт отделяют крестьянина от последних. Крестьянин (земледelec) не только хозяин, но в то же время и работник. В отличие от капиталистов он сам, своими силами ведет свое хозяйство, а не силами наемных рабочих. Он не эксплуатирует, подобно предпринимателю, никого. Эта черта сближает крестьянина с рабочими и отделяет от предпринимателей.

А все сказанное показывает, что экономическое и социальное положение класса земледельцев отлично от положения всех других классов и не сливается ни с одним из них. Поэтому его интересы не совпадают целиком с интересами других классов и не могут быть вверены защите последних.

Из предыдущего мы видели огромное значение земледельческого класса для всех стран. Для России же оно является исключительным и решающим. Без возрождения русского крестьянства невозможно возрождение России.

Раз это так и раз интересы крестьянства, или класса земледельцев, не могут быть вверены защите всякого другого класса, отсюда ясно, что сам земледельческий класс должен защищать их. Для этого нужно соединение и организация земледельцев.

Без этого их интересы будут по-прежнему приноситься в жертву городу, как приносились и до сих пор. В городах миллионы рублей тратились и тратятся на школы, на музеи, на выставки, библиотеки, почту-телеграф, телефон, больницы, санитарии, гигиену, благоустройство домов, улиц, садов и т.д. В деревне все это в огромной степени отсутствовало и отсутствует. Деревня забывалась. Ей перепадали лишь жалкие крохи с пиршественно-богатого стола города. Интересы деревни и земледельцев плохо защищались другими партиями и городом. Они приносились в жертву.

Такое положение ненормально, несправедливо и вредно не только для самих земледельцев, но и для всей страны, особенно такой страны, как Россия.

Без благоустроенной и здоровой деревни не может быть благоустроенной и здоровой вся страна. Города в этом случае будут вымирать биологически.

Без экономически процветающего земледельческого класса не может экономически процветать вся страна.

Без свежих деревенских сил, без ее чистоты нравов, уравновешенности, консервативности и т.д. город и страна не могут долго развивать творческую энергию, будут обречены на деморализацию, революционную лихорадку, беспорядки, дикую борьбу и вырождение.

Вот почему силы и средства возрождения любой страны, а особенно России, должны быть брошены в первую очередь в деревню. Вот почему необходима политическая, экономическая и культурная организация земледельческого класса как такового. Без усилий самих земледельцев никто им не поможет. Без их организации они будут по-прежнему слабы. Без стремления к улучшению своего положения они обречены на бедность, темноту и прозябание.

Интересы земледельцев-крестьян и интересы России требуют неукоснительного соблюдения лозунга: «Земледельцы России – объединяйтесь!»

Мало того. Требуется объединение земледельцев не только в пределах одной страны – международное.

Мы видим сейчас дикую борьбу городских рабочих и капиталистов, с одной стороны, и разных государств друг с другом – с другой. Рабочие пытаются осуществить «диктатуру пролетариата», капиталисты – «диктатуру капитала». Как показывает опыт России, Венгрии и Баварии, от той и другой диктатуры несладко приходилось земледельческому классу. Обе диктатуры «стригут» его. Борьба их друг с другом разрушительно влияет на крестьянское хозяйство. Она подрывает благосостояние всей страны. «Паны дерутся, а у земледельцев чубы трещат». Гибнет хозяйство страны, разрушается государство, уничтожаются культурные ценности; чем дальше длится борьба этих «Самсонов», тем сильнее и сильнее грозит одичание, вырождение и голод. Рядом с этим – Европа до

сих пор не может успокоиться после войны. Международное положение столь напряженно, что опасность новых войн очень близка. Новые же войны будут еще разрушительней, чем война 1914–1918 годов; они приведут к окончательному закату европейского экономического и духовного благосостояния. Такое положение дел, очевидно, не в интересах человечества; оно не в интересах и земледельческого класса. Прекратить же его может только организованное вмешательство последнего. Только земледельческий класс может повелительно сказать борющимся классам капиталистов и пролетариев: «Потише, довольно!» Такое активное соглашение земледельцев всех стран может ослабить опасность войн и столкновений.

Не претендуя на свою диктатуру (иначе он сделал бы ту же ошибку, что и другие страны), разумно учитывая общие интересы всей страны, подчиняя им, где надо, свои классовые интересы, объединенный класс земледельцев, и только он один, может положить конец внутренней и международной борьбе, грозящей величайшими бедствиями человечеству. Только авторитетный голос земледельческого класса может отрезвить завравшихся борцов и поставить вновь историю внутреннего и внешнего прогресса человечества на рельсы здорового, мирного и творческого развития. Отсюда необходимо, наряду с объединением земледельцев внутри одной страны, объединение их международное. Классы пролетариата и капитала выступают интернациональным фронтом. То же должен сделать и класс земледельцев.

Наряду с лозунгом: «Земледельцы России – объединяйтесь!» – должен быть другой лозунг: «Земледельцы всех стран, в первую очередь славянских, объединяйтесь!»

Такова задача времени. Ее выполнение начинает брать на себя ряд организаций. В ряду их на первом месте приходится ставить Международное аграрное бюро, организованное чешской земледельческой партией.

В добрый час!

Сведения об авторах

Бочкарёва Вера Игнатьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

v.bochkareva@gmail.com

Василенко Виктория Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой культурологии и искусств Северо-Кавказского федерального университета.

vasilvika@yandex.ru

Золотарёв Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета.

lmaks@syktsu.ru

Лазебная Ксения Павловна, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

door123@yandex.ru

Ломоносова Марина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

lomonosovamv@mail.ru

Оксузян Денис Владимирович, выпускник исторического факультета Сыктывкарского государственного университета.

oksuzyan.denis@yandex.ru

Попков Юрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института философии и права Сибирского отделения РАН.

yuripopkov54@mail.ru

Попкова Тамара Валентиновна, кандидат философских наук, доцент Сибирского университета потребительской кооперации.

popkova_tamara@rambler.ru

Сулимов Владимир Александрович, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета.
vasulimov@mail.ru

Теребихин Владимир Михайлович, кандидат философских наук, общественный эксперт ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина», заслуженный работник Республики Коми.
v.terebikhin@mail.ru

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (СПБ), заслуженный деятель науки Российской Федерации.
gtul@mail.ru

Тюгашев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета.
yugirorkov54@mail.ru

Хренов Николай Андреевич, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по науке Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ.
nihrenov@mail.ru

Правила оформления статей, представляемых в научный журнал «Наследие» ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина»

Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи, посвященные изучению наследия Питирима Сорокина и других выдающихся деятелей науки, связанных с землей Коми, – социологов, философов, культурологов, историков, юристов.

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке.

Объем публикаций – до 1 п.л. (40000 знаков); 12 кегль, гарнитура Times New Roman, одинарный интервал, поля верхнее и нижнее по 2,0 см, левое – 3,0 см, правое – 1,5 см.

Ссылочный аппарат

В статьях используется система текстовых ссылок в квадратных скобках с указанием автора работы, года издания, страницы – все через запятую, напр.: [Петров, 2006, с.10]. При отсутствии автора приводится сокращенное название источника, напр.: [Материалы переписи..., 2006, с.10]. Источники в библиографическом списке располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления:

Литература

Иванов И.И. Проблемы семьи и брака. М.: Наука, 1990. – 456 с.

Петров Г.В. Происхождение человека // Вопросы антропологии. М., 1997, № 5. – С.16–25.

Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года. М.: МИСК, 2008–2009 [www.globfuture.newparadigm.ru].

На электронный адрес журнала [rksorokinctr@mail.ru] необходимо отправить:

- текстовый файл со статьей с указанием индекса УДК;
- аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова на русском и английском языках, сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества (полностью), научных званий, должностей, места работы (обязательно указывается кафедра), электронного и почтового адресов.

По всем возникающим вопросам авторы могут связаться с главным редактором журнала Кузивановой Ольгой Юрьевной по тел. (8212) 20-16-12, e-mail: rksorokinctr@mail.ru